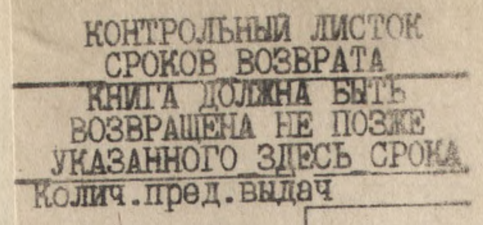
РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ



1-

Русск

чески

1967

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБЫШЕВА

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1987

Русские старожильческие говоры Сибири /Отв. ред. В. В. Палагина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — 232 с. — 1 р. 70 к. 500 экз. 6402000000.

Сборник посвящен функционированию современных русских говоров Сибири и их истории. На материале диалектологических экспедиций и памятников местной письменности XVII в. решается ряд актуальных задач лексикологии и лексикографии, словообразования, синтаксиса, фонетики.

Для филологов-преподавателей, аспирантов вузов, учителей русского языка школ.

Рецензент — кафедра русского языка и общего языкознания Иркутского университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р $\frac{4602000000}{177(012)-87}$ 129—86

М. Н. ЯНЦЕНЕЦКАЯ

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(на материале русского литературного языка и среднеобских говоров)

1. Значимость результатов типологического сопоставления словообразовательных систем родственных языков в немалой степени зависит от того, какие единицы избраны для сопоставления, в какой мере эти единицы отражают принципы организации словообразовательной системы. Не менее важным этот вопрос оказывается для сопоставительного изучения литературной и диалектных словообразовательных подсистем одного национального языка. Выбор такой единицы зависит от уровня разработанности общей теории словообразования и степени изученности конкретных словообразовательных систем. Относительно диалектного словообразования в 1972 г. Ф. П. Филин писал: «Еще нельзя сказать, что мы уже близки к полному описанию диалектных словообразовательных особенностей. До такого описания еще далеко. Не описаны даже такие явления, которые лежат на языковой поверхности»[1]. Однако за последние 10 лет изучение диалектного словообразования продвинулось вперед[2].

В настоящее время характеристика словообразовательной системы языка (диалекта) может производиться тремя способами: 1) путем описания системы словообразовательных категорий и подкатегорий и средств их выражения. Такой подход был намечен в «Грамматике русского языка»[3] и до-

[1] Филин Ф. П. Вокрасно, Вокрасный. — В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972, с. 268.

[2] См.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972, 285 с.; Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972. 175 с.; Псковские говоры. III. Псков, 1973. 318 с.; Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975. 79 с.; Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск, 1976. 125 с.; Говоры территории позднего заселения. Саратов, 1977. 159 с.; Проблемы ономасиологии. IV. Курск, 1977; Диалектная лексика. 1979, Л., 1982. 174 с. и др.

[3] Грамматика русского языка. М., 1953, т. 1, с. 20—630.

статочно широко использован при сопоставлении словообразовательных систем литературных языков[4]; 2) путем описания словообразовательных типов и их связей[5]; 3) путем описания системы словообразовательных гнезд[6], которое может исходить из формальных или содержательных показателей исходных единиц. Каждый из трех способов требует большой подготовительной работы—тщательной обработки конкретного материала, его классификации и создания соответствующих словарей: идеографического словообразовательного словаря, дающего представление о системе словообразовательных категорий и всех номинативно значимых конкретизаций этих категорий (ономасиологический аспект); словарей словообразовательных средств и словообразовательных типов, рассматривающих словообразовательную систему, исходя из ее формальных средств, связанных с разными видами словообразовательных значений (семасиологический подход); гнездового словообразовательного словаря, показывающего словообразовательные возможности различных слов (разных частей речи, разных семантических групп и разного морфологического строения). При условии типизации словообразовательных гнезд можно получить многомерное представление о словообразовательной системе языка. Для этого необходимо провести типологию словообразовательных гнезд на разных основаниях, создав их классификации по типу исходных единиц гнезда; производных конечной и других деривационных ступеней; внутригнездовых и межгнездовых связей и т. п. Выбор единицы исследования зависит от полноты рассмотрения конкретного материала в одном из указанных направлений.

Если на материале русского литературного языка созданы, хотя и с разной степенью полноты и систематизации, словари (или их опыты), по существу, всех видов[7], то диалектное

---

[4] См.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Тезисы докладов республиканской конференции (26—28 мая 1982 г.). Ч. 1—2. Гродно, 1982. 164 с.

[5] Русская грамматика. М., 1980, т. 1, с. 123—453.

[6] Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971. 387 с.

[7] Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978; Мейеров В. Ф., Шкляров В. Т. Русское слово в составе словообразовательного гнезда. Иркутск, 1979; Русская грамматика, т. 1, с. 20; Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев, 1982; Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования: Дис. ... докт. филол. наук. Томск, 1982, с. 175—315 и др.

словообразование таких словарей еще не имеет, Обратные диалектные словари[8], хотя и являются важным источником для сбора словообразовательного материала и первичной его классификации по формальному признаку, четкого и целостного представления о словообразовательной системе не дают. Не является собственно словообразовательным и «Мотивационный диалектный словарь»[9], в котором отражены мотивационные отношения производных единиц в лексической системе[10]. Играющие существенную роль в поддержании и формировании словообразовательных моделей, эти отношения, однако, словообразовательную систему непосредственно не характеризуют. Необходимы диалектные словари указанных выше типов.

В Томском университете подготовлены семантические классификации суффиксальных существительных и глаголов среднеобского диалекта (с перечнем всех выявленных словообразовательных значений)[11], готовятся такие классификации остальных групп производных. Эти материалы представляют собой основу идеографического словообразовательного словаря. Проводится работа по созданию среднеобского словаря словообразовательных типов (как в синхронном, так и в диахронном плане)[12] и словаря диалектных словообразователь-

---

[8] См.: Опыт обратного диалектного словаря. Томск, 1973; См. также: Янценецкая М. Н. Об использовании обратных диалектных словарей в лингвистических исследованиях: Дис. ... докт. филол. наук, с. 4—29; Greve R., Kroesche B. Russischen sprache der Gegenwart: Unter der Leitung von M. Yasmer. Berlin; Wiesbaden, 1958—1959.

[9] Мотивационный диалектный словарь. Томск, 1982, т. 1.

[10] Блинова О. И. О мотивационном словаре диалекта.— В кн.: Вопросы лексикологии. Новосибирск, 1977, с. 95—103.

[11] Янценецкая М. Н. Указ. дис., с. 175—315. В данной работе даны в систематизированном виде словообразовательные значения отсубстантивных, отадъективных и отглагольных существительных, а также отсубстантивных и отадъективных глаголов.

[12] См. кандидатские диссертации и дипломные сочинения, выполненные под руководством М. Н. Янценецкой: Араева Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора: Дис. ... канд. наук. Томск, 1981; Гудкова С. Н. Глагольные словообразовательные типы в системе одного говора: Дис. ... канд. наук. Томск, 1983; Волкова Л. Г. Диалектный словообразовательный словарь (на материале отглагольных существительных говоров средней части бассейна р. Оби): Дипл. раб. Томск, 1983; Гаджиева О. Г. Диалектный словообразовательный словарь (отыменные существительные среднеобских говоров): Дипл. соч. Томск, 1983; Николаева Н. Н. Словообразование прилагательных среднеобских говоров (словообразовательный словарь): Дипл. соч. Томск, 1983; Марьясова Т. А. Словарь префиксальных глаголов старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (В—О): Дипл. соч. Томск, 1983;

ных гнезд (также на материале среднеобских говоров)[13]. Наиболее разработанными являются два первых подхода, выдвигающих в качестве основных такие единицы словообразования, как словообразовательный тип и словообразовательная категория. Правомерность использования данных единиц в сопоставительных исследованиях зависит от степени тождества и дифференцированности сравниваемых словообразовательных систем.

2. При изучении родственных, например, славянских, языков, характеризующихся в целом общностью принципов организации словообразовательных систем и их основных единиц, исследователи рассматривают лексико-семантическую зону словообразования (деление семантического пространства между непроизводными, производными и аналитическими номинациями в разных языках оказывается различным)[14]; конкретные лексико-семантические темы, обслуживаемые морфологическим словообразованием[15]; формально-семантическое соотношение словообразовательных типов определенных частеречных подсистем—существительных, прилагательных, глаголов[16]—или словообразовательных аффиксов[17]; связь словообразовательных типов с грамматическими, в частности,

---

Печенежская Л. Е. Словарь префиксальных глаголов среднеобских говоров (П—У): Дипл. соч. Томск, 1983. В диахроническом аспекте словообразование рассматривается в дипломных сочинениях, выполненных под руководством В. В. Палагиной. (См.: Конзачакова В. И. Явление мотивированности в деловой письменности XVII в. Томск, 1980; Чупрова Н. А. Словообразовательная система в языке «Жития Протопопа Аввакума». Томск, 1981; Корнещук М. Е. К истории словообразования качественных прилагательных в Томском говоре. Томск, 1983).

[13] Под редакцией Е. М. Пантелеевой.

[14] См.: Никитевич В. М. Лингвистические основы сопоставительного исследования номинативной деривации близкородственных языков. — В кн.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. 2. Гродно, 1982, с. 106—108.

[15] Волоцкая З. М. К методике сопоставительного анализа номинативной деривации в славянских языках. — В кн.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Гродно, 1982, с. 32—35; См. также: Обзор работ Нещименко Г. П. и др. — В кн.: Актуальные проблемы славянского языкознания в СССР. М., 1983, с. 162 и др.

[16] Возний Т. М. Словотвір дієслів в українській мови у порівнянню з російською та білоруською. Львів, 1981. 187 с.; Зверев А. Д. Словообразование в современных восточнославянских языках. М., 1981. 206 с. и др.

[17] Вендина Т. И. Сходства и различия суффиксов -ica и -nica в славянских языках. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1981, М., 1984, с. 101—138.

родовыми показателями производных единиц[18]; продуктивность словообразовательных средств в сопоставляемых языках (почти в каждой работе по сопоставительному словообразованию); соотношение, с одной стороны, лексического значения производных при условии их морфемного тождества, с другой—морфемной структуры производных при условии тождества их лексического значения[19].

Для сопоставительного изучения русского диалектного словообразования применимы все аспекты, характеризующие исследования по славянской словообразовательной типологии. Обобщая их, можно сказать, что сравнению подвергаются микросистемы, когда сопоставляются производные конкретных семантических тем (лица, места, орудия и т. п.) или конкретного словообразовательного оформления, и макросистемы — словообразовательные системы в целом или их частеречные подсистемы (словообразование существительных, прилагательных, глаголов и др.). Первому подходу отдается предпочтение. Это естественно: без изучения микросистем невозможно выявить специфику языка (говора) в целом. Кроме того, можно ожидать, что при изучении близкородственных языков, обладающих общими принципами организации словообразовательных систем, более существенные результаты даст их сопоставление на уровне микросистем.

Заметим, что в первом случае используются как ономасиологический (от словообразовательного поля), так и семасиологический (от словообразовательной формы) аспекты анализа. Во втором случае, как правило, исследование проводится от формы к значению[20], хотя возможен и противоположный подход[21].

Что касается вопроса о соотношении лексического значения производных тождественной словообразовательной структуры, то следует сказать, что изучение такого соотношения приводит к выводам о роли морфемной (в том числе и

---

[18] Елисеева Л. В. Словообразовательные соответствия и родовая вариативность в семантически эквивалентных словах русского и белорусского языков. — В кн.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. 2, с. 53—55.

[19] Кабанова Н. П. Опыт сопоставительного анализа русских производных со значением лица и их славянских соответствий. — В кн.: Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. 2, с. 64—67.

[20] Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973, 304 с.; Русская грамматика, т. 1, с. 133—453.

[21] Янценецкая М. Н. Указ. дис., с. 175—315.

словообразовательной) структуры слова в установлении собственно лексических системных связей[22], в то время как объектом изучения сопоставительного словообразования должны являться, в первую очередь, словообразовательные, а не лексические показатели производных слов[23]. Сопоставительный анализ лексических значений производных единиц одинаковой словообразовательной структуры может оказаться значимым для словообразования лишь при условии обобщения результатов исследования для выявления специфики функционирования словообразовательного форманта и путей идиоматизации производных слов.

Анализ диалектных словообразовательных систем обычно проводится через сопоставление с соответствующей системой литературного языка. Сопоставительный аспект диалектных исследований неслучаен, он определяется такой характеристикой диалектов, как их относительная автономность: в говорах сильна общерусская основа, объединяющая их с литературным языком и между собой. Такое положение говоров в общей системе русского национального языка определило и названную методику их изучения—через сопоставление с литературным языком.

Словообразование среднеобских говоров также представляет собой относительно самостоятельную целостную систему, в которой имеются как общерусские, так и собственно диалектные элементы. Большая часть словообразовательных единиц диалекта (словообразовательные форманты, типы и категории) является общерусской, т. е. известной и литературному языку. Собственно диалектные единицы, напротив, могут быть как узколокальными, так и более широкого ареала, присущими ряду говоров. Общерусские элементы в говорах по сравнению с литературным языком обладают абсолютным или относительным тождеством. В последнем случае исследователь имеет дело с диалектным варьированием семантики или формы словообразовательных типов и категорий, которое вместе с собственно диалектными особенностя-

---

[22] Араева Л. А. Указ. дис.; с. 130—142; Янценецкая М. Н. Указ. дис., с. 308—315.

[23] Ср.: «Одни и те же производные в разных славянских языках могут иметь несовпадающие денотаты, таким образом, на словообразовательном уровне во многих случаях мы имеем дело с идентичным знаком, речь идет лишь о переориентировке денотатов». (Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1963, с. 265).

ми создает уникальность словообразовательной системы диалекта.

Сопоставительное изучение диалектных и литературной словообразовательных систем приводит к результатам двух видов: обнаружению дифференциальных диалектных признаков и выявлению структуры диалектной словообразовательной системы в целом на фоне литературного языка. Привлечение к сопоставлению других диалектных систем позволяет уяснить общие принципы устройства словообразовательной системы всех диалектов как одного из вариантов русского национального языка в противопоставлении с ведущим его вариантом—литературным языком.

Среднеобские говоры подверглись сопоставительному изучению как на уровне словообразовательных микросистем[24], так и на уровне частеречных подсистем, каждой в отдельности и в определенной их совокупности[25]. Результаты этого изучения показали, что сравнительное описание среднеобского и литературного словообразования может быть построено на основе таких показателей, как степень обобщения словообразовательных значений, соотносимые с ними средства выражения и характер связи первых со вторыми.

---

[24] Янценецкая М. Н. К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью. — В кн.: Уч. зап./Том. ун-т, 1965, № 57. Вопросы русского языка, с. 71—76; Она же. К вопросу о семантической соотносительности глаголов и отглагольных существительных. — В кн.: Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976, с. 61—70; Она же. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 128—145; Пантелеева Е. М. Образование имен существительных со значением лица. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971, с. 120—127; Она же. Имена существительные общего рода. — В кн.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с. 80—91; Она же. Бессуффиксальные имена существительные, мотивированные глаголами. — В кн.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974, с. 82—89 и др.; Грушко Н. Е. Семантика производных существительных, мотивированных глаголами физического действия. — В кн.: Проблемы грамматики и словообразования сибирских говоров. Красноярск, 1982, с. 42—53; Она же. О семантической соотносительности глагола и отглагольного имени с суф.-к-(а). — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 177—188; Резанова З. И. Словообразующие возможности существительных со значением артефакта. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 156—167 и др.

[25] Пантелеева Е. М. Образование сложных имен существительных. — В кн.: Грамматика русского языка. Иркутск, 1972, с. 157—166; Араева Л. А. Указ. дис.; Гудкова С. Н. Указ. дис.; Янценецкая М. Н. Указ. дис.

3. Анализ материала «от формы к содержанию» позволяет определить как возможную единицу сопоставления словообразовательный формант. В принципе общность и различие в составе формантов, в регулярности их употребления, в их сочетаемости и языковой значимости — существенные показатели сопоставляемых систем. Но по материальному оформлению диалектные форманты в целом совпадают с литературными, хотя и могут иметь звуковые варианты. В среднеобских говорах отмечены такие диалектные варианты общерусских суффиксов, как-НЯГ *(березняг, сосняг* и т. д., ср. лит. *березняк, сосняк)*,-ИГ(А) *(голубига, костянига* и др., ср. лит.: *голубика, костяника)* и др.

В других русских говорах отмечаются аффиксы, неизвестные литературному языку: см. суф. отвлеченного значения -ОВЕНЬ в рязанских говорах *(стуковéнь, писковéнь, шумовéнь),* собирательный суф.-(М(А) в прииссыкульских говорах (*казачмá, татармá)*, суф. лица -ЛЬ(Я) в алтайских говорах (*пря́лья, тка́лья)* и др. Тем не менее собственно диалектные словообразовательные аффиксы встречаются редко, поэтому представить диалектную специфику только с их помощью нельзя. Общерусский характер всех или почти всех словообразовательных формантов заставляет обратить внимание на более «частные» особенности функционирования формальных средств, например, регулярность их реализации. С разной степенью регулярности в литературном языке и среднеобских говорах реализуется, напр., суф. -АЧ в сочетании с основами производящих глаголов (ср.: общерус. *ткач, рвач, трепач* и диал. *деркàч* 'веник-голик', *клевàч* 'инструмент для создания борозд в желобах', *копàч* 'тяпка', *натягàч* 'инструмент для натягивания обручей' и др.).

И, наконец, специфичными могут быть значения словообразовательных формантов в сочетании с разными видами производящих единиц. Так, общерусские суффиксы -ИЩ(Е) и -АЧ в сочетании с основой существительных в литературном языке имеют соответственно значения места, участка земли (*городище, пожарище, кострище)* и живого существа (*скрипач, трубач, горбач, бородач, усач, космач);* в говорах же они обладают обобщенной пространственной семантикой, ср.: среднеобские слова на -ИЩ(Е) со значением участка земли, характеризуемого связанным с ним предметом: *репище, просовищё, табачище, картовище, льнище, клеверище, пшеничище, ячменище, пшенище, гречанище, моховище, коноплище, овсище, ржище, яровище, муравьище, печище* 'ме-

сто с разваленной печью', *огнище* 'пожарище', *могилище* 'кладбище', и со значением ручки орудия труда, части орудия, за которую берутся руками: *литовище, ухватище, пеховище, косовище, граблище*, и слова на -АЧ с еще более общей семантикой живого и неживого предмета: *брюхáч, кедрáч, пихтáч* 'территория по произрастающим на ней растениям', *рогàч* 'ухват', *горлàч* 'горшок с узким горлом'. Уже эти примеры, по существу, показывают, что специфика диалектного словообразования создается не столько за счет формальных показателей, сколько за счет системы словообразовательных значений.

4. Словообразование литературного языка и диалектов характеризуется определенными «семантическими пространствами», которые могут различаться как общими границами (совокупностью семантических тем, обслуживаемых средствами морфологического словообразования), так и степенью плотности, наполненности одних и тех же тем. Последнее зависит от количества производных данной семантической темы: чем больше производных, тем больше возможность представить данную тему в виде подтем разной степени конкретизации, образующих иерархически выстроенную семантическую сетку[26]. Кроме того, одна и та же тема в разных системах может быть связана с разными видами мотивирующей семантики, которые отражают типы номинации, реализующие один общий принцип или разные принципы номинации. Иными словами, производные одной семантической темы могут обладать разными словообразовательными значениями, что, в конечном итоге, обусловливает особенности диалектной словообразовательной системы. Специфика литературной и диалектных словообразовательных систем чаще всего определяется на уровне лексико-словообразовательных значений[27]. Сказанное объясняет, почему сопоставительное описание диалектной словообразовательной системы способом «от значения» признается наиболее эффективным.

5. Исходным для ономасиологического аспекта описания является понятие словообразовательной категории, возник-

---

[26] См.: Янценецкая М. Н. Указ. дис., с. 201—206, 235—240, 276, 296, 315.

[27] См. подробнее: Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1983, с. 36—42; Она же. Обобщенно-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа. — В кн.: Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985, с. 3—27. Она же. О терминах «словообразовательное значение» и «зна-

шее в целях семантического обобщения словообразовательных типов[28]. Объективной основой такого обобщения служит широкая синонимия словообразовательных типов. Этот факт «подсказывает» однозначное решение вопроса о причастности /непричастности словообразовательной категории к словообразовательной форме: понятие словообразовательной категории должно указывать не только на вид обобщенной словообразовательной семантики, но и на словообразовательные средства, служащие для его выражения[29]. Однако и в случае опоры на форму определение словообразовательных категорий представляется совсем не простым делом.

С ономасиологических позиций словообразовательная категория может быть интерпретирована как представленные в языке ономасиологический класс и соответствующий тип номинации, объединенные, благодаря принципу номинации, в единое целое. Принцип номинации отражает наиболее общий —принципиальный—подход к наименованию предмета или явления, подход, обусловленный той позицией, с которой данный предмет, явление рассматривается, изучается и оценивается человеком. Точка зрения, взгляд познающего субъекта на предмет, явление, реализуемый в процессе номинации этого предмета, явления, по существу, и есть принцип номинации.

В среднеобских говорах, как и в литературном языке, проявляются два принципа номинации предметов: функциональный и определительный (характеризующий). Каждый из них конкретизируется в нескольких типах номинации, объединяемых общностью ономасиологического аспекта, реализуемого с их помощью. Типы номинации вырабатываются для более или менее конкретных подтем (ономасиологических классов и подклассов) и могут характеризоваться разной степенью обобщения.

чение словообразовательного типа». — В кн.: Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984, с. 8—26.

[28] Земская Е. А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978, с. 30.

[29] Волоцкая З. М. Опыт описания одной словообразовательной категории (на материале производных названий места). — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975, с. 351—355; Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981, с. 200—215 (ср.: «В общей форме можно сказать, что для словообразовательного значения иметь специальное формальное выражение — значит быть категориальным»).

Выбор принципа и типа номинации в значительной мере связан с социальными характеристиками называемого предмета, явления. Несомненно, что всякое открытое человеком явление приобретает определенную социальную значимость, степень которой применительно к разным явлениям в разное время может быть и очень большой, и исчезающе малой. Но более существенным для номинации, очевидно, следует признать противопоставление предметов и явлений по социальным/ несоциальным условиям возникновения их самих или их свойств, а именно: обусловлено ли их появление производственной деятельностью людей и теми отношениями, которые в процессе этой деятельности складываются, или такой зависимости не существует. В первом случае существенную роль играет функциональный принцип, во втором—определительный.

Представленные непосредственно принципы номинации—через типы номинации — тяготеют к определенным частям речи как средству выражения. Так, функциональный принцип ярче всего проявляется в типах номинации, которые указывают на действие предмета, действие над предметом или с помощью предмета и выражаются глаголом; определительный принцип непосредственно реализуется в номинациях по свойству, признаку, выраженному качественным прилагательным. При опосредствованном выражении принципов номинации в качестве производящих единиц обычно используются существительные и относительные прилагательные. Разными способами, но и те и другие указывают на такой предмет, который участвует в функциональной ситуации, используемый для номинации рассматриваемого предмета, или которому называемый предмет подобен по какому-либо признаку (метафорическое словообразование). Соотносительный способ отражает номинацию предметов по их пространственной или временной смежности с другим предметом, по соотношению целого и части, которые, естественно, выражаются с помощью существительных.

На основе языковых значений, так или иначе отражающих типы номинации и ономасиологический класс, к которому принадлежит называемое явление, формируются разные виды словообразовательных значений. Считая словообразовательными значения, выражающие разные виды отношений

между типами производной и производящей семантики[30], нельзя не признать, что степень типизации последних может быть самой различной. Принципиально важно выделение, по крайней мере, трех видов словообразовательных значений: 1) грамматико-словообразовательного, отражающего частеречное соотношение производящего и производного («предмет по предмету», «признак по предмету» «предмет по признаку» и т. п.); 2) собственно словообразовательного, конкретизирующего частеречные связи до уровня значений, которые определяют лексико-грамматическую валентность лексических единиц и потому находят выражение в грамматических формах (падеж, прямая и косвенная переходность), в их синтаксической связанности (род, число, падеж прилагательных); см.: словообразовательные значения субъекта по орудию его действия, субъекта по месту действия и т. д., субъекта действия, объекта действия, орудия действия и т. п., носителя признака, признака по его носителю и др., действия по субъекту, действия по объекту и т. д. Виды таких значений обусловлены одним из указанных выше принципов номинации; 3) лексико-словообразовательного, учитывающего тематическую семантику производных и производящих единиц с разной степенью детализации. По существу, любой из данных видов словообразовательных значений может быть выражен с помощью специализированного формального средства и приобрести статус значения словообразовательного типа, «общего словообразовательного значения типа»[31]. Следовательно, в принципе значения словообразовательных типов способны характеризоваться неодинаковой степенью обобщения. Однако более обычным является такое положение, когда формально выраженными оказываются значения грамматико-словообразовательного вида. Значения собственно словообразовательные и лексико-словообразовательные чаще связаны со словообразовательным формантом опосредствованно — через грамматико-словообразовательную семантику. Таким образом, словообразовательное значение может быть связано со словообразовательной формой непосредственно и опосредствованно. Непосредственную связь со словообразовательным формантом имеет только самое общее значение словообразовательного типа, которое тем не менее по уровню абстракции прин-

[30] Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981, с. 5.

[31] Русская грамматика, с. 136.

ципиально может быть любым из трех указанных видов значения (ср.: в литературном языке значения «предмет по предмету» у отсубстантивных существительных с суф. -НИК, «лицо по профессиональному трудовому действию» у отглагольных существительных с суф. -ЛЬЩИК, «орудие, средство действия» у отглагольных существительных с суф. -ЛЬНИК, «вместилище, помещение для объекта» у отсубстантивных существительных с суф. -Н(Я).

Если точно следовать бытующему в лингвистике определению словообразовательной категории, то для ее выделения необходимо сопоставление словообразовательных типов, их общих значений одного уровня абстракции. Но тогда словообразовательные категории будут отличаться очень высокой степенью обобщения, дающего представление о словообразовательной системе лишь в рамках сопоставления отвлеченной частеречной семантики. Более частными значениями характеризуются, как правило, единичные словообразовательные типы, поэтому их семантика при данных условиях не способна получить квалификацию категориальной, а сами типы окажутся вне описания. При этом нельзя не учитывать, что реальная картина словообразовательной семантики вырисовывается на уровне собственно словообразовательных и особенно лексико-словообразовательных значений, которые способны «проходить» через многие словообразовательные типы, часто в качестве «частных словообразовательных значений» типа[32], т. е. не получая специального формального выражения. Эти виды значений нередко определяют сферу проявления активности словообразовательного типа, его синонимичные связи с другими словообразовательными типами и т. п.

Специфика литературной и диалектных словообразовательных систем чаще всего выражается на уровне лексико-словообразовательных значений, когда один и тот же словообразовательный тип в литературном языке и говоре обладает разным набором лексико-словообразовательных значений, и, наоборот, одно лексико-словообразовательное значение получает в них разное, непосредственное или опосредствованное аффиксальное оформление (специфика соотношения словообразовательной семантики и формы)[33]. Как видим, существенными признаками словообразовательной семантики являются

---

[32] Там же.

[33] Янценецкая М. Н. Автореф. дис. ... докт. филол. наук, с. 10—13, 36—42.

разноуровневый характер основных видов словообразовательных значений и разные типы их связи со словообразовательной формой, что приводит к существованию словообразовательных типов неодинакового семантического обобщения. Это означает, что все аффиксы мутационного словообразования, имеющие как будто бы статус одной единицы — словообразовательной морфемы, оказываются связанными с семантикой разного вида обобщения[34]. Средствам мутационного словообразования в этом отношении следует противопоставить аффиксы модификационного и синтаксического словообразования, выражающие более или менее однотипную словообразовательную семантику.

Указанные особенности словообразовательной системы должны найти отражение в такой словообразовательной единице, как категория. Это оказывается возможным, если признать, что статус категориального может приобрести любое из трех перечисленных выше словообразовательных значений при условии, что оно имеет хоть одно специальное средство выражения, т. е. является общим значением хотя бы одного словообразовательного типа[35]. В других типах данный вид значений может выражаться опосредствованно. Из сказанного следует, что словообразовательные категории могут быть первой, второй и последующих ступеней абстракции. Связь со специализированным формантом — свидетельство языковой отмеченности словообразовательного значения данного уровня обобщения. При таком подходе категориальная семантика рассматривается как устойчивая (центральная) единица словообразования, которая способна иметь ряд переменных средств непосредственного и опосредованного выражения.

С некоторыми оговорками к словообразовательным категориям могут быть отнесены такие значения, которые не совсем «чисто» соотносятся со словообразовательной формой. Сказанное относится к словообразовательным типам, облада-

---

[34] В противоположность им аффиксы грамматической категории обладают одинаковым уровнем абстракции (см.: категории времени, падежа и др.).

[35] Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система русского языка. — В кн.: Проблемы дериватологии: Тезисы докладов. Пермь, 1981, вып. 2, с. 67—69; Ср. также: «В данном языке существует та или иная словообразовательная категория в том случае, если соответствующее словообразовательное значение выражается формальными показателями, в числе которых имеется хотя бы один, выражающий — в указанных рамках — только это значение». (Манучарян Р. С. Указ. соч., с. 214).

ющим значением лексико-словообразовательного вида, которое представлено почти всеми производными данного типа и потому носителями языка осознается как значение соответствующей словообразовательной формы. Но на периферии этого основного значения параллельно с ним выделяется еще одно или даже несколько лексико-словообразовательных значений, которые, однако, отмечены буквально у единичных (одного—двух) производных. Возникновение таких производных связано с нарушением словообразовательных норм и, не использованные в качестве словообразовательных образцов, не поддержанные новыми образованиями, они воспринимаются как отступление от регулярно реализуемого значения словообразовательного типа. С некоторой степенью условности регулярно реализуемые значения подобных словообразовательных типов можно рассматривать как формально маркированные. Повторяясь в ряде словообразовательных типов, эти значения приобретают функции словообразовательных категорий. В среднеобских говорах, например, отглагольные существительные с суф. -ЛЬНИК обладают семантикой орудия действия, но одно слово (*молотильник*) имеет значение 'лицо, производящее действие'. Отсубстантивные существительные с суф. -Н(Я) в подавляющем большинстве имеют значение 'вместилище, определяемое по помещаемому в нем объекту' (*голубня, овечня, пчельня* и др.), но, кроме того, отмечены два слова со значением подобия (*сковорóдня* 'пирог, имеющий форму сковороды', *рогýльня* 'ручка сохи, имеющая форму рогули—рогов') и одно слово с собирательным оттенком значения (*головня* 'сорт льна с большим количеством головок'). Тем не менее значения орудия действия и помещения для объекта являются основными представителями указанных словообразовательных типов и функционально могут быть приравнены словообразовательным категориям.

Благодаря связи с формой словообразовательные категории могли бы дать достаточно глубокое представление о словообразовательной системе диалекта, если бы они формировали словообразовательную семантику всех уровней обобщения. В действительности же специальные формы выражения получают наиболее обобщенные и близкие к ним значения, располагающиеся «на вертикали» между грамматическими и собственно словообразовательными значениями. Таковыми являются многие общерусские словообразовательные категории, известные литературному языку и говорам, в том числе и среднеобским.

2. Заказ 4620.

Однако основное семантическое пространство в словообразовании занято лексико-словообразовательными значениями, непосредственно не соотносимыми ни с одним словообразовательным средством. Характеризуя ряд словообразовательных типов, они образуют своего рода словообразовательные подкатегории, которые, как и категории, могут быть разного уровня обобщения. В пределах словообразовательного типа их связь со словообразовательным формантом осуществляется опосредствованно, через наиболее общее значение словообразовательного типа. Состав подкатегорий в литературном языке и говорах во многом является общим, но возможны и заметные различия как в самом наборе лексико-словообразовательных значений так и в особенностях их опосредствованного соотношения со словообразовательными средствами. Различия такого вида в значительной мере определяют своеобразие литературной и диалектных словообразовательных систем.

Несмотря на наличие противопоставленных характеристик (непосредственная и опосредствованная связь со словообразовательным формантом), словообразовательные категории и подкатегории не имеют четкой границы в силу некоторой семантической открытости словообразовательного типа, его способности «принять» новые лексико-словообразовательные значения в пределах наиболее обобщенной (или стремящейся к такому обобщению) семантики словообразовательного форманта (см. выше об условно выделяемых категориях). В своей совокупности категории и подкатегории дают возможность достаточно полно представить словообразовательную систему того или иного языка, отражая реально функционирующие типы словообразовательных значений и их связи с формальными средствами языка. Наибольший интерес представляют лексико-словообразовательные значения, так как благодаря им универсальная семантика (грамматико-словообразовательные и собственно словообразовательные значения) приобретает специфический вид в словообразовательных системах конкретных языков или в их подсистемах.

Грамматико-словообразовательные значения определяются более частеречной классификацией слов, чем собственно словообразовательными требованиями, и потому мало что могут сказать о словообразовательных особенностях того или иного родственного языка. Однако для уяснения путей и способов взаимодействия словообразования с грамматикой (и прежде всего с морфологией) первостепенное значение при-

обретают формальные характеристики словообразовательных типов. Как показали исследования[36], существование некоторых словообразовательных категорий обусловливается тем, что выражаемая ими семантика значима для грамматики, но специального грамматического средства для своего выражения не имеет. Появление таких средств снимает с соответствующего словообразовательного форманта семантические ограничения, что приводит к семантическому расширению словообразовательных типов и исчезновению словообразовательной категории с ограниченным значением. В русском диалектном словообразовании тенденция к семантической абстракции словообразовательных категорий выражена более ярко, чем в литературном языке, так как связана с более широким функционированием в говорах продуктивных словообразовательных средств. В среднеобских говорах, например, среди отглагольных субстанциональных типов нет ни одного, общее значение которого равнялось бы одному лексико-словообразовательному значению, в то время как в литературном языке такие типы имеются (см.: отглагольные существительные на -ЛЬНИК со значением орудия действия, на -К(И) со значением вещественного результата действия и на -ИН(А) со значением результата воздействия на поверхность чего-либо) [37].

Таким образом, сопоставительное изучение русского диалектного словообразования может проводиться на основе целого ряда словообразовательных единиц, среди которых следует выделить словообразовательный тип, его формально-семантическое варьирование, словообразовательную категорию и подкатегорию с учетом средств их выражения, а также степень активности и регулярности словообразовательных типов и широту связей категорий и подкатегорий с формальными показателями.

---

[36] Азарх Ю. С. Проблема связи словообразования и формообразования в истории русского языка (имя существительное): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.

[37] Ср. с соответствующими «общими значениями» типов в кн.: Русская грамматика, с. 262—263.

М. Б. ТАРАСОВА

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

(на материале русских говоров Сибири и литературного языка) [1]

Словопроизводство на базе фразеологических единиц (ФЕ) представляется специфическим процессом в системе русского словообразования. Его своеобразие определяется прежде всего свойствами исходной производящей единицы. В языке достаточно часты случаи, когда одно и то же явление действительности может быть названо с помощью слова и фразеологизма, напр.: *удивляться, изумляться, из див выходить; бездельничать, лодырничать, бить баклуши; пустословить, точить балясы, разводить турусы; шутить, насмехаться, зубы мыть* и т. д. При этом если слово возникает в языке, удовлетворяя потребности номинации, то функции фразеологизмов принципиально иные. Для называния новых явлений фразеологизмы не нужны. С этой функцией справляются слова и устойчивые сочетания терминологического характера. Фразеологизмы создаются для «конкретизации и образно-эмоциональной оценки предметов, качеств, явлений, уже названных в языке»[2]. Следовательно, как правило, фразеологизмы дают не прямое, а параллельное обозначение объектов действительности.

В свете сказанного представляется интересным определить, какие факторы приводят в действие и регулируют механизм отфразеологического словопроизводства, при котором, в случае категориального совпадения производного и произво-

---

[1] В статье используются материалы сибирских старожильческих говоров Кабанского района Бурятской АССР, записанные автором во время диалектологических экспедиций 1978—1980 гг., а также данные Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967, т. 1—3 и Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (дополнение). Томск, 1975, ч. 1—2.

[2] Федоров А. И. Фразеологизм как экспрессивно-стилистическая единица языка. — Вопросы стилистики. Саратов, 1977, вып. 12, с. 24.

дящего, создается параллельное обозначение уже не второго, а третьего порядка (ср.: *бездельничать — бить баклуши — баклушничать; пустословить — точить лясы — балясничать* и др.); в том же случае, когда производное отличается от производящего лексико-грамматической отнесенностью (*скалить зубы — зубоскал; зубы мыть — зубомой*), новое обозначение не является единственным, а пополняет экспрессивный ряд уже имеющихся синонимов.

Рассмотрим группу факторов, создающих условия для осуществления акта отфразеологического словообразования. Отличительным свойством большинства ФЕ является их экспрессивность. Фразеологизмы придают речи образность, яркость, эмоциональность; выражая мысль в экспрессивно насыщенной форме, они являются «лидирующим средством в лаборатории речевой изобразительности»[3]. Все это служит хотя и не единственной, но важной предпосылкой использования ФЕ как производящих, благодаря чему осуществляется пополнение экспрессивного лексического фонда, который нуждается в постоянном обновлении.

Характерной особенностью ряда ФЕ, выступающих в качестве производящих, является грамматическая дефектность, то есть отсутствие какой-либо грамматической категории из обязательного набора. Установлено, что это свойство присуще, в частности, тем глагольным фразеологизмам, которые отличаются осложненностью процессуального значения элементом качественно-оценочной характеристики. Вот, например, ряд диалектных фразеологических единиц, записанных от русских старожилов Кабанского района Бурятской АССР: *фасон показать, козыря поднять, канители выделывать, Ивана строить* и др. Они являются составной частью тематической группы со значением «поведение лица». Категориальная сема для этой группы фразеологизмов — «вести себя». В зависимости от контекста такие ФЕ могут выражать поведение непосредственно (*капризничать, заноситься, зазнаваться*) и опосредованно (*модничать, наряжаться*), то есть через манеру одеваться. Конкретное наполнение базового идентификатора [вести себя (как, каким образом)] может быть раскрыто с помощью дифференциальных сем:

---

[3] Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка. Пермь, 1974, с. 91.

вести себя нескромно — показывая своим внешним видом и поведением превосходство над кем-либо; проявляя высокомерие и недовольство.

Такое раскрытие необходимо, так как сочетание «вести себя» требует качественной определенности, поскольку, будучи информативно недостаточным, самостоятельно не употребляется. А раз так, можно говорить о том, что признаковые семы не присоединяются к категориальной в качестве уточнителей, а слиты с ней, содержатся в глубине семантики.

Анализ случаев контекстного употребления подобных оборотов выявил определенную закономерность: одна их часть фиксируется в форме настоящего неактуального времени несовершенного вида (*фигуры выставлять*, *Ивана строить* и др.), другая — в форме совершенного вида прошедшего перфектного (*козыря поднять, норку задрать*). Знаменательно, что из всего многообразия видовременных форм глагола реализуются только те, которые более всего способны выразить оттенок качественной характеристики[4]. Но, выигрывая в признаковости, такие ФЕ проигрывают в процессуальности. Языку же важны оба аспекта.

В подобных случаях для подчеркивания «процессности», «действенности» создается отфразеологический дериват, в котором категориальные ограничения снимаются, а номинативное ядро значения остается прежним, например: *выфигуривать, иваниться, козыриться*, *канителить* и т. п.

Нарастание качественно-характеризующего значения у ФЕ может привести к утрате глагольных категорий, к фиксации фразеологизма в одной видовременной форме и, в конечном счете, к переходу единицы в другой лексико-грамматический разряд. Так, например, закрепление оборотов типа *собаку съел, белены объелся* и под. в форме совершенного вида прошедшего времени связано с актуализацией в их семантике признаковых, характеризующих сем. Видовременные формы таких фразеологических единиц оказываются пустыми, неграмматическими, что является свидетельством перехода этих фразеологизмов в разряд адъективных. Восстановление

---

[4] Категории несовершенного вида и настоящего времени неактуального осуществляют «обозначение действия повторяющегося, обычного, не связанного с конкретным моментом», а значит, способного благодаря повторяемости характеризовать объект; перфектное значение прошедшего времени связано с «фиксацией каких-то внешних признаков в субъекте, с его качественной характеристикой». (См.: Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., с. 117, 146).

глагольных свойств осуществляется в процессе деривации: *собаку съел — насобачиться, белены объелся — взбелениться.*

Таким образом, противоречие между качественно-характеризующим и процессуальным аспектом семантики, между глагольностью по форме и признаковостью по существу может быть рассмотрено как фактор, стимулирующий осуществление словообразовательного процесса. Для функционирования в речи ФЕ и отфразеологического деривата важным оказывается характер коммуникативного задания: для актуализации признакового аспекта используется фразеологизм, для подчеркивания собственно глагольных характеристик — производное от него слово.

Качественно-характеризующий оттенок значения, осложняющий процессуальную семантику глагольного фразеологического оборота, может быть выражен не только имплицитно, как в рассмотренных выше случаях, но и эксплицитно, с помощью особой модели фразеологического сочетания. Такой моделью является, например, структура глагол+(предлог+существительное), то есть компонентами таких сочетаний выступают глагол и предложно-падежная конструкция, напр.: *работать с рук с ног, работать через ножку* (работать плохо); *жить в леготку, жить в одну душу, жить в одно сердце* (жить дружно, в полном согласии). Степень участия компонентов в формировании фразеологического значения этих единиц принципиально различна. С глаголом связана «номинативная» часть семантики оборота: ФЕ называет то же действие, что и опорный глагол. Но для значения подобных фразеологизмов называние действия актуально менее всего. Важна его качественная характеристика. Поэтому семантически ведущим оказывается именной член, близкий по значению к наречию. И поскольку глагольный компонент свободен от дополнительной нагрузки, он без затруднений выполняет все грамматические функции: несет категории вида, времени, залога и т. д.

Анализ фактического материала показал, что если оттенок признака в глагольной фразеологической единице выражен благодаря определенным конструктивным особенностям эксплицитно, то акта словообразования не происходит. Если оттенок признака выражен имплицитно и если он начинает вступать в противоречие с глагольнооформленностью ФЕ, то возможно осуществление словообразовательного акта, цель которого состоит в сохранении экспрессивности единицы при расширении ее функционирования.

Другой фактор, стимулирующий осуществление словопроизводства на базе ФЕ, связан с тем, что глагольные фразеологизмы не дают, как правило, приставочных образований, типичных для сферы глагольной лексики. Это ограничение также может быть снято в деривате: *(вы)таращить глаза— (вы)таращиться, истаращиться, растаращиться, потаращиться; Ивана строить — иваниться, разываниться, заиваниться*; *попасть впросак — испросачиться* и под.

Иногда потребность в создании слова на базе ФЕ может быть связана с определенной ограниченностью ее формообразовательных свойств. Как правило, глагольные фразеологизмы очень редко образуют причастные и деепричастные формы, хотя в принципе это возможно, ср.: *таращить глаза — таращивший глаза, поднять козыря—поднявший козыря, задирать норку—задирающий норку* и т. д. Несмотря на редкую употребительность причастий в разговорной речи, они все же чаще образуются от отфразеологических глаголов, чем от исходных для них ФЕ.

Особым своеобразием отличаются причастные формы, образованные на базе устойчивых сочетаний типа *насупить лоб, брови; нахохлить перья; взъерошить шерсть, волосы* и под., не имеющих формообразовательных ограничений. Известно, что причастия действительного залога обозначают признак субъекта по действию, названному в данном случае глагольным фразеологизмом (*насупивший лоб, нахохливший перья, взъерошивший шерсть*); причастия страдательного залога обозначают признак *объекта*, в качестве которого выступает именной компонент сочетания (*насупленный лоб, нахохленные перья, взъерошенные волосы*).

Любопытно, что в некоторых случаях страдательные причастия, образованные на основе таких сочетаний, могут обозначать и признак объекта, и признак субъекта. В последнем случае происходит расширение семантики причастной формы за счет включения в нее значения именного компонента. В результате этой импликации страдательное причастие оказывается приложимым и к субъекту действия: *нахохленный воробей, насупленный, взъерошенный, замороченный человек* и т. п.

Таким образом, некоторые свойства фразеологических единиц, связанные с их грамматической дефектностью или формообразовательной ограниченностью, являются факторами, стимулирующими осуществление акта отфразеологической деривации.

Свойства иного порядка регулируют выбор того способа, посредством которого происходит образование слова от устойчивого словосочетания. Используемые здесь способы могут быть представлены как два типа словопроизводства от фразеологического деривата. В одном случае в образовании участвуют оба компонента ФЕ, в другом — только один, ср.: *мыть зубы* (смеяться, шутить, насмехаться) →*зубомой* (насмешник), *зубомыватый* (насмешничающий); *ронять зубы* (терять зубы в определенное время—о домашних животных) →*зуборон* (период, когда домашние животные теряют зубы); *снимать пенки* (пользоваться плодами чужих трудов) →*пенкосниматель* (любитель пользоваться плодами чужих трудов); *втирать очки* (вводить в заблуждение) →*очковтирательство* (обман, введение в заблуждение).

Анализ выявил достаточно закономерную взаимосвязь между типом образования деривата и способом фразообразования, с помощью которого создана производящая единица. Актуальным для словопроизводства оказывается образный или безóбразный характер исходных фразеологизмов. Первые возникают на основе свободного словосочетания, выражающего определенное представление, которое по каким-либо ассоциациям подвергается переосмыслению и получает новое значение. В этом значении словосочетание закрепляется как фразеологическое, а опорное для него свободное словосочетание начинает выполнять функцию наглядно-образной основы (*мыть зубы, ронять зубы, снимать пенки, хватать за горло, закидать шапками* и др.). Следовательно, у образных ФЕ фразеологическое значение тесно связано с наглядно-образным представлением, выражению которого служат в равной мере оба компонента. Поэтому оба они должны быть представлены в создаваемом деривате.

Безóбразный фразеологизм строится обычно иначе—путем реализации несвободных значений полнозначных слов. Как правило, в таких ФЕ за одним компонентом закреплена бóльшая часть смысловой информации, за другим — грамматической. Поэтому необязательным представляется участие обоих компонентов в словообразовательном процессе. Подобно этому, когда производящей является единица, относящаяся к фразеологическим сращениям, образование деривата идет с опорой на один компонент, который либо вычленяется полностью, концентрируя в себе значение оборота и иногда модифицируя его в лексико-грамматическом аспекте, либо предоставляет для акта словопроизводства формально про-

изводящую основу, например: *бить баклуши→баклушничать* (говорить о пустяках, шутить, острить), *баклуша* (шутка, острота); *тянуть волынку→волынить* (намеренно затягивать какое-либо дело, медлить в работе), *волынка* (затягивание какого-либо дела, медлительность в работе); *бить сачка→сачковать* (бездельничать), *сачок* (бездельник); *лясы точить →лясничать* (пустословить), *лясы* (пустословие, болтовня) и т. д.

Выбор компонента, основа которого используется при отфразеологической деривации, по-видимому, тоже подчиняется определенным закономерностям. Нами виделены некоторые факторы, влияющие на этот выбор.

1. Уникальность лексической единицы, выступающей в качестве компонента фразеологизма. Производные с такими основами (*баклушить, балесить, балясничать, турусить, блезирничать, комедить, лясы, турусы, испросачиться)* наиболее просто декодируются носителем языка, так как однозначно отсылают его к исходному значению, выраженному фразеологизмом.

2. Неспособность грамматически опорного и семантически ключевого компонента фразеологических сочетаний типа *зажмурить глаза, насупить брови, осклабить рот, пялить глаза* и т. п. выполнять полную знаковую функцию, то есть обозначать процесс как таковой, безотносительно к семантически связанному с ним партнеру по сочетанию. Полноценными в знаковом отношении являются образованные от таких фразеологических единиц дериваты, ср.: *зажмуриться, насупиться, осклабиться.*

Таким образом, анализ деривационных связей между словом и ФЕ показал, что существуют факторы, которые 1) приводят в действие механизм отфразеологического словопроизводства (экспрессивность ФЕ, отсутствие приставочных фразеологических образований, некоторая дефектность фразеологизмов в грамматическом и формообразовательном отношении); 2) регулируют выбор типа образования слова на базе ФЕ (образный—безо́бразный характер оборота); 3) определяют, основа какого компонента будет использована как формально производящая.

М. Г. СЕМЕНКИНА

О РОЛИ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕФИКСА В ОРГАНИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ СИНОНИМИИ

Одним из видов лексической организации слов является их сближение на морфологической основе. Формально и семантически различные мотивирующие противочлены могут сочетаться с формально тождественными аффиксами и образовывать при этом разряды слов, которые объединяются общностью формального признака и общностью семы. В глагольной лексике это, например, ряд слов: *защелкать, запеть, зареветь, забулькать* и под., сближающихся на основе лексически тождественного аффикса.

Сближение различных мотивирующих единиц под знаком тождества аффиксального форманта (явление морфосемантической конвергенции) прослеживается на разных уровнях абстракции[1]. Конвергентными рядами с предельно большой степенью семантической общности являются разнокорневые синонимы или дублеты. Явление морфологической синонимии весьма распространено среди префиксальных глаголов[2]. С одной стороны, синонимические отношения между производными глаголами могут дублировать синонимию производящих, с другой—синонимический параллелизм между ними появляется в результате префиксации. Префикс, позволяющий привести несинонимичные производящие лексы к единому семантическому знаменателю, должен обладать сильными обобщающими свойствами. Однако в любом случае префикс является связанной единицей. И его роль в органи-

---

[1] См.: Головин В. Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1967.

[2] Соколов О. М. Морфологическая синонимика в ряду смежных явлений. — В кн.: Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970; Ермакова О. Н. Синонимия производных слов с одинаковой словообразовательной структурой. — Русский язык в школе, 1977, № 1.

зации лексических отношений производных слов проявляется через семантику производного слова и во многом зависит от значения мотивирующей основы. Префикс и мотивирующая основа сочетаются по принципу семантической совместимости. Функционирование в составе слова приводит к появлению функциональных разновидностей префикса и в конечном итоге—к полисемии. Варьирование семантической близости между приставками и производящими основами вызывает смещение семантического центра слова либо в пользу мотивирующей основы, либо в пользу префикса. А это, в свою очередь, отражается на дальнейшей судьбе слова в лексико-семантической системе.

В данной статье ставятся задачи: выявить в семантической структуре производящих глаголов компоненты значения, влияющие на свойства префиксальной валентности, и проследить способы их участия в образовании синонимических отношений между производными; выяснить конкретные причины семантической интеграции (сближения) производящих основ под влиянием префикса. Материалом исследования послужили многозначные глаголы с компонентом физического воздействия на объект в первом значении, а именно, глаголы физического действия с архисемами «деструктивного воздействия на объект» *(резать, рубить, сечь, тесать, потрошить, драть, ломать, крушить, кромсать, молоть, корежить, лущить, рушить, скрести, скоблить, царапать)*; «болевого воздействия на объект» *(колоть, пихать, тискать, стегать, хлыстать, хлестать, пинать, стукать, дергать, тузить, щипать, цеплять, хватать, дубасить, щемить, шпынять, колотить, хапать, давить, пороть, теребить, колошматить, мутузить, лупцевать, жать, душить, трепать, тереть, цапать, терзать, теснить, топтать)*; «изменения конкретных локальных границ движения объекта» *(бросать, кидать, швырять, метать, валить, сыпать, лить, ронять)*; «приводить в колебательное движение» *(качать, шатать, мотать, шевелить, трясти, махать, вилять, крутить, вертеть)*; «воздействовать на поверхность предмета с целью покрытия» *(пачкать, мазать, мусолить, грязнить, чернить, марать)*.

Внутрисловные отношения представленной группы глаголов — это отношения избыточности (совпадения семантики префикса с семантикой глагола) и пассивной результативности, под которой нами, вслед за О. М. Соколовым, понимается такой тип внутриморфемных отношений, когда значение р е з у л ь т а т и в н о с т и навязывается префиксу соответствую-

щей направленностью действия на достижение результата[3]. При данном типе отношений префиксы обозначают такую предельность, которая ассоциируется с достижением естественного результата действия, т. е. являются одноаспектными с результативной направленностью действия. При этом для образования синонимического конвергентного ряда (СКР) как частного случая проявления валентных свойств слова релевантно наличие в семантике глагольного мотиватора не только того или иного категориального компонента, но и набора дифференциальных компонентов. Так, в глаголах со значением «деструктивной направленности действия» и «болевого воздействия на объект» актуален аспект результативной направленности действия в двух основных разновидностях: деструктивной и конструктивной направленности.

Наибольшую наполняемость имеет СКР глаголов физического действия с деструктивной направленностью действия на неодушевленные объекты (*крушить* лед, *ломать* лед, *рушить* дом, *изломать, истерзать, изуродовать*, *истоптать, изувечить, искалечить* самовар, *исковеркать* миномет, *искоробить* доски, *избивать* паперть осколками, *поломать*, *покоробить* доски, *разрушать, разламывать*). Деструктивный результат действия заложен уже в мотивирующих основах, поэтому глагольный префикс лишь определенным образом конкретизирует его. В наиболее общем виде результативность действия в данном случае выражается префиксом ПО- (*поломать, покалечить* и под.); префикс ИЗ- подчеркивает, что действие совершается интенсивно; приставка РАЗ- (РАС-) указывает на то, что в результате интенсивно совершающегося действия происходит «разъединение» объекта (*разломать*, *разрушить* и под.). Синонимия разных префиксальных глаголов возникает в данном случае на основе тождества типа предельности (обозначения результата деструктивного действия) разных по форме префиксов при некотором (в пределах тождества) допустимом варьировании их семантики. Тот же самый аспект семантики актуализируется в других по денотативной отнесенности глагольных лексах. При этом аналогичный тип внутриморфемных отношений (избыточности или пассивной результативности) приводит к появлению СКР, по типу организации близких к предыдущему, напр.: *драть* платки (резким движением *разрывать* на части), *рвать* платки, *кромсать, изо-*

---

[3] Соколов О. М. Вопросы префиксальной дивергенции. — Вопросы языка и литературы. Томск, 1970, с. 102—107.

рвать, изодрать, искромсать, разрывать, раздирать; резать капусту, *мельчить, сечь, шинковать, порезать, помельчить, посечь, пошинковать, изрезать, измельчить.*

При лексико-семантическом варьировании в рамках тождества компонента деструктивного воздействия на объект изменяется набор дифференциальных сем, отражающих изменение денотативной отнесенности глагольного действия. В результате СКР от вторичных номинативных значений организуются префиксы, совмещающими в своем значении компонент деструктивной направленности действия с семами-конкретизаторами локального или квантитативного характера, отражающими особенности взаимоотношения предметов—участников действия, Так, в СКР *рубить* голову, *сечь* голову, *отрубать, отсекать* префикс ОТ- со значением «отделения» подчеркивает локальный аспект результата действия; префикс ВЫ- в составе производных СКР *резать* кресты, *тесать* весла, *рубить* болванки, *вырезать, вырубать, вытесывать, высекать* из мрамора статую указывает на то, что физическое действие с конструктивной направленностью на объект имеет локальную окраску, а именно, осуществляется путем изъятия, извлечения какой-либо части предмета. В данном случае мотивирующие основы различаются семантическими компонентами, касающимися способа осуществления действия, благодаря которому может быть достигнут относительно тождественный результат *(рубить, резать, сечь, тесать).* В том случае, если говорящему важно заострить внимание на результате действия, при префиксации исходные различия могут нейтрализоваться.

При направленности деструктивного действия на одушевленный объект появляется СКР глаголов типа *загнать* лошадь, *зарезать, запороть, запалить.* Компонент деструктивной направленности действия существует в семантике производных лекс наряду с другими аспектами (ср.: *нарезать, прорезать, вогнать, подпалить* и под.). По-видимому, одинаковые деривационные условия, в которые попадают ЛСВ (в условия дистрибуции с результативным префиксом ЗА-), позволяют выявиться такой семантической общности лекс (за счет сильных интегрирующих свойств глагольного префикса, способного нейтрализовать другие аспекты мотивирующей семантики), которая не вполне отчетлива вне деривационного окружения.

СКР на базе переносных значений в еще большей мере отражают интегрирующие функции префикса. Семантический перенос в рамках глагольного слова осуществляется на базе

тождества компонента аспектуальной направленности действия при наиболее полном изменении набора дифференциальных признаков. Так ,напр., утрачивая семантические признаки физического действия, ЛСВ *резать* в значении 'ставить в безвыходное положение, губить' сохраняет компонент деструктивной направленности на объект. При этом существенным образом меняется субъектно-объектная характеристика действия. На базе переносного значения ЛСВ и префикса РАЗ- с деструктивной предельностью формируется СКР: *рушить* традиции, *ломать* традиции, *разрушать, расшатывать, разваливать* хозяйство. В результате нейтрализации компонентов физического действия при семантическом переносе произошло сближение данных ЛСВ по типу объекта (объектом ЛСВ в переносном значении является вещь, принадлежащая какой-либо производственной единице, сама производственная единица или отрасль духовного или материального производства). Сильно результативный префикс РАЗ-(РАС-), обладающий сильными интегрирующими свойствами, оказался способным погасить различия в семантике производящих лекс, касающиеся характера протекания действия, и сблизить данные ЛСВ по типу достигаемого результата при воздействии на близкие по своему качеству объекты.

Семантическая интеграция ЛСВ с переносным значением под влиянием префиксации, имеющая причины, связанные с отношениями ЛСВ в пределах многозначного слова, является типичной для глагольной лексики. Под влиянием семантики префикса, формирующего СКР, может происходить переориентация семантики префиксального глагола с префиксом, изначально различающимся с первым по форме и семантике. Так, в СКР озноб его *ломает, трясет, корежит, изломал, искорежил, потряс* префикс ПО- *(потрясти)* со значением 'совершать действие в течение некоторого времени' изменяет свою семантику и приобретает значение 'интенсивности' по аналогии с приставкой ИЗ-.

Исследованный материал позволяет сделать некоторые выводы: 1. Основными компонентами мотивирующей семантики, релевантными для образования СКР, являются различные лексические реализации аспекта результативной направленности и характера протекания действия. При префиксации в результате совпадения аспектуальности направленности действия на результат и аспекта префиксальной семантики происходит уточнение типа реализации на морфологическом

уровне (локальное, количественное, общерезультативное и под.). Семантический эффект, возникающий в результате взаимодействия близких по мотивирующей семантике ЛСВ и семантики префикса, приобретает статус структурно-семантической синонимической модели (СКР), вовлекающей префиксальные глаголы, производящие которых не являются синонимичными по отношению к данному ряду. Конкретные причины интеграции префиксом разнородного исходного лексического материала заключаются в способности префикса погасить некоторые семантические компоненты исходных ЛСВ и актуализировать общий для всех них аспект семантики.

2. СКР, образованный на базе глагольного префикса или совокупности префиксов, находящихся в отношениях полного или частичного семантического тождества, представляет собой одну из форм парадигматической организации глагольной лексики в пределах ЛСГ и между ЛСГ. Структурным средством сближения глагольных ЛСВ в этом случае является приставка, так как исходные семантические различия мотивирующих лекс, имеющие отношение к разным синонимическим рядам, при префиксации находят структурное выражение. Одновременно с этим интегрирующие свойства префикса позволяют ему сблизить достаточно разнородный лексический материал на основе нейтрализации отдельных компонентов семантики при общности определенного семантического аспекта. Сопоставление различных конвергентных синонимических рядов приводит к установлению дивергентных отношений в глагольной лексике на качественно ином уровне. В дивергентные отношения вступают не отдельные ЛСВ многозначного слова, а целые парадигмы, объединенные тождеством префикса (с определенным типом внутриморфемных отношений, характерных для СКР). Так, ЛСВ, объединенные общностью компонента деструктивной направленности действия, совпадающего с одноименным аспектом префиксальной семантики, противопоставляются ЛСВ, объединенным в СКР на основе компонента конструктивной направленности. Оба отмеченных типа СКР противопоставляются СКР, включающим в себя ЛСВ с моносемой «характер протекания действия». В составе данных СКР префикс уточняет особенности в характере протекания действия синонимизирующихся лекс, напр.: *дергать, теребить, щипать, потеребливать, пощипывать, похватывать* (действие совершается с незначительной интенсивностью); *чесать, царапать, скрести, поскребывать,*

почесывать, поцарапать спину (действие совершается в течение некоторого времени). В пределах лекс с деструктивной направленностью действия происходит дифференциация СКР на основе префиксальной семантики, отражающей тип изменения объекта в результате действия в следующих границах: общее результативное действие — интенсивно совершающееся действие — качественное изменение объекта через актуализацию пространственного аспекта действия (неодушевленный объект) — доведение действия до нежелательного состояния (одушевленный предмет). Дифференциация может быть продолжена на уровне противопоставления СКР глаголов со значением физического действия СКР глаголов со значением нефизического действия (на базе лекс с переносным значением). Так, напр., в пределах компонента деструктивной направленности на объект могут противопоставляться СКР со значением 'довести до негодности неодушевленный объект' (*крушить, ломать, рушить, терзать, истерзать, изуродовать* и т. д.) и СКР со значением 'довести до утомления' при воздействии на одушевленный объект (дела *замотали*, бой всех *измотал*, бои *истрепали* людей, тревоги *измучили*, *загрызть* упреками, *закорить* упреками, *задергать, затуркать* на смотру, *затормошить* поручениями, *заморить* на учениях, *замучить, замаять* ревностью, заездить упреками и др.); СКР со значением 'вызвать ощущение тяжести, боли' (лихорадка *измаяла, извела, истерзала*; скука *сокрушила* девицу, заботы *сокрушили, истерзали* его и др.).

С другой стороны, обладая сильными интегрирующими свойствами, префикс способен объединять в пределах синонимической парадигмы ЛСВ разных подгрупп глаголов физического действия. Так, напр., на основе общности компонента деструктивной направленности на одушевленный объект, в результате которого происходит изменение его биологической субстанции, могут объединяться лексы с разными прямыми номинативными значениями: *душить* цыплят, *давить, драть, резать, зарезать, заламывать.*

Через вторично-номинативные и переносные значения на базе интегрирующих свойств префикса глаголы физического действия способны включаться в синонимические отношения с глаголами поведения, движения, состояния, речи и т. д., напр.: *написать, нацарапать, наскрести* письмо; *нарисовать, намазать, напачкать* картину; *убегать, удирать; истоптать, истрепать, избить, измочалить, износить, истаскать* сапоги; *лить, проливать, источать, испускать, изливать* свет; *заклю-*

чать, закатать, засадить, заточить, замести, запрятать под арест.

Исследование данного материала в русских говорах вносит новые знания об организующих возможностях СКР. В статье приводятся данные сибирских старожильческих говоров в аспекте их сопоставления с системой литературного языка [4].

Устный характер бытования диалектов накладывает особый отпечаток на формирование префиксальных синонимических парадигм глаголов. Он отражается в том, что в диалекте значительно повышается по сравнению с литературным языком количество однокорневых синонимов за счет образования большого числа глаголов с помощью различных приставок. Разговорная форма диалекта позволяет говорящему пользоваться глагольными языковыми средствами с большей опорой на конситуацию и речевой контекст и шире образовывать префиксальные глаголы, омонимичные узуальным[5]. С этой особенностью функционирования префикса в диалектной системе связаны более широкие возможности привлечения разных приставок для отражения синонимических отношений между лексами. Так, СКР, которая в литературном языке исчерпывается лексами *шелушить, лущить, вышелушить, вылущить*, в диалектах дополняется ЛСВ *изрушить* шишки, и *тереть* шишки, *выколупить* шишки; в СКР озноб *изломал, искорежил, потряс* включаются диалектные ЛСВ *захлестать, затрясать* (о малярии), *забить* (о кашле), *запереть* (о кашле).

Образование однокорневых синонимов в диалекте идет в направлении десемантизации собственного значения префикса (локального, напр.) и актуализации компонента результативной направленности, чаще всего отрицательного характера: *измять, примять* (выделяется слово с десемантизованным префиксом); *замарать, умарать; перемазать; примазать; сцарапать, уцарапать.*

---

[4] В качестве источника диалектного материала были использованы данные Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967, т. 1—3; Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. (Дополнение). Томск, 1975, т. 1—2.

[5] Эта же особенность отмечается у глаголов в разговорной речи. (См.: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981, с. 134—136).

Второй особенностью префиксальных синонимических рядов глаголов, в большей степени характерной диалектному языку по сравнению с литературным, является образование СКР на базе мотивирующих глаголов с десемантизованными или семантически диффузными основами[6], значение которых конкретизируется ситуацией или контекстом. Глагольные префиксы, употребляясь с данными глаголами, конкретизируют их контекстное значение в том или ином направлении. В префиксальных глаголах с семантически опустошенными корнями семантическим центром становится глагольный префикс, который и формирует СКР, напр.:

хлестать < *прихлестать, прийти* и т. д.; *ухлестать, уработать, ухряпать;* *ухлестывать, ухаживать* (префиксально-суффиксальный СТ).

хлопать < *нахлопать, нахрячить, наговорить* и т. д.; *расхлопывать* двери, *распахивать* и т. д.;

переломать, перехряпать; *побрызгать,* пофуркать; *раскидать,* расфуркать. Достаточно широкая зона денотативной отнесенности глаголов позволяет им обозначать практически любое интенсивно совершающееся действие. При этом конкретность лексического значения основ сообщает глаголам определенную экспрессивность. Среди диффузов встречаются слова с диалектными затемненными корнями (см. выделенные лексы), что также позволяет им употребляться в качестве обозначения широкого круга внеязыковых ситуаций.

---

[6] См.: Там же, с. 155—158.

3*.

Л. Г. КИМ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДНЫХ С СУФФИКСОМ -НИК

(на материале сибирских говоров)

Слово в языке является элементом и лексической системы, и словообразовательной. Будучи компонентом лексической системы, оно вступает в сложные отношения с другими ее компонентами, образуя синонимические, антонимические, семантические (тематические) группы. Как элементы словообразовательной системы производные слова объединяются в словообразовательные типы по признаку структурно-семантической общности. Семантические объединения слов на лексическом уровне, а также формально-семантические группы на словообразовательном уровне давно были предметом исследования лингвистов[1]. Соотношение же этих объединений слов еще только начинает находить отражение в литературе[2]. Каков характер этого соотношения, каким образом тематические объединения слов влияют на словообразовательную систему языка, существует ли «закрепленность» словообразовательных средств (суффиксов) за тематическими группами слов? Эти и многие другие вопросы еще не нашли достаточно полного решения.

Как показывают исследования лингвистов, «словообразование небезразлично к принципам объединения слов в семантические группы»[3]. Ряд исследователей отмечает тенденцию к закреплению некоторых суффиксов за определенными семантическими группами производных слов, отмечается, что «лексико-семантические группы слов, объединенные по прин-

---

[1] Васильев Л. М. Теория семантических полей. — Вопросы языкознания, 1971, № 5, с. 105—113; Русская грамматика: Раздел «Словообразование». М., 1980, т. 1.

[2] Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка. — В сб.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 128—144.

[3] Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979, с. 20.

ципу родовидовых связей... могут находиться в определенных отношениях с теми или иными словообразовательными типами»[4].

Цель нашей статьи — определить, какие тематические группы составляют словообразовательные типы с суффиксом -НИК; выяснить принципы соотношения между тематическими группами и словообразовательными типами слов с суффиксом -НИК в разных говорах Сибири. Материалом для исследования послужили производные диалектные существительные говоры Томской области в сопоставлении с диалектными существительными говоров Кузбасса и Иркутской области. «Существенным для словообразовательной системы является тот факт, что производные слова одной тематической группы могут создаваться с помощью разных словообразовательных аффиксов. Соотношение «одна тема — несколько аффиксов» является нормой языка»[5]. Добавим, что обычным явлением для языка, и для диалекта в частности, является и соотношение «один суффикс — несколько тем». Рассмотрим это соотношение.

Словообразовательные типы существительных с суффиксом -НИК по сравнению с существительными, содержащими другие суффиксы, образуют наибольшее количество слов во всех рассматриваемых нами говорах. Судя по данным диалектных словарей[6], в говорах Томской области они включают в свой состав 157 диалектных слов, в говорах Кузбасса — 51, в говорах Иркутской области — 41 слово. Эти существительные неоднородны по своей семантической характеристике. Так, в говорах Томской области этот суффикс оформляет слова 16 тематических групп: названия лица, сельскохозяйственных орудий, приспособлений для домашней работы и быта, орудий промысла (охота, рыбная ловля), помещения, емкости (посуда, корзины), пространства ,пищи, одежды, предметов домашней обстановки, средств передвижения, животных, растений, метеорологических явлений, обрядов, мер длины и

[4] Пантелеева Е. М., Янценецкая М. Н. Вопросы диалектного словообразования в Сибири. — В кн.: Диалектное словообразование: Очерки и материалы. Томск, 1979, с. 19.

[5] Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка, с. 134.

[6] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Томск, 1964—1967, т. 1—3; Словарь русских старожильческих говоров. Дополнение. Ч. 1—2. Томск, 1975; Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976; Иркутский областной словарь. Иркутск, 1976—1977, т. 1—3.

веса. В говорах Кузбасса суффикс -НИК оформляет слова 15 тематических групп, в говорах Иркутской области — 14 групп.

На первый взгляд может показаться, что ни о какой «закрепленности» суффикса за тематической группой не может идти речи.

Но, отметив, что суффикс -НИК участвует в образовании производных существительных 16 (15, 14) тематических групп, мы не учли, в какой степени проявляется это участие по отношению к различным группам. Одинаково ли продуктивен данный суффикс для всех групп или здесь существует какая-то избирательность?[7] Продуктивность — та категория, которая даст нам возможность определить степень участия суффикса в оформлении тематических групп. «Продуктивность суффикса реально проявляется в пределах определенных тем»[8].

В говорах Томской области суффикс -НИК продуктивен при образовании существительных двух тематических групп: названия лица и названия растений.

Названия лица. В состав этой тематической группы входят 29 слов, что составляет 25,6% от общего числа производных на -НИК. В качестве мотивирующей основы может выступать глагол, имя существительное и прилагательное.

Мотивирующая основа — глагол: *алюсник* 'болтун', *караульник* 'сторож', *покосник* 'косарь', *забойник* 'человек, бьющий скот на мясо', *прокудник* 'проказник, пакостник', *болтушник* 'тот, кто любит много говорить'.

Мотивирующая основа — существительное: *братенник* 'брат', *братанник* 'двоюродный брат', *бодожник* 'драчун, бегающий с палкой', *башмачник* 'тот, кто шьет башмаки', *барышник* 'тот, кто занимается перепродажей ради барыша', *волокушник* 'человек, работающий на волокуше', *глотник* 'грубый, крикун', *горшечник* 'продавец глиняных горшков', *дашник* 'дачник', *дворник* 'владелец постоялого двора', *досадник* 'человек, причиняющий неприятности', *зверятник* 'охотник на зверя', *колфозник (кольхозник, конхозник), лисятник* 'охотник на лис' *лохмотник* 'человек, одетый в лохмотья',

---

[7] Под продуктивностью мы вслед за Е. С. Кубряковой понимаем количественную характеристику модели. (См.: Кубрякова Е. С. Словообразование. — В кн.: Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972).

[8] Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка, с. 136.

омулятник 'прозвище иркутян', *плавежник* 'рыбак, ловящий рыбу плавежкой', *проступник* 'тот, кто совершил проступок', *строчник* 'работник, нанимающийся на определенный срок'.

Мотивирующая основа — субстантивное прилагательное: *приданник* 'тот, кто везет приданое невесты'.

В пределах тематической группы названия растений суффикс -НИК также проявляет высокую продуктивность. С его помощью образовано 23 слова. Производные данной тематической группы образуются от основ глагола, прилагательного и существительного.

Отглагольные образования: *жальник* 'жабрей', *ожальник* 'крапива', *резник* 'сорт лука'.

Отсубстантивные образования: *бобовник* 'ботва бобов', *вётреник* 'цветок одуванчик', *воронечник* 'сорная трава', *горошник* 'чина луговая', *гороховник* 'горошек мышиный', *горошечник* 'горошек одноперый', *горчичник* 'горчина белая', *дорожник* 'подорожник', *кислятник* 'заросли красной смородины', *конюшник* 'полынь чернобыльник', *коровник* 'белоголовник', *крапивник* 'крапива', *крыночник* 'плаун деряба', *лапошник* 'растение с формой листа, напоминающей лапу животного', *молочайник* 'осот полевой', *огуречник* 'ботва огурцов', *сорочник* 'сорочья ягода'.

Отадъективные существительные: *золотник* 'растение василистник', *кисленик* 'щавель малый', *масленник* 'гриб масленок'.

Рассмотренные выше тематические группы существительных свидетельствовали о высокой продуктивности суффикса -НИК. Но для всех ли тематических групп названный суффикс так же высокопродуктивен? Вряд ли можно дать на это положительный ответ.

Суффикс -НИК малопродуктивен в пределах тематических групп: названия помещений и названия емкости. С его помощью образовано по 15 слов каждой группы.

Названия помещений. Отсубстантивные существительные[9]: *дровник* 'сарай для дров', *овечник* 'помещение для овец', *огуречник* 'парник для огурцов', *ямник* 'яма в леднике'. Производящая основа — числительное: *шестерник* 'дом из шести комнат'.

Названия емкостей. Отсубстантивные и отглагольные производные: *бражник* 'бочка для браги', *сливочник*

---

[9] Здесь и далее мы будем приводить неполный перечень слов, а лишь по 3—4 примера.

'посуда для хранения сливок', *засольник* 'посуда для засолки', *дойник* 'посуда для доения'.

Столь же малопродуктивен суффикс -НИК и при образовании производных тематических групп: приспособления для домашней работы, промысловые орудия, сельскохозяйственные орудия. Нами зафиксировано 12, 9 и 8 слов соответственно.

Приспособления для домашней работы: *бельник* 'валек, которым катают белъе', *хлебник* 'нож, которым режут хлеб', *кладник* 'поленница дров', *осинник* 'осиновые дрова', *сырник* 'сырые, непросушенные дрова'.

Промысловые орудия: *угольник* 'ловушка на медведя', *бредник* 'бредень', *колотник* 'молот для сбивания шишек'.

Сельскохозяйственные орудия: *дорожник* 'рубанок', *отбойник* 'приспособление для отбоя кос', *зауторник* 'инструмент, применяемый в бочарном деле'.

В пределах следующих групп слов суффикс -НИК оказывается непродуктивным. Пища: *драник* 'оладьи из тертого картофеля', *глазник* 'яичница-глазунья'. Пространство: *кочковник* 'место, покрытое кочками', *жневник* 'сжатое поле', *бельник* 'лиственный лес, выросший на выгоревшем месте'. Животное: *сетник* 'паук', *утятник* 'собака'. Средства передвижения: *неводник* 'лодка', *живник* 'лодка для перевозки живой рыбы', *животник* 'лодка'.

Нами зафиксированы случаи единичного участия суффикса -НИК в образовании слов таких тематических групп, как: одежда, народные обычаи, меры длины и веса, предметы домашней обстановки. Приводим соответствующие образования: *косник* 'лента', *девушник* 'девичник', *вышник* 'высота', *воздушник* 'отверстие для самоварной трубы в русской печи'.

Такое положение, когда суффикс -НИК обслуживает более десятка тематических групп, характерно не только для говоров Томской области, но, пожалуй, для любого говора (ср.: в говорах Кузбасса 15 тем, в говорах Иркутской области — 14). Существенная разница заключается не в количестве групп, а в самом составе тем, который варьируется по говорам, а также в степени продуктивности суффикса при образовании слов различных тематических групп.

Из представленной таблицы видно, что количество тематических групп с суффиксом -НИК в разных говорах Сибири приблизительно одинаково, но состав тем варьируется. Так, в говорах Томской области суффикс -НИК образует производ-

ные существительные, обозначающие народные обычаи, обряды. Слов с суффиксом -НИК в этой группе не обнаружено в словарях других говоров. Тематическая группа мер длины и веса отсутствует в словарях говоров Иркутской области и Кузбасса, но есть в говорах Томской области. Тематическая группа предметов упряжи не выделяется ни в одном словаре,

Таблица

Томские говоры	Говоры Кузбасса	Иркутские говоры
1. Лицо	Лицо	Лицо
2. Растения	Орудия домашней работы	Растения
3. Помещения	Растения	Промысловые орудия
4. Емкости	Сельскохозяйственные орудия	Животные
5. Орудия домашней работы	Помещения	Помещения
6. Промысловые орудия	Пища	Орудия домашней работы
7. Сельскохозяйственные орудия	Емкости	Пища
8. Пища	Одежда	Сельскохозяйственные орудия
9. Пространство	*Предметы обстановки	Одежда
10. Животные	*Орудия прядения	*Метеорологические явления
11. *Средства передвижения	Промысловые орудия	Пространство
12. *Метеорологические явления	Пространство	Емкости
13. Одежда	*Средства передвижения	*Предметы упряжи
14. *Народные обычаи	Животные	*Продукты сельскохозяйственного труда
15. *Меры длины и веса	*Продукты сельскохозяйственного труда	
16. *Предметы обстановки		

Примечание: Тематические группы с лексикой на-НИК, представленные не во всех трех говорах, отмечены знаком *.

использованном нами, кроме Иркутского. Здесь можно увидеть одну закономерность: тематические группы, в которых суффикс -НИК продуктивен, представлены во всех говорах, а группы, в пределах которых данный формант малопродуктивен или образует единичные наименования, присутствуют не во всех говорах, варьируются.

Но даже если мы возьмем для анализа те группы, которые представлены во всех трех говорах, то обнаружим, что одни и те же тематические группы на шкале центр—периферия занимают различное место. Например, тематическая группа животных в говорах Иркутской области занимает положение, близкое к центру, то есть в пределах этой тематической группы суффикс -НИК продуктивен, а в говорах Томской области эта групппа ближе к периферии, так как суффикс -НИК образует лишь одно название животного. Аналогично положение тематической группы промысловых орудий: в говорах Иркутской и Томской областей она ближе к центру, а в говорах Кузбасса — на периферии, так как зафиксировано лишь одно наименование промыслового орудия с суффиксом -НИК. Такое неравное участие суффикса при образовании существительных одних и тех же тематических групп в разных говорах касается только групп, занимающих нецентральное место на шкале центр — периферия. А группы, где суффикс проявляет наибольшую продуктивность, одни и те же во всех говорах, это названия лица и названия растений — в говорах Томской области, названия лица — в говорах Кузбасса и Иркутской области. Очевидно, что эти тематические группы и есть те самые, для которых наиболее характерен суффикс -НИК, за которыми он «закрепляется», в сфере которых проявляется его продуктивность.

С чем же связано такое положение вещей, при котором суффикс -НИК, образуя слова самой разнообразной тематической характеристики, высокопродуктивен лишь в пределах одной — двух тематических групп? Вероятно, в кругу остальных групп продуктивны другие суффиксы, которые и сдерживают проявление продуктивности форманта -НИК. Действительно, обратившись к группе промысловых орудий, в пределах которой данный суффикс непродуктивен, увидим, что составляющие ее существительные образуются с помощью 17 суффиксов, причем самым продуктивным является суффикс -К (32% слов, тогда как суффиксу -НИК отводится лишь 12% слов). Суффикс -К, являясь продуктивным для слов этой тематической группы, ограничивает тем самым продук-

тивность других суффиксов, в том числе и суффикса -НИК. Аналогичная картина характерна и для других тематических групп.

Все сказанное позволяет сделать некоторые выводы.

1. Диалектные существительные, оформляющиеся с помощью суффикса -НИК, весьма разнообразны по семантической характеристике.

2. Суффикс -НИК не в равной степени продуктивен по отношению к различным тематическим группам. Его продуктивность проявляется в пределах двух—трех тематических групп, что позволяет говорить о некоторой «закрепленности» суффикса за этими группировками слов.

3. Производные существительные тех тематических групп, в пределах которых суффикс -НИК оказывается непродуктивным или малопродуктивным, вероятно, оформляются другими продуктивными для них суффиксами.

З. И. РЕЗАНОВА

КАЧЕСТВЕННЫЕ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

(на материале среднеобских говоров)

Как известно, части речи семантически организуются по принципу поля — выделяется центр, наиболее полно проявляющий черты класса, и более или менее размытая периферия, область постепенного «разрушения» специфики семантики той или иной части речи. В своих периферийных сферах части речи семантически сближаются, их противопоставленность почти полностью снимается (имеется в виду лексическая, но не грамматическая семантика).

Семантическим центром имени существительного являются конкретные имена[1], называющие предмет как качественное единство свойств, связей и отношений и отражающие этот предмет в значении во всем многообразии проявлений его существования, напр.: *гризет* 'вид парчи', *дени́ска* 'птица-ореховка', *деру́н* 'жареная лепешка из тертого картофеля'[2]. Отличительной чертой семантической организации имен существительных этой группы является многоаспектность и гетерогенная связь аспектов семантики одного лексико-семантического варианта (ЛСВ)[3].

В свои периферийные области имя существительное включает именование признаков, отношений предметов, представляя их как субстанции[4]: *глубжина́* 'глубина', *испы́тка* 'попыт-

---

[1] Конкретные существительные — не в грамматическом смысле. Имеются в виду существительные денотативной семантики, характеризующиеся многоаспектным семантическим строением.

[2] Толкования не представляют полностью компонентного состава семантики конкретных имен.

[3] Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 156—249.

[4] Таким образом, на языковом уровне отражается диалектика онтологического соотношения вещи и свойства; свойство представляет собой частный случай вещи. (Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения). М., 1967).

ка' и т. д. Являясь отражением одного из свойств предмета или одного типа связи ряда предметов, имена неконкретные имеют иную (по отношению к вышерассмотренной группе) организацию семантики, которая характеризуется одноаспектностью и стремлением к элементарности (немногокомпонентности).

Полевая организация семантики частей речи характеризуется постепенностью переходов от одного типа организации к другому. Так, между центром и периферией существительного находится переходная группа — имена лица, которые именуют класс конкретных предметов, объединенных на основе общности одного типа признаков при отвлечении от различий по ряду других. Предметность семантики сочетается в именах этого класса с одноаспектной организацией: *глухня* 'глухой человек', *жáдница* 'жадный человек', *зарáзник* 'тот, кто заражает'.

Различие семантической структуры имен разных классов существительного проявляется на разных уровнях языка, в том числе и на словообразовательном[5].

Семантический центр глагольной семантики составляют имена физических действий[6]. В семантике имен этого класса действие отражается как тип отношения ряда предметов, выполняющих в ситуации разные роли. Семантика глагола строится одноаспектно, но дискретно, многокомпонентно, включая в свой состав отражение предметов, участников действия. Например, *грести* 'собирать в кучу, подбирать граблями' включает компонент «субъект действия»—человек, «объект действия» — сено, мусор и т. п., «результат действия» — куча, «орудие действия» — грабли, руки и т. п. Такое дискретное представление действия проявляется на словообразовательном уровне в возможности мотивации каждого из участников действия. Ср.: *грéбщик* 'тот, кто гребет сено', *гребéльцы* 'орудие для сгребания сена', *гребь* 'скошенная, но еще не убранная трава'.

Семантическую периферию глагола составляют так называемые субъектные глаголы, называющие действие, проявле-

---

[5] См.: Р е з а н о в а З. И. Словообразующие возможности существительного: Автореф. дис. ... канд. филол наук. Томск, 1983.

[6] См.: Ц и б у л и н а С. Н. Исследование структурно-семантических связей русского глагола в видовой цепи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1978; Л е б е д е в а Н. Б. Лексико-грамматическое исследование глагольной семантики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1979.

ние которого замкнуто в самом субъекте, например, *жадовать* 'жадничать', *досадовать*, *гориться* 'горевать'. Через эту сферу глагол сближается с именем прилагательным, называющим качества и проявления предмета, замкнутые в нем. И качественные прилагательные, и субъектные глаголы называют признаки, имеющие однотипную предметную приложимость: предмет имеет признак (прилагательное), проявляет признак (субъектный глагол). Вследствие этого семантика глаголов этой группы менее сложна, словообразовательные связи в сфере существительного ограничены одним типом связи: действие — субъект. Ср. разнообразие типов связей в группе глаголов физического действия, обусловленное разнотипностью предметных связей участников ситуации, отраженной в семантике мотивирующего глагола.

Как видим, периферия семантики существительного соотносится с центром семантической организации прилагательного и глагола, имена и призначная лексика имеют сходный тип организации семантики, чему соответствует однотипная организация мотивационных связей. Семантическая периферия глагола соотносится по типу семантической структуры с центром семантической организации прилагательного — качественными прилагательными, которые имеют особую область референции, отличающую их от других лексико-грамматических классов слов, именуя признак, свойство. Так как свойство существует как одно из проявлений предмета, а также ряда других предметов класса, оно может быть интерпретировано как один элемент множества—предмета. При этом свойство— это то, что объединяет ряды предметов, определяет и характеризует их. Специфика свойства определяет предметы, но в то же время способность принадлежать определенному кругу предметов составляет характеристику свойства.

Онтологические характеристики области именования определяют специфичность семантического строения качественных прилагательных. Качественные прилагательные характеризуются одноаспектностью семантического строения (именуется элемент множества), стремлением к элементарности, недискретности строения (ср. с глагольной лексикой). Принадлежность свойства определенному ряду объектов составляет его сущностную черту, вследствие чего отражается в структуре семантики. Предметная приложимость качественного признака однотипна — ограничивается характеристикой предмета. Это предопределяет однотипность мотивационных

связей в отношениях: прилагательное (качественное)—существительное. Устанавливается мотивационное отношение: предмет, характеризующийся признаком. Широта мотивационных связей определяется широтой предметной приложимости признака, отраженного в мотивирующем имени прилагательном. Так, прилагательные цвета именуют признак, приложимый ко всем предметам, являющимся телом. На основе качественного прилагательного, именующего цвет, может быть мотивировано любое существительное, называющее предмет, для которого этот признак является отличительным. Подобная неопределенность предметных связей и отражающих их мотивационных отношений, снимается существованием традиционных языковых моделей, закрепляющих именование ряда предметов определенным рядом признаков. Именно эти традиционные формально-семантические модели составляют специфику языков и диалектов одного языка. Так, цветовые прилагательные мотивируют названия биофактов, проявляя малую активность в мотивации имен артефактов. Ср.: *синюшка* 'синица', *синеручка* 'белка в предзимний период линьки, шкурка такой белки', *синявка* 'сыроежка остроедкая', *синевица* 'синяк', *синеветренник* 'растение', *синегла̀зка* 'сорт картофеля', *синеголо́вник* 'растение', *черни́га*, *черни́ца* 'черника', *чернолес, чернолесье* 'хвойный лес', *черноголовник* 'растение', *чернота́л*, *чернота́льник* 'растение', *черноголо́вка,* 'растение кровохлебка лекарственная', *черноголовка* 'чертополо́х курчавый', 2. 'лапчатка болотная', *чернотро̀пье* 'земля, еще не покрытая снегом', *чернь* 'густой, непроходимый лес', *чернь, черньдю́ха* 'вид утки', *чернота* 'худший сорт сена'.

Признак «глухой» приложим к предметному ряду живой природы, ср. мотивированные прилагательным: *глухня, глухоня, глухыня, глухо̀тина*, 'глухой человек', *глухарь* 'птица', признак «жадный» характеризует человека как социальное существо. Мотивационные связи ограниченых: признак—человек, носитель признака — *жадный — жа́дница* 'жадный человек'.

Качественным прилагательным в рассматриваемом нами аспекте противопоставлены относительные прилагательные[7]. Относительные прилагательные «называют признак через от-

[7] О противопоставленности качественных и относительных прилагательных в словообразовательных отношениях см.: Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979, с. 77—82.

ношение к предмету или другому признаку»[8]. Предмет или признак в его отношении к другому предмету осознается и именуется как признак. Семантическая вторичность подтверждается их словообразовательной производностью — все относительные прилагательные производны. Мотивируются существительным, глаголом, наречием. Таким образом, содержанием семантики относительного прилагательного становится отражение отношения к предмету или признаку, осознаваемое как признак. При этом, как было показано выше, семантика, отражающая предмет (конкретные существительные), строится иначе, нежели семантика глагольная. Выделяемые в пределах части речи существительного и глагола группы также имеют семантическое различие. Неоднородность семантического строения единиц, мотивирующих относительные прилагательные, обусловливает различие семантического строения разных групп прилагательных.

Специфика семантического строения относительных прилагательных обусловлена и различием фиксируемого в семантике прилагательного отношения к объекту. Относительные прилагательные в семантике отражают либо отношение к объекту вне его конкретизации, либо фиксированный тип отношения. По этому признаку прежде всего противопоставляются собственно относительные и притяжательные прилагательные. Притяжательные прилагательные отражают в семантике фиксированный тип отношения — «принадлежащий предмету», имеют значение единичной принадлежности[9].

Собственно относительные прилагательные имеют значение либо нефиксированного отношения к объекту, конкретизирующегося в контекстах, (в словарях такие значения определяются как «относящийся к ...»), либо отражают один тип отношения. Ср. *вечерочный* 'относящийся к вечерке', *гарцевый* 'прил. к гарец', *картовенный*, *картовенний* 'относящийся к картофелю', *морошечный* 'прил. к морошка' и *двòрный* 'домашний, живущий во дворе', *дворнóй* 'находящийся во дворе', *дощàный* 'сделанный из досок' *волоконный* 'из волокна'; *дýжный* 'относящийся к дуге' и *дужнòй* 'предназначенный для выделки дуг' и т. д.

Относительные прилагательные, отражающие в своей семантике неконкретизированный тип отношения к объекту

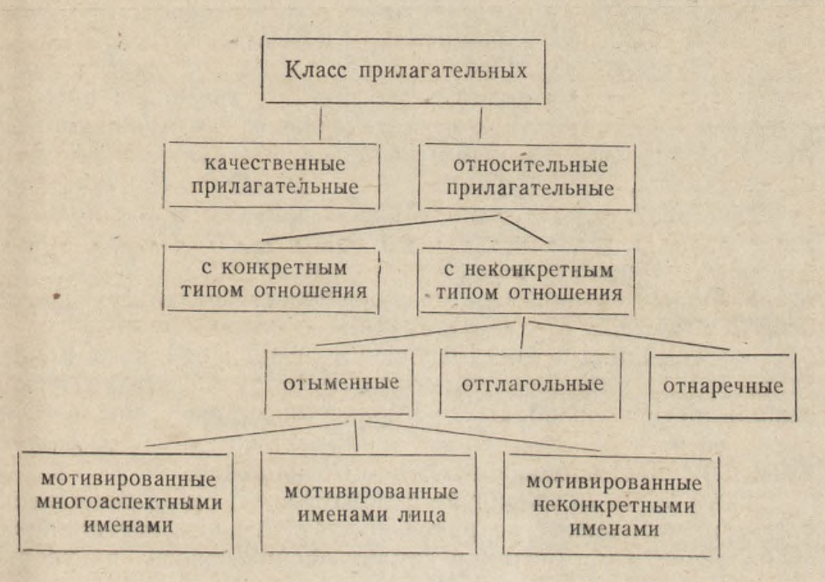
---

[8] Русская грамматика. Л.; М., 1980, с. 541. Далее рассматриваются прилагательные в традиционном понимании, без включения местоименных и порядковых прилагательных.

[9] Русская грамматика, с. 541.

(предмету, действию, признаку), повторяют своей семантической структурой тип семантики мотивирующего имени (существительного, глагола, наречия). Таким образом, относительные прилагательные — это сфера семантики имени прилагательного, через которую данная часть речи соотносится с семантикой ряда разрядов других частей речи. Относительные прилагательные неконкретизированного типа отношения, мотивированные многоаспектными именами существительными, сохраняют многоаспектность (и многокомпонентность строения каждого аспекта) мотивирующего имени. Это сфера семантики прилагательного, наиболее удаленная от семантического центра части речи — качественных прилагательных. Относительные прилагательные, мотивированные глаголом, сохраняют дискретность и многокомпонентность семантической структуры одного ЛСВ. Отнаречные прилагательные также сохраняют семантическую структуру мотиви-

Схема



рующих их наречий. При этом существенно важным в данном случае оказывается совпадение типа семантической организации наречия и качественного прилагательного.

Вследствие различия семантической структурации относительных прилагательных разных групп словообразовательные связи имен прилагательных неоднородны. Имена прилагательные, мотивированные именами существительными многоаспектной организации семантики, сохраняют способ организации мотивационных связей, характерный для мотивирующего имени существительного. Мотивационные связи могут устанавливаться на основе актуализации всех компонентов различных аспектов мотивирующего прилагательного. Ср.: мотивационные отношения многоаспектного конкретного имени, относительного прилагательного и его производного: *жар* 'горячие угли, яркие, но без пламени' — *жаровóй* 'относящийся к жару' — *жаро̀вня, жаро̀вница* 'совок для выгребания жара'. Последнее производное мотивируется на основе актуализации периферийного аспекта семантики имени и прилагательного: *дрова — дровянóй* 'относящийся к дровам' — *дровянúк* 1) 'сарай для дров', 2) 'торговец дровами'. Производные мотивируются при актуализации различных аспектов мотивирующей семантики — «продаваемый предмет», «предмет, хранимый в специальном помещении».

Прилагательные, фиксирующие один тип отношения к предмету, имеют мотивационные связи, организованные по тому же принципу, что и прилагательные, мотивированные одноаспектными именами и глаголами. Мотивационные связи одноаспектны, мотивируются имена, называющие каких-либо участников ситуации, отраженной в аспекте. Ср.: *дощáный* 'сделанный из досок'—*доща̀нка, доща̀тка* 'телега, сделанная из досок'—*доща̀ник* 'плот, сделанный из досок'; *зара̀за* 'болезнетворные организмы, возбуждающие болезни' — *зарáзный — зарáзник* 'тот, кто заражает'.

Определенность типа отношения, фиксированного прилагательным, предопределяет большую степень семантической выводимости производных, по сравнению с именами, мотивированными относительными прилагательными с обобщенным, неконкретизированным типом отношения.

Таким образом, различие семантической организации лексико-грамматических разрядов прилагательного обусловливает различие в организации семантических связей на уровне словообразовательной подсистемы языка.

М. Е. КОРНЕЩУК

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСХОДНОГО СОСТОЯНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РЕЧИ ТОМСКОГО НАСЕЛЕНИЯ XVII В.

(по памятникам материнских говоров)

Исходное состояние томского говора относится к XVII в. У В. В. Палагиной мы отмечаем: «...в составе постоянного томского населения 1604—1650 гг. при явном преобладании севернорусов были представлены и южнорусы и носители среднерусских говоров (в основном москвичи)... говор Томского уезда сложился в процессе междиалектных контактов»[1]. Поэтому первым этапом реконструкции словообразовательной системы качественных прилагательных в исходном состоянии томского говора является реконструкция словообразования прилагательных, выявленных в опубликованных памятниках письменности XVII в., отражающих севернорусские, московский и южнорусские говоры[2]. По этим памятникам нами был составлен словарь качественных прилагательных. В настоящее время к вопросам словообразования нельзя подходить без учета семантики как производящих, так и производных слов. Для изучения истории качественных прилагательных томского говора необходимо установить способы их словообразования в XVII в.; выявить и описать словообразовательные типы, модели прилагательных внутри каждого типа. Семантическое описание словообразовательного типа

---

[1] Палагина В. В. Реконструкция диалектного состава русского населения Томска первой половины XVII в. — Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972, с. 157.

[2] Акты Холмогорской и Устюжской епархии РИБ, 1890, т. 12; Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1975; Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв. Вологда, 1979. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968; Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974, с. 195—260; Крестьянская война под предводительством Степана Разина, М., 1957, т. 2; Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. М., 1977. Таможенные книги Московского государства. М., 1951, т. 2 и др.

производится через понятие «словообразовательное значение». Под словообразовательным значением мы будем понимать «обобщенное значение тематической группы, состоящей из двух или более слов одинаковой словообразовательной структуры»[3]. Результат соединения двух или более слов, обобщенных на лексическом (тематическом) уровне, составляет обобщенно-мотивировочное значение (ОМЗ) группы слов одной темы. В настоящей статье нами предпринята попытка выяснить и описать 1) способы словообразования качественных прилагательных XVII в., 2) их словообразовательные типы, 3) набор ОМЗ внутри каждого словообразовательного типа.

Суффиксальный способ словообразования

Суффиксальный способ в системе имен прилагательных русского языка во все периоды его развития является наиболее продуктивным, гибким и богатым способом словообразования. Большая часть прилагательных, выявленных нами в памятниках письменности XVII в., образована путем суффиксации.

Суффикс -Н- — наиболее регулярный суффикс имен прилагательных русского языка. Качественные прилагательные образовывались в основном от существительных с отвлеченным значением, реже встречаются образования от конкретных существительных и глаголов. Основное значение прилагательных рассматриваемого типа: 'обладающий каким-нибудь качеством, имеющий, содержащий что-либо (в соответствии со значением мотивирующего слова)'.

В данном типе выявлен следующий набор ОМЗ прилагательных, образованных от существительных:

1) испытывающий определенное состояние (по отношению к человеку или животному): *бедный* (сирота) — испытывающий беду, несчастье, *больной* (человек), *скорбный* (царица);

2) обладающий (по отношению к человеку) способностью, возможностью, свойством: *вольный* (государь) — обладающий властью, правом поступать по собственной воле, *грешный* (дьякон) — имеющий грехи, *истинный* (служитель), *сильный* (человек);

---

[3] Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979, с. 145.

3) характеризуемый через отношение человека к человеку: *верный* (головишко) — преданный, заслуживающий доверия, *дальний* (сродич) — находящийся в отдаленном родстве, отношении, *должный* (богомолец) — обязанный благодарностью, благодарный кому-либо;

4) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию): *блудный* (воровство); *добротный* (совет), *истинный* (покаяние), *свободный* (путь);

5) имеющий какое-то содержание, сообщение (по отношению к неодушевленному предмету): *заповедный* (товар), *затейный* (цвет), *известный* (речь), *скаредный* (брань), *хульный* (слово);

6) обозначающий цветовой признак предмета: а) по признаку растения — *брусничный* (цвет), *гвоздичный* (зипунец), *коричный* (цвет), б) по признаку вещества — *железный* (шерсть) — похожий на железо по цвету, *серо-бурый* (о масти); *песочный* (цвет), *сахарный* (цвет), в) по цвету материала, ткани и т. п.—*кумачный* (полукафтан), *ценинный* (ферзь) — имеющий светло-синий цвет (ценина — древнее название фаянса);

7) характеризуемый по результату чего-либо (о неодушевленных предметах): *конечный* (нищета), *смертный* (бой);

8) характеризуемый по отношению к какому-либо явлению (о неодушевленных предметах): *студеный* (церковь), *холодный* (шубка);

9) характеризуемый по местоположению: *верхний* (межа), *нижний* (анбар);

10) указывающий на способ, характер действия: *скопный* (бой), *явный* (обычай);

11) характеризуемый по периоду времени: *вечный* (разоренье);

12) покрытый каким-либо веществом или содержащий какое-либо вещество: *грязный* (дорога)[4];

13) определяемый по погодным условиям: *ненастный* (день);

14) обладающий каким-либо предметом: *пожиточный* (человек) — зажиточный, небедный (пожиток — имущество),

---

[4] Некоторые ОМЗ мы выделяем, даже если в наших источниках зафиксирован лишь один пример. В этих случаях приходилось дополнительно обращаться к материалам словарей и исследований о языке XVII в.

тучный (мясо) — имеющий много жира (тук — жир, сало), *увечный* (вотчим) — имеющий увечья, покалеченный;

15) характеризуемый по признаку какого-либо предмета: *головной* (недруг) — наиболее важный, основной, *коренной* (участок), *сердечный* (очи) — добрый, искренний.

ОМЗ прилагательных, образованных от глаголов:

16) подверженный или подвергнувшийся какому-либо действию, процессу: *знатный* (горлан) —известный, хорошо знакомый, *протяжный* (дело), *охульный* (икра);

17) характеризуемый по выполнению какого-либо действия, процесса: *годный* (столб), *искусный* (священник), *исправный* (я), *послушный* (старец), *смирный* (человек);

18) содержащий в себе результат какого-либо действия, процесса: *пьяный* (человек).

Суффикс -ЕНН- является производным от суффикса -Н-. Основное значение прилагательных, образованных при помощи этого суффикса, 'имеющий определенные качества, свойства (в соответствии со значением мотивирующего слова)'.

Набор ОМЗ прилагательных, образованных от существительных:

1) испытывающий определенное состояние (по отношению к человеку или животному): *болезненный* (человек);

2) обладающий способностью, возможностью, свойством (по отношению к человеку): *коварственный* (разоритель);

3) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию): *блаженный* (память), *божественный* (слово);

4) имеющий какое-то содержание, сообщение (по отношению к неодушевленному предмету): *укоризненный* (речь);

5) обозначающий цветовой признак предмета по явлению: *огненный* (атлас).

ОМЗ прилагательных, образованных от глаголов:

6) подверженный или подвергнувшийся какому-либо действию, процессу: *умышленная* (огласка).

Суффикс -ОВЕН- (-ЕВЕН-) так же, как и суффикс -ЕНН-, является производным от суффикса -Н-. Значение прилагательных, имеющих этот суффикс, то же, что и в предыдущем типе.

Набор ОМЗ прилагательных, образованных от существительных:

1) указывающий на место, находящийся где-либо (об одушевленных предметах): *верховный* (апостол);

2) характеризуемый по признаку какого-либо предмета: **душевный*[5].

ОМЗ прилагательных, образованных от глаголов:

3) подверженный или подвергнувшийся какому-либо действию, процессу: *плачевный* (дело), *полюбовный* (договор).

Суффикс -ИВ- образует качественные прилагательные от основ существительных и глаголов со значением 'имеющий что-либо, склонный к чему-либо, что обозначается мотивирующим словом'.

Набор ОМЗ прилагательных, образованных от существительных:

1) обладающий (по отношению к одушевленным предметам) способностью, возможностью, свойством: *благочестивый* (царь), *льстивый* (сатана), *правдивый* (человек);

2) характеризуемый через отношение человека к человеку: *милостивый* (государь, царь);

3) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию): *лживый* (сказка), *милостивый* (пощада) — благосклонный, содержащий в себе милость.

ОМЗ прилагательных, образованных от глаголов:

4) характеризуемый по выполнению какого-либо действия, процесса: **радивый* (от радеть).

Суффикс -ЛИВ- является производным от суффикса -ИВ-. Прилагательные, образованные с помощью этого суффикса, имеют значение, сходное со значением прилагательных с суффиксом -ИВ-, 'характеризуемый по выполнению какого-либо действия, процесса': **осторожливый*.

Суффикс -ЧАТ- является производным от суффикса -АТ-. Образует прилагательные в основном от существительных конкретного значения. Общее значение этого суффиксального типа 'обладающий внешним признаком (в соответствии со значением мотивирующего слова)'.

Набор ОМЗ: 1) обозначающий цветовой признак предмета: а) по явлению — *дымчатый* (шуба), б) по веществу — *черчатый* (ларец) — имеющий окраску красного цвета различных оттенков (малиново-красный, темно-красный, светло-красный);

2) обладающий каким-либо предметом: *травчатый* (камка) — имеющий узор в виде травы, листьев.

---

[5] Со знаком предположительности даны прилагательные, восстановленные по наречиям на -О, -Е.

Суффикс -ОВАТ- (-ЕВАТ-). Прилагательные с суффиксом -ОВАТ- (-ЕВАТ-) имеют общее значение 'имеющий какие-либо свойства, обладающий тем, что названо мотивирующим словом' и образованы от существительных.

Набор ОМЗ: 1) испытывающий определенное состояние (по отношению к человеку): *виноватый* (сын);

2) обладающий каким-либо предметом: *ямковатое* (лицо) — изрытое оспинами, ямками.

Суффикс -АВ- по значению и функции подобен суффиксу -ИВ-. Он продуцирует отыменные прилагательные со значением 'имеющий что-либо, что выражено мотивирующим словом'.

ОМЗ: 1) обладающий каким-либо предметом (об одушевленных и неодушевленных предметах): *кудрявый* (ольха).

Суффикс -К-. С этим суффиксом образуются прилагательные от основ существительных. Общее значение суффикса 'обладающий каким-либо признаком'.

Набор ОМЗ: 1) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию): *гладкий* (оклад), *низкий* (сенничек), *сладкий* (слово) — приятный, ласковый, приветливый;

2) обозначающий цветовой признак предмета по явлению: *жаркий* (цвет);

3) обладающий вкусом какого-либо вещества: **сладкий* (пиво).

Суффикс -ОК-. Основное значение словообразовательного типа с суффиксом -ОК- 'имеющий, содержащий что-либо, что названо мотивирующим словом'.

Набор ОМЗ прилагательных, образованных от существительных:

1) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию): *жестокий* (наказание).

ОМЗ прилагательных, образованных от числительных:

2) характеризуемый по количеству: *одинокий* (дубец).

Суффикс -Л- образует прилагательные как от существительных, так и от глаголов.

Набор ОМЗ прилагательных, образованных от существительных:

1) испытывающий определенное состояние (по отношению к одушевленному предмету *светлый* (муж) — радостный, веселый, ничем не омраченный.

2) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию):

светлый (серавичок) — чистый, прозрачный (серавичок-камень).

3) характеризуемый по признаку какого-либо предмета: *круглый* (ящик).

ОМЗ отглагольных прилагательных:

4) содержащий в себе результат какого-либо действия, процесса: *гнилой* (бревно), *зрелый* (хлеб), *моклый* (рожь).

Суффикс -ОВ- (-ЕВ-). Набор ОМЗ отыменных прилагательных:

1) указывающий на место, находящийся где-либо (об одушевленных предметах): *передовой* (казак);

2) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию): *ласковый* (слово);

3) обозначающий цветовой признак предмета: а) по растению — *вишневый* (кафтан), *луковый* (цвет), *маковый,* (цвет), *малиновый* (шуба); б) по веществу — *багровый* (завезка) (багрец-красная краска), *лазоревый* (яхонт) (лазурь — краска светло-синего цвета).

Суффикс -АН- (ЯН-) образует в основном отыменные прилагательные со значением 'обладающий каким-либо признаком'.

ОМЗ отыменных прилагательных 'обозначающий цветовой признак предмета по веществу': *серебряный* (цвет).

Суффикс -ИТ-. ОМЗ 'обладающий способностью, возможностью, свойством (по отношению к человеку)': *именитый* (человек).

Суффикс -ИНН-. ОМЗ 'обозначающий цветовой признак предмета по ткани: *объяринный* (шуба) — имеющий цвет, близкий к окраске воды, слегка голубоватый с серебристым отливом. (объяр — название ткани).

Суффикс -ОВСҚ- является производным от суффикса -СҚ-, который формировал в основном относительные прилагательные. При качественном осмыслении основы эти прилагательные переходят в разряд качественных. Значение таких прилагательных сходно со значением прилагательных, имеющих суффикс -Н-.

ОМЗ отыменных прилагательных 'характеризуемый по свойству, качеству лица, человека': *воровской* (дело).

Суффиксы -СТВ-, -ЕНН-. Этот словообразовательный тип является сложным, состоящим из двух суффиксов. Данный тип — редкое явление. Мы имеем всего одно слово, образованное подобным способом от основы существутельного: **яв-*

ственный. ОМЗ 'указывающий на способ, характер, действия'.

Суффикс -ТЕЛЬН-. Прилагательные с суффиксом -ТЕЛЬН- по своему словообразованию связаны преимущественно с глаголами.

Набор ОМЗ: 1) подверженный или подвергнувшийся какому-либо действию, процессу: **желательный;*

2) характеризуемый по выполнению какого-либо действия, процесса: *обличительный* (статья), *радетельный* (человек);

3) содержащий в себе результат действия: *рассмотрительный* (указ).

Суффикс -ОН- образует прилагательные от глаголов.

ОМЗ 'содержащий в себе результат какого-либо действия, процесса': *соленый* (щука), *червленый* или *черленый* (бархат) (червить — делать красным; -Л- отпричастный суффикс).

Префиксальный способ словообразования

Префиксальный способ в системе имен прилагательных в XVII в. не достиг высокого уровня развития. В памятниках письменности отмечено ограниченное число префиксальных качественных прилагательных. Наиболее регулярными и употребительными были префиксы НЕ-, ПРЕ- и префиксоид ВСЕ-, встречались также прилагательные, образованные с помощью префикса БЕЗ-.

Префикс НЕ-. Основную массу префиксальных качественных прилагательных составляют прилагательные с префиксом НЕ-, происходящим от отрицательной частицы НЕ. Все прилагательные с этим префиксом образованы от основ прилагательных.

Значение префикса НЕ- в системе прилагательных ограничено: он вносит в семантику слова значение противоположности или отрицания. Следующая группа прилагательных имеет ОМЗ 'обладающий противоположным признаком': *небольшой* (пушка), *невежливый* (слово); *недобрый* (жена), *неповинный* (кровь); *неувечный* (дочерь).

Префикс ПРЕ-. Этот префикс имеет старославянское происхождение, показывает, что качество содержится в предмете в бо́льшей степени. Значение прилагательных с префиксом ПРЕ- 'характеризуемый избыточным признаком': *превысокий* (господин), *премногомилостивый* (указ), *премудрый* (врач), *пречестный* (обитель), *пречистая* (богородица).

Префикс БЕЗ-. Значение этого префикса будет раскрыто подробнее при описании префиксально-суффиксального способа словообразования. В приведенных ниже словах БЕЗ- по значению совпадает с префиксом НЕ-: *безграмотный* (он), *бесчеловечный* (человек). ОМЗ данных слов 'обладающий противоположным признаком'.

Префиксоид ВСЕ-. В словах типа *всемилостивый, всемогущий* и т.д. ВСЕ- выступает в качестве префикса, несущего на себе определенную смысловую нагрузку: он указывает на то, что свойство, качество распространяется на всех или находится в высшей степени. Так как в языке ВСЕ является местоимением, мы относим ВСЕ- не к префиксам, а к префиксоидам.

Набор ОМЗ: 1) характеризуемый действием, свойством, которое распространяется на всех: *всемилостивый* (бог), *всещедрый* (бог);

2) обладающий свойством, качеством наивысшей степени: *всемогущий* (бог), *всесвятой* (троица), *всесильный* (бог);

3) характеризуемый результатом наивысшего порядка: *всеконечный* (разоренье).

Префиксально-суффиксальный способ словообразования

Префиксально-суффиксальное словообразование имен прилагательных относится к числу продуктивных и непрерывно развивающихся словообразовательных способов. Этот способ словообразования качественных имен прилагательных, отмеченных в памятниках XVII в., занимает сравнительно небольшое место в системе словообразовательных средств.

БЕЗ- ...-Н-. Это наиболее регулярный тип словообразования префиксально-суффиксальных прилагательных. Как отмечает Н. В. Герасимова, «...прилагательные сложились из сочетаний родительного падежа существительных с предлогом БЕЗ посредством суффикса -Н-...»[6] Напр.: *без вины* — безвинный, *без дела* — бездельный и под. Иногда такие прилагательные вступали в прямые отношения с бесприставочными прилагательными: *безвестный* (неведомый, неизвест-

---

[6] Герасимова Н. В. К вопросу о приставочно-суффиксальном образовании прилагательных с приставкой БЕЗ-. Калинин. Учен. зап./ Калинин. пед. ин-т, 1963, т. 30, с. 109.

ный) — *вестный* (известный), *безвинный* (не имеющий вины, провинности) — *винный* (виновный, провинившийся).

Общее значение прилагательных с приставкой БЕЗ- 'не имеющий, лишенный чего-либо, что обозначается мотивирующим словом'. Иногда прилагательные получают значение наличия высокой степени качества. Это происходит тогда, когда прилагательные образуются от существительных с семой «величина».

Набор ОМЗ отыменных прилагательных: 1) не обладающий (по отношению к человеку) способностью, возможностью, свойством: *безгласный* (она); *беспомочный* или *беспомощный* (человек), *безъязычный* (она);

2) не содержащий в себе какого-либо качества, свойства (по отношению к неодушевленному предмету, явлению, понятию): *безвинный* (налог), *бездельный* (корысть), *беспощадный* (правеж), *бесчестный* (статья);

3) не обладающий, лишенный того, что названо в корне (об одушевленных предметах): *безгодный* (время) — неблагоприятный, несчастный, *безобразный* (питье), *беспутный* (хлопоты);

4) характеризуемый отсутствием какого-либо предмета: *бесплотный* (сила);

5) обладающий высокой степенью качества: *безмерный* (дороговизна).

ОМЗ отглагольных прилагательных: 6) характеризуемый невозможностью подвергнуться какому-либо действию, процессу: *беззаступный* (раба), *безохульный, беспереходный*;

7) характеризуемый невозможностью выполнения какого-либо действия, процесса: *безопасный, безотступный, бесповоротный.*

БЕЗ- ...-ЕНН-. Набор ОМЗ отыменных прилагательных:

1) характеризуемый отсутствием конкретного количественного понятия: *бесчисленный*;

2) характеризуемый отсутствием конкретного временного понятия: *безвременный* (топление) — несвоевременный, неурочный.

БЕЗ-... -ОВЕН. ОМЗ 'характеризуемый отсутствием какого-либо предмета': *бездомовный* (человек).

НЕ- ...-Н-. Качественные прилагательные, имеющие эту структуру, образованы от глаголов с отрицательной частицей НЕ. В прилагательных частица НЕ выполняет функцию приставки.

Набор ОМЗ: 1) характеризуемый невозможностью подвергнуться какому-либо действию, процессу: **невозбранный*, *непомерный* (оклад);

2) характеризуемый невозможностью выполнения какого-либо действия, процесса: **неоплатный*, **неотступный*, **нещадный*.

НЕ-... -ИВ-. ОМЗ 'характеризуемый невозможностью выполнения какого-либо действия, процесса': *непокоривый* (сын).

НЕ-... -ТЕЛЬН-. ОМЗ 'характеризуемый невозможностью выполнения какого-либо действия, процесса': *нестоятельный* (он).

Из всего сказанного следует:

1. Морфологические способы словообразования качественных прилагательных в памятниках письменности XVII в. являются наиболее регулярными, ведущая роль принадлежит суффиксам.

2. Префиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования по сравнению с суффиксальным менее продуктивны.

3. Наиболее регулярными в исходном состоянии томского говора были следующие типы: с суффиксами -Н-, -ОВ- (-ЕВ), -ЕНН-, -ИВ-, -Л-; с префиксами НЕ-, ПРЕ- и с префиксоидом ВСЕ-; префиксально-суффиксальный тип БЕЗ-...-Н-.

4. Наиболее частотными в XVII в. были ОМЗ: 1) содержащий в себе какое-либо свойство, качество (по отношению к неодушевленному предмету); 2) обозначающий цветовой признак предмета; 3) обладающий способностью, возможностью, свойством (по отношению к человеку); 4) характеризуемый по выполнению (или по невозможности выполнения) какого-либо действия, процесса.

5. Среди мотивирующих слов основную массу составляли существительные, меньшее количество слов приходится на глаголы. Имелись образования от прилагательных и числительного.

Для полной реконструкции исходного состояния и истории словообразования качественных прилагательных в томском говоре необходимы еще два этапа работы: описание словообразовательной системы томских памятников письменности разных периодов (XVII — XIX вв.) и описание словообразовательной системы современного томского говора.

О. Г. ЩИТОВА

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ XVII В.

(на материале томских памятников письменности)

В современной теории лексического заимствования одной из самых актуальных проблем является освоение языком иноязычных слов, адаптация заимствований в системе принимающего языка. Существует три аспекта освоенности заимствования: формальный, семантический и словообразовательный.

Одним из показателей глубины лексической адаптации западноевропейских слов в русском языке является их словообразовательная активность, проявляющаяся в том, что заимствования становятся базой для образования новых слов, которые квалифицируются как исконные единицы словаря языка-реципиента, поскольку они созданы по законам его словообразовательной системы.

Основным способом образования производных слов, мотивированных заимствованиями, является суффиксация. Очень интенсивно создаются таким образом прилагательные.

Выделенные из текстов томских памятников XVII в. прилагательные-дериваты, образованные от западноевропейских заимствований, относятся к I ступени мотивированности и имеют различные форманты.

Суффикс -Н-/-ЕН-:

атласной 'сделанный из атласа'. — Шелки *атласные* и камчатые (Головачев, 147; 1640 г.);

бархатной 'сделанный из бархата'. — Да по шапке *бархатной* с собол[ем] по 3 рубли шапка да по сапогам сафьянным по пол[ти] не сапоги... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, л. 12; 1663 г.);

гарусной 'сделанный из гаруса'. — ...Всякой мелочи лавочной на рубль, 9 поясов *гарусных* литовскихъ рубль 11 алтынъ 4 деньги... (Головачев, 145; 1640 г.);

пушечной 'предназначенный для пушки'—Да въ зелейном погребЪ[1] въ остаткЪ на лицо 180 пудовъ 19 гривенокъ пороху ручнаго и *пушечнаго* съ деревомъ (Головачев, 46; 1699 г.);

селитреной, 'умеющий изготовлять селитру'. — ...И ко мнЪ холопу твоему писал ис томского воевода кнзь Семен Клубков-Масалской что у нево *селитреново* мастера в томскомъ не дано. (ЦГАДА, ф. 214, стб. 136, л. 669; 1640 г.);

шапошной 'предназначенный для (изготовления) шапки'— ...Вершки *шапошные* аглицкие... *шапошные* торочки... тороччи *шапошные* киндяшные (Головачев, 147; 1640 г.);

шубной (шюбной) 1) 'предназначенный для шитья шубы'. —...шюбная соболя цена ·Г· рубли (ЦГАДА, ф. 214, стб. 204, л. 93; 1632 г.); 'похожий на шубу. — ...Кафтаны шубные... (Головачев, 147, 1640 г.); ...два каθтана сермяжной да шубной... (ДПВК, 14; 1688 г)[2].

Общее словообразовательное значение производных отыменных прилагательных с суффиксом -Н- 'имеющий отношение к предмету, названному мотивирующей основой' распадается на несколько частных словообразовательных значений: 1) 'сделанный из материала, названного мотивирующим словом': *атласной, бархатной, гарусной;* 2) 'предназначенный для того, что названо мотивирующим словом': *пушечной, шапошной (шапошная* торочка); 3) 'связанный с производством, изготовлением того, что названо мотивирующим словом' *селитреной': шапошные* (вершки), *шюбная* (собòля); 4) 'обладающий свойством того, что названо мотивирующим словом': *шубной* (кафтан).

Прилагательные с суффиксом -ОВ-/-ЕВ-:

лазоревой 'имеющий лазорь (лазоревое поле как основной цвет ткани)'. — ...Полдесяты половинки сукон полуркармазиновъ розными цветами в том числЪ половинка темна зеленая... половинка светла зеленая... двЪ половинки коричных... половинка *лазоревая* ...двЪ половинки малиновых половинка вишневая... (ЦГАДА, ф 214, стб. 1703, л. 194; 1638 г.);

лазорев 'нечленная форма прилагательного с тем же значением, что *лазоревой'.* — Твоего гдсрва жалованя по три аршина летчины лазоревы члвку... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 381; 1635 г.);

---

[1] По техническим причинам буква ять передается знаком Ъ, буква фита — знаком θ, омега — знаком о, знак титла опускается.

[2] Вологодская письменность привлечена для реконструкции томской разговорной речи XVII в., потому что в составе томского населения этого периода была большая группа вологодцев.

шолковой 'сделанный из шелка'. — ...Шнурки шолковые... (Головачев, 147; 1640 г.);

Общее словообразовательное значение этих прилагательных с суффиксом -ОВ-/-ЕВ- то же, что и у отыменных прилагательных с суффиксом -Н-/-ЕН-: 'имеющий отношение к предмету, названному мотивирующим словом'.

Частные словообразовательные значения дериватов с суффиксом -ОВ-/-ЕВ-: 1) 'состоящий, сделанный из того, что названо мотивирующим словом': *шолковой, яхонтовой;* 2) 'имеющий то, содержащий то, что названо мотивирующим словом': *лазоревой, лазорев;* 3) 'принадлежащий тому, что названо мотивирующим словом': *полковой.*

Относительные прилагательные с суффиксом -СК-:

кабацкой 'принадлежащий кабаку'. — ...Те ж казаки в тотемском уѢзде в коченской слободке его целовалника били и твоих гдрвых казенных *кабацких* денег грабежем взяли пят рублев... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 80; 1635 г.);

мастерской 'сделанный мастером'. — ...Да шездесят юфтеи кож красных же *мастерских* доброи руки яловочных же ценою по два рубли юфть... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 1704, л. 193; 1638 г.);

пушкарский 'свойственный пушкарю'. — ...Мишка Васильевъ сынъ Казаковъ, отецъ съ Москвы, гдѢ былъ въ стрѢльцахъ, въ ТомскѢ былъ въ *пушкарской* службѢ... (Головачев, 74; 1680 г.);

рейтарской 'свойственный рейтару'. — ...Служил на Москве *рейтарскую* службу... (ЦГАДА, ф. 214, кн. 698, л. 204; 1681 г.);

салдатской (солдатцкой, салдацкой, солдацкой) 'свойственный солдату'. — Служил под Смоленским *салдатскую* службу (ЦГАДА, ф. 214, стб. 698, л. 191 об.; 1691 г.); — ...Служил *салдацкую* службу... (Там же; 1681 г.); Отец ево был на Москве в *солдацкой* службѢ (ЦГАДА, ф. 214, стб. 698, л. 141; 1681 г.); Отец служил на МосквѢ *солдатцкую* службу (ЦГАДА, ф. 214, стб. 698, п. 164; 1681 г.);

шляхетской 'перечисляющий шляхту'. — АндрѢи Абламский... служил по шляхетскому списку (ЦГАДА, ф. 214, стб. 698, л. 42 об.; 1681 г.);

Общее словообразовательное значение отыменных прилагательных с суффиксом -СК- 'имеющий отношение к предмету, названному мотивированным словом' конкретизируется в ряде частных словообразовательных значений: 1) 'принадлежащий тому, что названо мотивирующим словом' *(кабацкой);*

2) 'свойственный тому, что названо мотивирующим словом' *(мастерской, пушкарской, рейтарской, солдатской)*; 3) 'называющий то, что обозначает мотивирующее слово' (*шляхетской*).

Все названные частные словообразовательные значения прилагательных, образованных от западноевропейских заимствований, сведем воедино

Частные словообразовательные значения	Примеры
'сделанный из того, содержащий то, что названо мотивирующим словом'	*атласной, бархатной, гарусной, шолковой, лазоревой, (лазорев), яхонтовой*
'свойственный тому, что названо мотивирующим словом'	*мастерской, пушкарской, рейтарской, солдатской*
'связанный с производством того, что названо мотивирующим словом'	*шапошной* (вершок), *шубной* (соболь), *селитреной*
'предназначенный для того, что названо мотивирующим словом'	*пушечной, шапошной* (*шапошная* торочка)
'принадлежащий тому, что названо мотивирующим словом'	*полковой, кабацкой*
'обладающий свойством того, что названо мотивирующим словом'	*шубной* (кафтан)
'перечисляющий то, что обозначает мотивирующее слово	*шляхетской*

Среди дериватов, образованных на базе заимствованных слов западноевропейского происхождения, бесспорным количественным преимуществом обладают относительные прилагательные с суффиксами -Н-, -ОВ-/-ЕВ-, -СК- с общим словообразовательным значением 'имеющий отношение к предмету, названному мотивирующим словом'. В производных с каждым из этих суффиксов может актуализироваться определенный набор частных словообразовательных значений. Между данными словообразовательными типами наблюдается общность некоторых из этих значений.

Такая общность частных словообразовательных значений характерна и для прилагательных, образованных от исконно русских слов и принадлежащих к рассмотренным выше словообразовательным типам с суффиксами -Н-/-ЕН-, -ОВ-/-ЕВ-, -СК-.

Несколько разнообразнее словообразовательные форманты производных существительных, мотивированных заимствованными словами.

Лексемы с суффиксом -НИК-:

котельник 'человек, изготовляющий котлы'. — 2 человѢка *котельников* ...один человѢкъ часовщик (Головачев, 48; 1699 г.);

шапошник 'человек, шьющий шапки'. — ...Того ж дни продано *шапошнику* Ивану Федорову двадцат девят соболей... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 1703, л. 243; 1638 г.);

пансырник 'воин, имеющий панцирь'. — ...А люди, государь, у нихъ всѢ доспѢшны и куяшники и *пансырники*, и намъ, государь, холопемъ твоимъ, противу твоихъ государевых измѢнниковъ и непослушников сопротивляться невозможно (Головачев, 157; 1630 г.);

шубник 'одежда наподобие шубы'. — ...Да четыре локтя полотна да шубенко ветхое да *шубникъ* поношеной да кавтан новой... коробишко ветхое порожная шубник ветхой кавтан ветхой... (ДПВК, 12; 1684 г.);

Общее словообразовательное значение этих существительных с суффиксом -НИК-: 'предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом'. Оно распадается на следующие частные словообразовательные значения: 1) 'лицо, изготовитель того, что названо мотивирующим словом': *котельник, шапошник;* 2) 'человек, имеющий то, что названо мотивирующим словом: *пансырник;* 3) 'предмет, обладающий признаком, названным мотивирующим словом': *шубник*.

То же самое общее словообразовательное значение имеют отыменные производные с формантами -АРЬ и -ЧИК:

пушкарь 'воин, стреляющий из пушки' (название лица по орудию деятельности). — И из тѢхъ затинных пищалей стрѢляютъ *пушкари жъ, а пушкарей* только три человька, а по городу, государь, по острогу башень много ,тѢмъ тремъ человѢкам *пушкарямъ* въ всполошное время въ приходъ воин-

скихъ людей не успѢти, и впредь, государь, без затинщиковъ быть нельзя (Головачев, 159; 1630 г.);

табатъчик, 'человек, имеющий табак'. — А у ково свѢдает или в сыску скажутъ про табак и ему Федору тѢх корчемников и табатъчиков по тому ж даватъ[ь] на поруки, а за поруками поставит[ь] ихъ в томскомъ городе (ЦГАДА, ф, 214, стб. 259, л. 629; 1647 г.);

Уничижительный суффикс -ЕНК-:

шапенко 'уничтожит. к *шапка*'. — ...*Шапенко* лисье худое— алтынъ 2 деньги, *шапенко* кунье сшито в лоскутах, околышко соболье—13 алтынъ двѢ деньги... (Головачев, 143; 1640 г.);

шубенко 'уничижит. к *шуба*.' — ...Четыре локтя полотна да *шубенко* ветхое... (ДПВК, 12; 1684 г.); Онъ покупалъ на БерезовѢ въ розницу у всякихъ людей... 2 шубы бѢлых, одна съ пухом—пять рублев, шубенка корсачья ношенная — рубль шесть алтынь четыре деньги... (Головачев, 141; 1640 г.).

С помощью уменьшительного суффикса -ЕЦ- образовано существительное *князец* 'уменьшит. к *князь*.' — И за ту де шубу киргиской *князец* Номча воевал твоих государевых ясашных людей Чюлымских волостей (Миллер, I, 417; 1608 г).

Суффикс -ЕЦ- является фонетической модификацией общеславянского уменьшительного суффикса *-ЬК-/-ЪК-, который в ряде слов постепенно теряет значение уменьшительности. Уменьшительный аффикс -К- в деривате *торелка,* образованном от заимствования XVI в. *торѢль;* сохранился в немодифицированном палатализацией виде. — И к материево отнес своих подарковъ... четыре блюда четыре *торелки* оловеных (ЦГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 80; 1635 г.).

Иноязычное слово, входя в новую для него языковую среду, неизбежно испытывает на себе влияние этой новой языковой системы, и прежде всего соответствующей лексико-семантической группы. Под действием процесса аналогии дериват образуется по характерной для данной лексико-семантической группы словообразовательной модели.

Ср. несколько слов — названий посуды: чаш-к-а, вил-к-а, куб-ок, лож-к-а и др. Следует заметить, что некоторые из слов этой лексико-семантической группы уже в XVII в. потеряли исконно присущее им значение уменьшительности и соответствующие им деминутивы образовывались присоединением дополнительных суффиксов: вилка — вилочка, ложка— ложечка и т. п. Процесс аналогии повлиял также на уничи-

жительные лексемы *шапенко, шубенко,* которые изменили свою родовую принадлежность.

С помощью отвлеченного суффикса -СТВ- образовано отыменное существительное, принадлежащее словообразовательному типу с общим словообразовательным значением 'название свойства лица, названного мотивированным словом': *мастерство* 'знание тайн ремесла; свойство, присущее мастеру'.

Наречие *мастерски* мотивировано прилагательным *мастерский* (деривационный формант — суффикс -И-) и обозначает 'свойственность тому, что названо мотивирующей основой прилагательного':

мастерски 'свойственно мастеру'. — ...А учит[ь] ему Терентью его брата моего всякому дѣлу токарному и слисарному и золотит[ь] выучить добро мастерски безо всякие охулки, чему сам горасть... (ХИВГ, 46; 1693 г.).

Среди западноевропейских заимствований в народно-разговорном языке XVII в. встретился один глагол. Это общеславянское заимствование *купить.* Словообразовательное гнездо этой лексемы самое обширное. Экстралингвистический фактор (развитие торговых отношений) обусловил большую функциональную активность этого слова и как следствие — образование производных на его базе. Схематически словообразовательное гнездо с исходным словом *купить* можно представить следующим образом:

Префиксальный способ образования глаголов:

искупить 'купить'. — ...И ружя для твоеи гдсрвы службы купить и до томского доѣхать нѣчемъ... чѣмъ бы нам холопе̄мъ твоимъ... ружишко *искупить*... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 46 1635 г.);

скупить 'подкупить'. — ...А с пытки то воровское слово для чево он с Сонки зговорил не *скупил* ли его Шумилка... (Там же; 1635 г.);

покупать 'несов. к *купить'*. ...И учел я лошадеи поку-*пат*[*ь*] дорогои ценою... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 271; 1635 г);

выкупать 'получать (обратно) за деньги'. — ...Де привезль товар *выкупат*[*ь*]... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 191; 1635 г.);

Путем присоединения постфикса возник глагол *окупитися* 'освободиться за плату'. — И в тех, государь, в твоих царских службах мы холопи твои обнищали и одолжали великими долги, и в долгах, государь, на правеже живот свои мучим, а *окупитися,* государь, с правежу нечем, а твоего, государь, царского денежново и хлебново жалованья к нам холопем твоим в Томскои город сполна не ходит (Миллер, I, 448; 1616—1617 гг.).

Отглагольные существительные с нулевым суффиксом:

откуп 'право на взыскание с населения каких-либо государственных доходов , предоставляемое частному лицу за денежный взнос с его стороны государству'. — На квасном откупщикѣ за квасной *откуп* недоплаты его повытья — 32 рубля (Головачев, 50; 1699 г.);

окуп 1) 'действие по глаголу *окупить* со значением 'освободить, получить обратно за деньги'.—...Приезжал в Томский город Карин брат Тайтыкарко для окупу жен и детей своею волею... (Миллер, I, 317; 1624 г.); 2) 'плата, деньги, которыми выкупают'. — ...И нас повоевали, и жен де и детеи наших посылали в Томскои город с *окупом,* и князь Иван де Шеховской *окуп* у нас имал, а жен и детей наших на *окуп* не отдал. (Там же; 1624 г.).

Дериватом второй ступени мотивации со значением 'действие по глаголу' является существительное.

покупка 'приобретение в собственность'. — И роспис[ь] бы конное *покупки* принес с собою и чтоб писал къ вам... про лошединую *покупку* ...и записки лошединой *покупке* мнѣ *не* отдал... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 388; 1635 г.);

Откупщик — существительное третьей ступени мотивации, образованное от бессуффиксального существительного *откуп:*

откупщик 'владелец откупа' — На квасномъ *откупщик*ѣ за квасной откуп недоплаты его повытья—32 рубля (Головачев, 50; 1699 г.).

По общему словообразовательному значению отыменных существительных с суффиксом -ЩИК- (называют лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом) дериват *откупщик* соотносится с производными *котельник, шапошник, пансырник.*

На второй ступени мотивации находится деепричастие *покупаючи.*—...А я корьмлю тѢ три лошеди которых не взял дружина Огарков покупаючи траву... (ЦГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 189; 1635 г.).

Изучение словообразовательных возможностей заимствованных слов представляет особую ценность, ярко и рельефно обнаруживает закономерности языковой системы принимающего языка. Факт появления деривационных рядов по определенным словообразовательным типам говорит о продуктивности этих типов.

Например, опираясь на имеющиеся языковые факты, на уровне предположения можно допустить, что в русском языке до XVI в. суффикс -НИК- был более продуктивным, чем суффикс -ЧИК-/-ЩИК- в названиях лица — изготовителя или обладателя чего-либо, и что в XVI—XVII вв. продуктивность суффикса -ЧИК-/-ЩИК- возрастает. Заимствования ранних периодов развития языка (общеславянского и периода феодальной раздробленности) образуют деривационные ряды с помощью суффикса -НИК-:

котел (праслав. заимств.) — *котельник* (СлРЯ XI—XVII вв., 7, 380; 1216 г.); *шапка* (1-я фиксация в 1327 г.) — *шапошник; пансырь* (XV в.) — *пансырник* 'владелец панциря' (ср. общеслав. *корчьма—корчемник* владелец корчмы. 1076 г.). А для заимствований более поздних (XVI—XVII вв.) характерно образование производных того же значения путем присоединения суффикса -ЧИК: *табак* (XVII в.) — *табатчик* 'человек, имеющий табак'; *кабак* (1563 г.) — *кабатчик* 'владелец кабака' (СлРЯ XI—XVII вв., 7, 9; 1564 г.); Интересен и показателен встретившийся нам контекст: — А у ково свѢдает или в сыску скажут про табак и ему Федору тѢх *корчемников* и *табатъчиковъ* по тому ж дават[ь] на поруки, а за поруками поставит[ь] ихъ в томском городе (ЦГАДА, ф, 214, стб. 259, л. 629; 1647 г.); Лексема *корчемник* не повлияла на словообразовательную структуру производного *табатъчик,* не стала для него структурным мотиватором несмотря на сходность их словообразовательного значения. Это подтверждает нашу мысль об изменчивости степени продуктивности словообразовательных типов.

О глубине адаптации заимствованной лексемы в принявшем его языке, о прочности вхождения слова в языковую систему можно судить не только по наличию однокоренных с ним образований ,но и по длине словообразовательной цепочки. Некоторые из заимствований дают дериваты не только первой ступени мотивации, но и второй, и даже третьей. Например: 1382 г. пушка — пушкарь — пушкарской, о-сл. купить — покупать — покупка, купить — *откупить — откуп — откупщик, 1259 г. мастер — мастерский — мастерски. Исходные слова этих словообразовательных цепочек — лексемы, вошедшие в русский язык в ранние периоды его развития.

У отдельных образований от западноевропейских заимствований развивается полисемия: *шубной*—1) 'предназначенный для шитья шубы', 2) 'похожий на шубу, выполняющий назначение шубы'; *окуп* — 1) 'действие по глаголу *окупить*', 2) 'плата, деньги, которыми выкупают'. Наличие многозначности у заимствований и их дериватов очень важно при изучении освоенности иноязычных слов языком-реципиентом, так как свидетельствует о широте функционирования слова в языке.

Кратко резюмируя изложенное, необходимо отметить, что одним из основных критериев усвоения заимствования языком-реципиентом является способность заимствования входить в состав новых слов, образовывать производные слова. Наличие у производного от западноевропейского слова нескольких частных словообразовательных значений также может явиться одним из показателей широты функционирования данного заимствования в языке.

Важным показателем большой степени освоенности иноязычного слова в принявшей его языковой системе является не только наличие однокоренных с ним образований, но и ступень их морфологической деривации, т. е. длина словообразовательной цепочки, образование более или менее разветвленного словообразовательного гнезда.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Головачев — Головачев П. Г. Томск в XVII в. Б. г.

ДВПК — Деловая письменность вологодского края XVII—XVIII вв. — Вологда, 1979.

Миллер, I — Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1. Приложения.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975 и сл., т. 1—10.

ХИВГ — Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1975.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

В. В. ПАЛАГИНА

К ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ

Процессы формирования лексической системы среднеобских говоров начинаются с XVI—XVII вв., то есть с момента заселения[1] русскими Среднего Приобья. Диахроническое изучение лексики говоров позднего образования можно вести как в плане рассмотрения истории отдельных тематических и лексико-семантических групп, так и в плане выяснения изменений «материнских» говоров в Сибири.

Настоящая статья посвящена лексике одного из северно-русских говоров восточной группы (говора Яренского уезда), оказавшегося в условиях контактирования с другими русскими и иноязычными говорами в регионе Среднего Приобья. Выходцы из Яренского уезда Вологодской губернии входили в состав разнодиалектного населения Томска XVII в. Носителями яренского говора были Банщиковы, Большенины, Вымитины, Дьяконовы, Кривые, Масловы, Палтыревы, Плотниковы, Поповы, Родюковы, Рычко, Торобукины, Шубины и др. Словарный состав их говора нашел отражение в яренских памятниках письменности XVI—XVII вв. В качестве источника его реконструкции мы использовали словарь А. Протопопова[2]: не только заглавные слова статей, но и лексику иллюстративного материала, извлеченную автором словаря из яренских столбцов XVI—XVII вв.

---

[1] О населении Томска в XVII в. см.: Палагина В. В. Диалектный состав первых жителей Томска. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971, вып. 2, с. 98—105; Она же. Реконструкция диалектного состава русского населения Томска первой половины XVII в. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972, с. 150—159.

[2] Протопопов А. Сборник слов из яренских столбцов XVI—XVII вв. — В кн.: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854, с. 120—252.

В «Сборнике слов» А. Протопопова представлены две группы лексических единиц: 1) диалектные для XVI—XVII вв.: *братан* 'двоюродный брат', *проводница* 'рыболовная снасть', *робить* 'работать' и др.; 2) общерусские для XVI — XVII вв. слова: *доспеть* 'сделать', *испод* 'низ', *киндяк* 'название ткани', *наказная память* 'письменное наставление, приказ' и др. (А. Протопопов ввел их в словарь, очевидно, на том основании, что в XIX в., когда создавался словарь, они не относились к активному запасу лексики литературного русского языка).

Некоторые слова обеих групп нашли отражение в деловых документах XVI—XVII вв. (челобитных, отписках, таможенных, приходно-расходных книгах, росписях и т. п.), написанных в Томском, Кетском, Нарымском, Кузнецком острогах. Это является достаточно убедительным доказательством существования подобных слов в речи среднеобского населения XVI—XVII вв. Напр.: *безмен* 'мера веса'. — Три безмена меду пресново (ЦГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 298; Томск, 1635), *белодушчатый* 'с белым мехом на груди и шее'. — Шесть лисиц красны белодущатые (ЦГАДА, ф. 214, стб. 226, л. 25; Кетск; 1644), *вершок* 'матерчатый верх шапки'. — Шапка кумытцкая с соболем вершекъ вишневой (ЦГАДА, ф. 214, стб. 381, л. 76; Томск, 1650), *горбуша* 'коса с короткой рукояткой'. — Сто пятьдесят семь кос горбуш (Т, л. 2 об.; Томск, 1624), *живот* 'имущество'. — И того моего живота он Ерошка выкрал на девять рублев з гривною (ЦГАДА, ф. 214, стб. 381, л. 342; Томск, 1650), *изгоня* 'притеснение'. — ...И грамот не слушали и их морили голодом и от их насильства и теснота, и обида, и изгоня великая... И от Семенова насильства и изгони побежали ис Томского города казаков 12 человек (М-1, с. 417; Томск, 1608), *оприч* 'кроме'. — А приезжим торговым и промышленным и всяким людем... оприч ...казенных анбаров и погребов, жилецких никаких дворов ставити не велеть (М-2, с. 372; Томск, 1630), *прошать* 'просить'. — ...И ходят по юртам и прошают, чем прокормитца, у тотар (М-1, с. 418; Томск, 1608), *сильно* 'насильственно'. — Имал жены их сильно ...отнял дворы их сильно (М-1, с. 418; Томск, 1608), *хоромы* 'всякое жилое строение'. — ...Пришла в Нарымском остроге снеговая вода... за острогом многие хоромы посносило (М-2, с. 371; Томск, 1630), *четь* 'четвертая часть'. — ...Приходило в наши оклады на прошлые годы... четь муки, по пяти пуд с четью и по шти пуд с четью'. (М-1, с. 447; Томск, 1616) и др.

Лексические единицы, употреблявшиеся в XVII в. яренцами, переселившимися в Сибирь, в ходе сложения среднеобских говоров по ряду причин (лингвистических и нелингвистических) подвергались различным изменениям: устаревали и впоследствии исчезали, меняли значение или стилистическую окраску, вступали в новые семантические отношения с лексикой других материнских говоров и говоров аборигенного населения и т. п. Рассмотрение всех этих процессов — задача особого специального исследования. Мы же ограничимся пока только выявлением того, какая лексика яренского говора XVI—XVII вв. сохранилась до настоящего времени в говорах Среднего Приобья в речи русского старожильческого населения.

Многие слова и фразеологизмы, выписанные А. Протопоповым из яренских столбцов XVI—XVII вв. и ставшие в его словаре заглавиями словарных статей, в современных среднеобских говорах не зафиксированы[3]: *заорленный* 'заклейменный', *извережать* 'наносить раны', *кузня* и *кузнь* 'кованые вещи', *курчим* 'корчмарь', *лечег* 'песчаное место', *лживить* 'порочить', *огурник* 'непослушный человек', *покрепиться записьми* 'дать письменное обязательство', *сошное письмо* 'роспись земли по сохам' и многие другие (всего около 440 словарных единиц).

Не сохранились и некоторые лексико-семантические варианты общерусских слов, бытовавшие в речи яренцев в XVI—XVII вв.: ...*грядка* 'брус печи', *казак* 'наемный работник', *лихой* 'злой', *накупать* 'подкупать, склоняя на свою сторону', *сирота* 'бедняк', *уход* 'переселение' и др. (более 30 единиц).

Сохранилось в среднеобских говорах 70 слов, на которые А. Протопоповым написаны словарные статьи. Для удобства сопоставления с лексикой других русских говоров XVII в. при определении диалектных истоков лексического состава среднеобского диалекта приводим эти слова не по тематическим группам, а в алфавитном порядке: *ажно* 'даже', *безмен* 'мера веса', *белодушка* 'животное с белой шерстью на передней части', *братан* 'двоюродный брат', *вздымать* 'поднимать',

[3] См.: Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967, т. 1—3; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение). Томск, 1975, ч. 1, 2; Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья. Томск, 1977; Среднеобский словарь (Дополнение). Томск, 1983, ч. 1; Материалы диалектологических экспедиций кафедры русского языка Томского университета 1964—1984 гг.

гарь 'выжженное место', *годно* 'как следует', *годовик* 'годовалое животное', *гойтан* 'шнурок', *горбуша* 'коса с короткой рукояткой', *детина* 'молодой парень', *докудова* 'до каких пор', *долина* 'длина', *доспеть* 'сделать', *драница* и *дранье* 'тонкие дощечки', *живот* 'имущество', *заворы* 'изгородь', *загинуть* 'погибнуть', *застолье* 'место за столом', *зипун* 'разновидность верхней одежды', *знимать* 'поднимать', *испод* 'низ', *исподка* 'нижняя рукавица', *кладь* 'скирд хлеба', *кошебный* 'относящийся к косьбе', *кошуля* 'овчинная шуба', *курья* 'речной залив', *ладно* 'хорошо', *лаять(ся)* 'бранить(ся), ругать(ся)', *лонись* 'в прошлом году', *лонишный* 'прошлогодний', *лонской* 'прошлогодний', *лыва* 'лужа', *матерый* 'большой', *морда* 'рыболовецкое орудие', *мот* 'моток пряжи', *наволочь* 'низменный берег, лес на берегу' *наволочный* 'относящийся к «наволочи»', *назвище* 'название', *ношебный* 'предназначенный для носки', *опричь* 'кроме', *осокорь* 'кора для изготовления поплавков и тополь', *остожье* 'изгородь вокруг стога', *отхожий* 'отдаленный', *плесо* 'участок реки от поворота до поворота', *погинуть* 'погибнуть', *погодье* 'погода', *покамес(т)* 'пока', *полой* 'рукав реки', *посконь* 'конопля', *потудова* 'до тех пор', *преж* 'прежде', *прясло* 'звено изгороди', *робить* 'работать', *ручная сажень* 'единица измерения длины', *рядной* 'сотканный в четыре ряда', *сгинуть* 'погибнуть', *сильно* 'насильно', *согра* 'низина, поросшая лесом', *справлять* 'взыскивать, требовать', *сродный* 'двоюродный', *ставец* и *ставчик* 'миска', *сузем* 'чаща', *таловый* 'ивовый', *тутошный* 'здешний, местный', *уграживать* 'угрожать', *учиниться* 'случиться'.

Кроме того, в среднеобских говорах сохранились и те слова, которые не привлекли особого внимания А. Протопопова. Они встречаются без объяснений автора только в иллюстративном материале его словаря. Сейчас они не относятся к общерусским: *анбар* 'амбар', *батог* 'палка', *бить* печь 'строить глиняную печь', *буде* 'если', *вобче* 'вообще', *дворной* 'находящийся во дворе', *ентот* 'этот', *жеребий* 'жребий', *избной* 'относящийся к избе', *имать* 'брать, хватать', *конопле* 'конопля', *коты* 'разновидность обуви', *пожня* 'покос', *поскотина* 'огороженное место для скота', *поскотинный* 'относящийся к поскотине', *постеля* 'постельные принадлежности', *почать* 'начать', *приломать* 'сломать, переломать', *промежь* 'между', *пущать* 'пускать', *сенник* 'место для сена', *стрелить* 'выстрелить', *сусед* 'сосед', *тогды* 'тогда', *ярманка* 'ярмарка' (всего 25 словарных единиц).

Итак, мы установили, что некоторые слова, употреблявшиеся в XVII в. яренцами, сохранились в современных среднеобских говорах. Но нельзя утверждать, что источником их появления в русском языке населения Среднего Приобья являются только яренские говоры. Многие из перечисленных выше слов были известны в XVII в. и другим диалектным группам сибирского населения. Например, в речи томских южнорусов в XVII в. тоже имелись слова[4]: *анбар, вобче, гайтан, годовик, долина* 'длина', *жеребий, живот* 'имущество', *зипун, избной, имать, испод, кладь, лонской, опричь, отхожий* 'отдаленный', *пожня, посконь, преж, промеж, прясло, сенник, ставец* и др. Москвичи, переселившиеся в Среднее Приобье, как и яренцы, употребляли слова[5]: *ажно, анбар, батог* 'палка', *буде, дранница, жеребий, живот* 'имущество', *имать, лаять* 'бранить, ругать', *опричь, почать, преж, промеж, прясло, сенник, сусед, тогды, тутошный, учиниться* и др.

Общие с яренскими лексические единицы имелись и в говорах других томских севернорусов (поморцев, владимирцев и др.). Поэтому вполне однозначный ответ на вопрос о конкретном диалектном источнике каждого локально окрашенного слова русских старожильческих говоров Среднего Приобья вряд ли возможен: местная лексика могла быть принесена в Сибирь одновременно носителями разных русских говоров.

Особая осторожность необходима при определении источников заимствованной диалектной[6] лексики, так как она могла попасть в старожильческие русские говоры Среднего Приобья как из материнских говоров европейской части России (в том числе и яренского), так и непосредственно из языков аборигенного неславянского населения Сибири.

Для окончательного установления диалектных истоков лексики исходного состояния среднеобских говоров (XVI — XVII вв.) необходимо определить лексический состав каждо-

---

[4] См.: Указатели слов к книгам: Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв. М., 1970, с. 297—316; Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. М., 1977, с. 294—344; Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги. М., 1982, с. 260—293.

[5] См.: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968; Записные книги московского стола 1636—1663 гг.; Русская историческая библиотека. СПб., 1888, т. 10; Приходно-расходные книги Московских приказов: Русская историческая библиотека. М., 1912, т. 28.

[6] См.: Бухарев Н. Т. Сибирская лексика и фразеология. Новосибирск, 1983, с. 104—130.

го русского говора XVII в., представленного в этот период в регионе Среднего Приобья и участвовавшего в формировании единой лексической системы среднеобского диалекта.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

М-1 — Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1.
М-2 — Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941, т. 2.
Стб. — столбец.
Т. — Рукописная таможенная книга Томска 1624 г., хранящаяся в отделе редких книг научной библиотеки Томского университета.

О. В. ОРЕХОВА

НАРЕЧНАЯ СЕМАНТИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII В.

(материалы для реконструкции исходного состояния среднеобских говоров)

Наречие — часть речи, семантика которой крайне недостаточно изучена в современной лексикологии. «Вопрос о семантической природе наречия как части речи является одним из самых сложных в наречной проблематике»[1]. Сложность семантики наречий заключается в том, что она обусловлена целым рядом номинационных, сочетаемостных и словообразовательных особенностей. Семантика наречий как бы возникает из перечисления этих особенностей.

Некоторые ученые считают, что становление семантики наречий «...обусловлено потребностью углубления семантического объема глаголов...»[2]. Наречия обозначают те или иные признаки и свойства действия (качество, интенсивность, длительность, причину, место и т. п.). Наречие может описывать те же свойства и признаки, что и прилагательное, но делает это применительно к непредметным сущностям (т. е. действию)[3]. Поэтому в значениях наречий «тема», связь с денотатом уходит на второй план, наречие не соотносится прямо с реалиями объективной действительности.

Способность наречий передавать свойства, признаки действия находит свое отражение в функции наречий в предложении, в сочетаемостных свойствах наречий (в большинстве случаев наречия сочетаются с глаголами). Но наречия также могут обозначать признак признака (прилагательного, другого наречия), поэтому круг сочетаемости наречий не ограничи-

---

[1] Евтюхин В. Б. Обстоятельственные наречия в современном русском языке. — Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979, с. 41.

[2] Калечиц И. П. Об одном признаке, различающем лексико-грамматические разряды в составе наречий. — В кн.: Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1971, с. 136.

[3] Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978, с. 111.

вается глаголами, хотя глагольная сочетаемость является для наречия основной.

При исследовании также необходимо учитывать особенности наречий в словообразовательном плане. Наречие как часть речи оформилась сравнительно поздно, поэтому формирование наречий произошло на основе других частей речи, отсюда и «словообразовательная соотнесенность наречий с именами и глаголами»[4]. Семантика наречий несет на себе отпечаток тех частей речи, от которых наречия образованы. Особенно ощутимы словообразовательные связи для наречий XVII в. На материале русского языка этого периода наиболее удобно проследить один из начальных этапов развития, оформленности наречной семантики.

На основе указанных выше особенностей наречий можно определить круг вопросов, в плане которых будет проведено исследование наречной семантики: насколько сильна обусловленность семантики наречий глагольной семантикой, сочетаемостью, контекстом, какие типы наречной семантики формируются на основе этой обусловленности; какова степень оформленности, самостоятельности семантики наречий русского языка XVII в.

Выборка наречий произведена нами из следующих памятников русской письменности XVII в.: «Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв.», «Житие Епифания», «Житие протопопа Аввакума», «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.»

Для установления значения наречий применен метод компонентного анализа, основу которого составляет расщепление значений на составляющие их семантические дифференциальные признаки (семы). Но проявление, реализация компонентов значения происходит непосредственно в тексте, поэтому необходимо применение компонентного анализа в сочетании с изучением окружения данного слова в контексте. «Источником установления сходства и различия лексических единиц является само их употребление, учет общих и специфических свойств сочетаемости»[5].

К сожалению, толкование значений слов в исторических словарях часто дается путем перевода этого слова на совре-

---

[4] Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972, с. 247.
[5] Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982, с. 97.

менный русский язык, что вызывает затруднения при выделении компонентов значений.

Поэтому в ряде случаев для проверки правильности нашего понимания значения слова мы применяли метод трансформации (в словосочетание, в деепричастие, в синонимический ряд и т. п.). «Логическое перефразирование имеет эффективное применение там, где необходимо вскрыть тонкие семантические различия, не очевидные на первый взгляд»[6].

Для исследования нами взят лексико-грамматический разряд определительных наречий. В современной лингвистике уже закрепилась точка зрения о двучленном делении корпуса наречий на определительные и обстоятельственные наречия. Определительные наречия обозначают внутренние характеристики действия, признака (качество действия, образ совершения действия или признака), а обстоятельственные— внешние предметы, условия протекания действия (время, место, цель и т. п.). Нам представляется, что рассмотрение поставленных в работе вопросов следует проводить на материале определительных наречий, так как именно они в силу своей семантики более тесно связаны с семантикой глагола, чем обстоятельственные. К тому же обстоятельственные наречия могут выступать в предложении в роли детерминирующих обстоятельств, самостоятельных распространителей предложения, что также ослабляет связь обстоятельственных наречий с семантикой глагола.

Разряд определительных наречий объединяется семой «внутренняя характеристика действия признака». Данная сема характеризуется высокой степенью обобщенности и является лексико-грамматической[7]. Внутри разряда определительных наречий можно выделить три тематические группы (далее ТГ): наречия образа действия, наречия качества, наречия степени. Указанная выше сема конкретизируется в каждой ТГ по-своему, приобретает присущие только данной ТГ дифференциальные черты. При объединении слов в ТГ значения слов рассматриваются прежде всего в аспекте соотнесения слова с обозначаемым денотатом (наречия качества обозначают качественные характеристики действия, наречия степени — ту или иную степень проявления действия, признака и т. д.). Но слова могут образовывать и более тесные лексико-

---

[6] Там же, с. 25.

[7] Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980, с. 25.

семантические единства — лексико-семантические группы (далее ЛСГ). В каждой ТГ нам удалось выявить ряд ЛСГ. Сема, являющаяся общей для слов ТГ, представлена в значениях членов ЛСГ различным образом.

Например, в ТГ наречий образа действия семантика наречий неоднородна, может включать в себя не только характеристики собственно образа действия (способ действия, соответствия действия определенному образцу и др.), но и характеристики, сопутствующие образу действия (время, место, состояние субъекта, объекта и т. п.). Это непосредственно проявляется в строении ТГ наречий образа действия, в образовании и взаимодействии ЛСГ, которые с общими дифференциальными семами собственно образа действия образуют центр, ядро ТГ наречий образа действия (ЛСГ указательных наречий образа действия: *всяко, инако, как-нибудь, никак, так;* ЛСГ наречий соответствия: *по-новому, по-прежнему, по-русски, по-своему, по-тамошнему* и т. д.; ЛСГ наречий способа: *боем, босиком, грабежом, тычком* и т. д.), ЛСГ с семами сопутствующего характера (указание на время, место, результат действия, состояние субъекта, объекта) образуют периферию ТГ наречий образа действия (ЛСГ наречий образа действия с указанием на результат действия: *впусте, даром, вдвое, пополам;* ЛСГ наречий образа действия с указанием на состояние субъекта, объекта: *взаперти, до смерти, досыта, допьяна, насмерть* и т. д.; ЛСГ наречий образа действия с указанием на время: *вдруг, наскоро, наспех, помаленьку* и т. д.):

Подобная системная организация (центральные и периферийные группировки) прослеживается и в ТГ наречий качества и в ТГ наречий степени. Системная организация наречий также создается за счет того, что семы, которые являются интегрирующими для слов одной ТГ, могут появляться на периферии слов определенных ЛСГ других ТГ. ТГ определенным образом соотносятся и пересекаются. Например, в ТГ наречий образа действия есть ЛСГ, члены которой объединяются дифференциальной семой степени. К этой ЛСГ относятся наречия: *едва* 'с большим трудом, насилу'; *еле-еле* 'едва с большим трудом'; *кое-как* 'едва, насилу, с большим трудом'; *насилу* 'едва, с большим трудом, еле-еле'. Значения таких наречий передают не только образ совершения действия, но и то, что действие находится на грани совершения—несовершения (сема интенсивности, степени действия). Эта сема является интегрирующей, архисемой для наречий ТГ степени, по-

этому ЛСГ наречий образа действия с общей дифференциальной семой степени будет находиться на периферии ТГ наречий образа действия, на границе с ТГ наречий степени.

Подтверждением системной организации наречий, того, что ТГ и ЛСГ являются естественными, реально существующими в лексике образованиями, а не искуственно выделенными, моделируемыми, является и то, что для слов отдельных ТГ и ЛСГ характерны особые типы взаимодействия лексического значения наречий с глаголами. Эти типы взаимодействия определяют и типы наречной семантики, так как то или иное взаимодействие наречий с сочетающимися словами является результатом, своеобразным проявлением самой семантики наречий.

Для ЛСГ, входящих в ТГ наречий образа действия, характерно несколько типов взаимодействия семантики наречий с контекстом. Это обусловлено разнородностью семантики наречий данной ТГ (в нее входят наречия как с дифференциальными семами собственно образа действия, так и семами сопутствующего характера).

Первый тип. Этот тип характерен для ЛСГ указательных наречий, ЛСГ наречий соответствия. Семантика таких наречий информативно недостаточна, носит указательный характер. Напр., указание на наличие определенного образа совершения действия (ЛСГ указательных наречий).

Всяко 'всеми, любыми способами'. — *Всяко* тщится разорити и обличити неправду... (ЖАв II, 100).

Как-нибудь 'любым образом, кое-как'. — ...Ну-таки встащися *как-нибудь* (ЖАв II, 99).

Никак 'никаким образом'. — ...Ано никакого силого человеческого сего невозможно сотворити (ЖЕп, 91).

Или указание на соответствие действия определенному образцу (ЛСГ наречий соответствия).

По-прежнему 'так, как было раньше'. — ...Чтобъ ему еЬ[8] к себе добится и вороват с него *попрежнему*... (МДБП, 51).

По-старому 'так, как делалось раньше, в старину, по старинному обычаю'. — ...Печатай, Арсен, книги как-нибудь лишь бы не *по-старому*... (ЖАв II, 109).

По-русскому 'так, как заведено у русских'.

По-тамошнему 'так, как заведено там'. — У протопопицы моей была однарятка московская, не сгнила, *по-русскому*

[8] Знаком Ь передается буква «ять».

рублев в полтретьяцеть и больши *по-тамошнему* (ЖАв II, 74).

Семантика наречий такова, что создает возможность различного ее наполнения в зависимости от контекста. Контекст передает часть своей семантики наречиям. Напр., *так* 'таким образом'. — Сказали ему, что я *так* молюсь и он лишо излаял меня (ЖАв II, 80); 'так, как есть'.—Много помышлять менак шить на тайныя уды, да не сшилъ, *так* мучился (ЖЕп, 90).

Подобное различное наполнение семантики наречий контекстуально обусловлено. Различие в оттенках значения «создается за счет слитного смысла всего контекста»[9].

Для данного типа взаимодействия наречной семантики и контекста характерны следующие черты: употребление наречия обусловлено потребностями всего контекста (функция в предложении), наречия испытывают наибольшую степень влияния со стороны контекста.

Второй тип. Семантика наречий этого типа взаимодействия прежде всего обусловлена сочетаемостью. Значения наречий более информативны, чем значения указательных наречий, но все-таки достаточно обобщены, что создает возможность различной конкретизации значения наречий в зависимости от сочетаемости. Например, ЛСГ наречий образа действия, имеющих общую дифференциальную сему совместности совершения действия.

Вместе 1) 'совместно, сообща, рядом' (совместность действия возникает за счет нахождения в одном месте). — И с урочища де Молошных Вод донские казаки и з запорожские черкасы... сложились *вместе* пошли войною... (КВПР, 41); 2) 'вместе, одновременно' (совместность действия возникает в результате одновременности). — ...А приехал я на гсдрву службу в Севескъ з бояриином и воеводою кнзь Василем Васильевичем Голицыным *вместЬ* до сроку за два дни (МДБП, 38).

Наречие *вместе* приобретает значение 'совместно, сообща, рядом' в сочетаниях с глаголами, обозначающими конкретное, ограниченное по длительности действие, но незавершенное, а значение, 'вместе, одновременно' наречие приобретает в сочетаниях с глаголами, обозначающими конкретное, завершенное действие (приехать). Такой же тип взаимодействия характерен и для наречий ТГ степени (ЛСГ наречий степени проявления признака, ЛСГ наречий интенсивности действия).

---

[9] Новиков Л. А. Указ. соч., с. 168.

Наречия *больно, гораздо, зело* в зависимости от сочетаемости могут передавать и значение 'очень' (ЛСГ наречий степени проявления признака), и значение 'сильно, интенсивно'.

Больно 1) 'очень, сильно' — ...Мы де здес били челом гсдрю чтобы ему не итит х кнзь Григорю а он де сам пошол *больно* де ему хочетца быт у кнзь Григоря в товарыщах... (МДБП, 19); 2) 'сильно, больно'. — За что ты сыне божий попустил таково *больно* убить тово меня? (ЖАв I, 30).

Гораздо 1) 'очень, в большой степени'. — ...Поворотит назад домои желЬючи лошЬди потому што дорога грязна *гораздо*... (МДБП, 40); ...уж у него и своя седа борода и *гораздо* почитает отца... (ЖАв II, 81); 2) 'сильно, интенсивно' — ...Пьянъства ради преданъ бЬсомъ и гараздо бЬсился, томим от бЬсовъ (ЖАв I, 24).

Зело 1) 'очень, в большой степени'.—...И штець дал похлебать—зЬло прикусны, хороши... (ЖАв, I, 24); ...И ужасеся зЬло, едва ис кЬлии исползЬ... (ЖЕп, 83); 2) 'сильно, интенсивно' — ... У кЬлии моей очнь велик, *зЬло дышет*... (ЖЕп, 89).

В сочетании с прилагательными, глаголами психического действия эти наречия имеют значение 'в большой степени, очень', обозначают степень наличия того или иного признака, состояния. А в сочетании с глаголами, обозначающими конкретное физическое действие, которое может проявляться более или менее интенсивно, названные наречия приобретают значение 'сильно, интенсивно'.

Во втором типе взаимодействия связь наречий и контекста (сочетающихся слов) проявляется в возможности актуализации в значении наречия той или иной семы в зависимости от сочетаемости.

Третий тип. Для него так же, как и для второго типа, характерно взаимодействие лексических значений наречий и сочетающихся с ним слов (глаголов). Употребление наречий вызвано необходимостью распространить, дополнить в определенном направлении значение глагола. При этом семантика наречий диктует, значения каких глаголов и в каком направлении данные наречия могут распространить. Круг сочетаемости наречий определен их собственной семантикой. Связь между наречиями и глаголами очень тесная, иногда близкая к фразеологической. Такой тип взаимодействия характерен для ЛСГ наречий образа действия, имеющих общую дифференциальную сему состояния субъекта, объекта.

Досмерти 'так, что наступает или может наступить смерть' 'очень сильно'.—...И мне холопа твоего хотят убить *досмерти* (КВПР, 47); ...он Игнатеи за мною с ножемъ гонялся и хотел меня зарезать *досмерти* (МДБП, 53).

Замертва 'до бесчувственного состояния, близкого к смерти', 'очень сильно'.—...И покинул меня *замертва* бивши... (МДПБ, 58); ...И плате с нево сняли грабежем и бив *замертво* перекинув на лошед, вывезли... (ДПВК, 54).

Насмерть 'так, что наступает или может наступить смерть'; 'очень сильно'. —...И онъ, попъ Пахомии, учал меня сироту бранить... и бил меня сироту *насмерть* до крови (ДПВК, 66).

Допьяна 'до опьянения, очень сильно'. — Оне, горюны, испивают *допьяна*, до матерны бранятся... (ЖАв I, 21).

Досыта 'до полного насыщения, много'. — ...И со слезами припал к пролубке и напилъся воды *досыта* (ЖАв 1, 44).

Наречия *досмерти, замертва, насмерть* могут выступать в сочетаниях с глаголами убить, побить, бить, зарезать и т. д., т. е. с глаголами, обозначающими насильственное воздействие, которое может привести к изменению состояния. Наречия *допьяна, досыта* выступают с глаголами типа пить, есть. Третий тип взаимодействия наречной семантики характеризуется ведущей, определяющей ролью наречия, так как наречие диктует выбор глагола, требует употребления его с глаголами определенной семантики.

Четвертый тип. Характеризуется тесной связью лексического значения наречия и сочетающегося с ним глагола. Связь эта основана на наличии общей семы в значениях наречия и глагола. Этот тип взаимодействия характерен для отдельных наречий ТГ образа действия и почти для всех наречий ТГ качества. Наречия ТГ качества обозначают качественные признаки действия, т. е. признаки, которые содержатся в самой семантике глагола. «Качественные наречия связаны с семантикой корня глагола... Они представляют собой как бы вычлененную сему лексического значения глагола... Сема качественной характеристики представляется существенной для глагола как части речи»[10]. Но значение глагола обычно не ограничивается одной качественной характеристикой. Правильнее было бы сказать, что каждый глагол может иметь определенный набор качественных характеристик. Например, глаголы говорения имеют качественные характери-

---

[10] Калечиц И. П. Указ. соч., с. 137.

стики: громкость, качество (внятность, разборчивость), быстрота речи.

Велегласно 'громко, громогласно'. — Азъ же *велегласно* вопию ко господу... (ЖЕп, 87).

Гугниво 'неясно, косноязычно'.—И сперва говорил *гугниво*... (ЖАв, I, 58).

Кратко 'коротко, сжато, немногословно'. — Аз *кратко* помянул, смотрение показуя (ЖАв I, 15).

Неизреченно 'неясно, непонятно'. — Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит *неизреченно*... (ЖАв I, 21).

Чисто 'ясно, правильно'.

Ясно 'чисто, понятно'. — ...И с тЬхъ мЬстъ стал говорить чисто и *ясно*... (ЖАв, 58).

Сема скорости действия может быть качественной характеристикой не только глаголов говорения, но и глаголов движения, глаголов конкретного физического действия и т. д.

Быстро 'скоро, в течение короткого промежутка времени'. —...И внидоща в кЬлию ко мно два бЬса... и *быстро* вспять *возвратилися* (ЖЕп, 87).

Скоро 'быстро'—...А как ты свЬт мои поедешь к МосквЬ и ты свЬ мои поЬзжай *поскорее*... (МДБП, 21); ...Отворищася двери сЬнныя *скоро* зело и пылко... (ЖЕп, 87).

Скоро-скоро 'очень быстро'. — ...И кинулся *скоро-скоро* к богородице в кЬлию (ЖЕп, 89); ...Да и кЬлейныя двери *скоро-скоро* зЬло отворишася (ЖЕп, 87).

Кроме того, существуют глаголы, имеющие достаточно большой набор качественных характеристик, например, глаголы жить, быть, делать и т. д. Это глаголы с общим значением, которое может иметь различные качественные характеристики. Связь между подобными глаголами и сочетающимися с ними наречиями качества ослаблена. Но в целом наречия четвертого типа взаимодействия характеризуются тесной связью с глаголами. Употребление наречия обусловлено необходимостью актуализировать сему качественной характеристики, которая присутствует (реально или потенциально) в значении глагола. При этом само значение наречий достаточно самостоятельно.

Наречия могут передавать не только качественные признаки действия (признаки, которые содержатся в самой семантике глагола), но и побочные, дополнительные признаки действия, например, комплекс действий, сопровождающих основное действие.

Въяве 'не таясь, открыто'.—...Вьяве уговаривает, а втай подкрепляет меня... (ЖАв II, 84).

Тайно 'таясь, не обнаруживая себя'—...Стенька Разин с своими воровскими товарищи пришол с Царицына под Астрахань *тайно...* (КВПР,7).

Связь между данными наречиями и глаголами ослаблена, употребление наречия обусловлено потребностями контекста в дополнении семантики глаголов, а также собственной семантикой наречий. Это новый (пятый) тип взаимодействия семантики наречий и контекста, хотя и связанный с рассмотренным выше четвертым типом взаимодействия. Он характерен для отдельных ЛСГ, входящих в ТГ наречий образа действия (напр., ЛСГ наречий, обозначающих комплекс действий, сопровождающих основное действие), а также для наречий, находящихся на пересечении ТГ образа действия и ТГ качества. Эти наречия обозначают признаки действия, слабо выраженные в глагольной семантике. Напр.: *Бесстрашно* 'смело, храбро'.—Людие же *бесстрашно* и дерзновенно ко мнѣ побрели (ЖАв I, 49). *Прилежно* 'усердно, старательно'. —...Плакався пред образом господним и моляся *прилежно...* (ЖАв I, 18).

Смирно 'спокойно, смирно'. — ...И дорогою де они шли *смирно,* нигде никакова воровства от них не было (КВПР; 38) и т. д.

Пятый тип. Характеризуется наибольшей степенью ослабленности связи между наречиями и контекстом.

Выявленная нами обусловленность лексических значений наречий контекстом, глагольной сочетаемостью не отрицает оформленности, самостоятельности семантики данной части речи в русском языке XVII в. Более того, типы взаимодействия наречной семантики и контекста свидетельствуют об особом характере наречной семантики, подтверждают особую оформленность, самостоятельность лексических значений наречий.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ДПВК — Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв. Вологда, 1979. 108 с.

ЖАв I — Житие протопопа Аввакума. — В кн.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, с. 11—80.

ЖАв II — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. 479 с.

ЖЕп — Житие Епифания. — В кн.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, с. 80—92.

КВПР — Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954, т. 1. 323 с.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968. 338 с.

Г. А. РАКОВ

СОСТАВ И СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ГОВОРЕ

(на материале нарымского говора)

СТАТЬЯ I

Под семантическим полем в данной работе понимается «совокупность лексико-семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-либо семантическом слое и связанных специфическими корреляциями»[1]. Элементы (словозначения) в составе поля характеризуются связями по двум направлениям: с именем поля и его ядром, с одной стороны (обязательная связь), и друг с другом — с другой (факультативная связь). Связи первого типа предохраняют поле от чрезмерного разрастания, связи второго типа обеспечивают непрерывность заполнения элементами поля определенной сферы семантического пространства.

Анализируя структуру семантического поля в литературном языке, Ю. Н. Караулов изображает ее в виде пяти множеств: «Базу его составляет синонимическое отношение (А), которое подчиняется соответствующей суперординате (Б) (включается в родовое именование) и само содержит в себе гипонимы (В). К ядру присоединяются слова, значения которых имеют общий компонент с ядром (Г). В отдельную группу выделяется антоним (или антонимы) к имени поля»[2]. Наличие всех пяти множеств является условием достаточным, но не необходимым для существования поля. В зависимости от особенностей семантики имени поле может либо не иметь синонимов, либо — суперординаты, либо — антонима.

Рассмотрим реализацию данной структуры компонентами поля «животное», выделенного в лексике нарымского говора, входящего в среднеобской диалектный массив.

Имя поля отношениями гипонимии связано с элементами множества В (зверь, скотина, птица, рыба, детеныш), кото-

---

[1] Городецкий Б. Ю. Теоретические основы прикладной семантики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1978, с. 9.

[2] Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976, с. 111.

рые по отношению друг к другу (за исключением последнего) предстают как согипонимы, и каждый из них оказывается обобщенным именованием для других слов, входящих в поле:

з в е р ь — лиса, белка, медведь, соболь, песец, бурундук, барсук, горностай, россомах, рысь, волк, норка, выдр, ондатра, лось, олень, заяц; в отдельных случаях оказываются выраженными половые различия диких животных (медведь — медведица, медведиха);

с к о т и н а — баран, свинья, рогач, корова, лошадь, ишак; собака, кошка; здесь уже практически во всех случаях представлена оппозиция по полу (баран—овца, свинья—кабан, корова — бык, лошадь — конь, кошка — кот);

п т и ц а — сова, филин, воробей, ворон, сорока, глухарь, рябчик, чайка, ласточка, лебедь, гусь, утка, курица; оппозиция по полу представлена следующими парами: утка—селезень, тетерев—палюшка, рябчик—рябушка, ворон—ворона, шилохвост—шилохвостка, крохаль—крохалиха;

р ы б а — стерлядь, осетр, муксун, пескарь, нельма, налим, окунь, язь, елец, судак, карась, щука, чебак, сырок, ёрш; оппозиция по полу не представлена;

д е т е н ы ш — зверёныш, ягнёнок, поросёнок, телёнок, жеребёнок, кысёнок, щенок, цыплёнок, малёк; оппозиция по полу не представлена; заметим также, что если для большинства названий животных различаются и именования детенышей, то для всех названий рыб — только одно.

Дальнейшее «обрастание» ядра компонентами идет по пути развития двух оппозиций — привативной и нулевой. При этом линии не всех слов оказываются продолженными.

П р и в а т и в н а я: лиса — сиводушка, огнёвка, чёрный месяц, белодушка; белка — сосновка; медведь—шатун, людоед; кабан—боров; корова—тёлка, нетель, первотёлок, переходница; бык—порос; лошадь—монголка, бегун; собака—лайка, овчарка, борзая, гончая; чайка—мартын; ласточка—береговушка; утка—лыток, нырок, крохаль, свезь, шилохвост; зверёныш —медвежка, теленок—подтёлок, жеребёнок—оселеток, лончак, третьяк; детеныш—сосун, молодняк. В единственном случае оппозиция развивается дальше (ниже): лайка—сибирская лайка, тунгуска, левенка.

Н у л е в а я (синонимы и варианты): морда—рыло, зверь—зверек, лиса—лисиса—лисица—лисичка, медведица—медведыха, медведиха, медведь—миша—чёрный зверь—негодяй—медьва, россомах—россомага, выдр—выдра, ондатра—онадатра— ондатр, лось—сохатый—лосина, заяц—заяс, овца—овеч-

ка, баран—иман, свинья—чушка, боров—хряк, тёлка—тёлочка, порос —производитель, бык—вол, лошадь—лошадка—лошадёнка, оселеток—селеток, лончак—лончишка, кошка—кыска, котёнок—кысёнок, собака — собачонка, кобель — пёс, щенок—щенёнок, птица—птиса—птичка—пташка, глухарь—пальник—тетерев, копалуха—копылуха—пеструха—пеструшка, рябок—рябчик, мартын—мартышка, свезь—свизь, курица—куриса—наседка—седунья — парунья—клуша — квоха, цыплёнок—ципушка, стерлядь—стерлядка, осётр—осетра—осетёр—кострючишка—кострюк—остроносый, нельма—нельм —мельма—нейма, ёрш—ершишка.

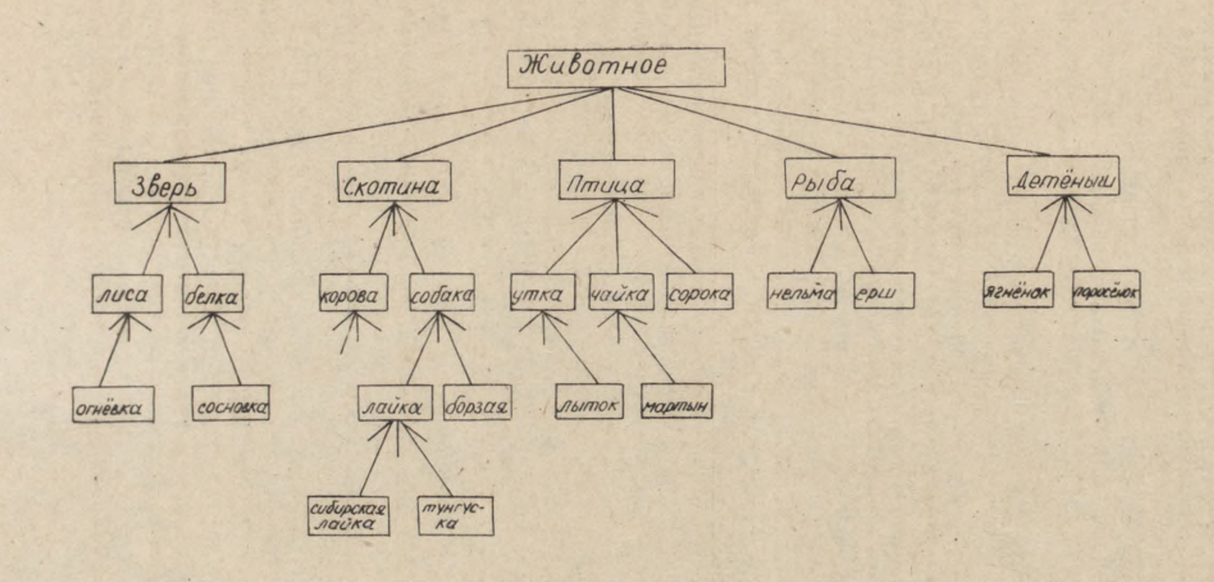
Нетрудно заметить, что до данного уровня поле организуется в достаточно стройную в обобощенном и сокращенном виде иерархическую систему (с. 91).

Если остановиться на этом уровне анализа, то перед нами окажется представленной упорядоченная группа слов, объединенных по принципу тематической. Однако в лексике говора представлено еще весьма значительное количество лексических единиц, семантически связанных с ядром (наличием общих содержательных компонентов в структуре семем). Представим их в соответствии с избранной схемой описания:

ж и в о т н о е: самец, самка, натурность, порода, хвост, голова, лоб, морда, рыло, сопка, (передняя часть морды животного), пасть, нос, пена, зуб, зубец, ухо, ушко, спина, спинка, хребтина, шея, рог, ляжка, лытка, лапа, палец, нюх, шкура, шкурка, масть, линка, падеж, падина, требуха, расти, пастись, сцарапать, укусить, лакать, жрать, нажраться, перекусить, перекусывать, искусать, подрать, подмять, объесть, исчавкать, объедать, пожевать, лизать, муслить, чуять, зачуять, чухать, услышать, реветь, скатываться (о шерсти), лезть, линять, плодиться, оправляться, пакостить, падать, дохнуть, пропасть, пухнуть, линный, линивый;

з в е р ь: гайно, берлог, берлога, нора, норка, тропа, натропить, пушнина, пышнина, лечь, ложиться, ощелкиваться, дикий, беличий, барсучий, олений, пушной, пышной;

с к о т и н а: стадо, табун, поярка, руно, руна, летнина, веснина, зимнина, свинина, ночевуха, вымя, отёл, молоко, копыто, гнедко, серко, сивко, соловко, чалуха, грива, конюшня, галоп, оягниться, блеять, бякать, забякать, хрюкать, пороситься, опороситься, мычать, бодаться, забодать, накрыться, покрыться, телиться, отелиться, принести, запуститься, доить, ископытиться, ожеребиться, ржать, заиржать, лягнуть, за-


Животное
Зверь
Скотина
Птица
Рыба
Детёныш
лиса
белка
корова
собака
утка
чайка
сорока
нельма
ерш
ягнёнок
поросёнок
огнёвка
сосновка
лайка
борзая
лыток
мартын
сибирская
лайка
тунгус-
ка

прячь, запрягать, распрячь, распрягать, взнуздывать, окотиться, ощениться, мявкать, лаять, взлаять, заблажить, залаять, скотский, суягная, поярковый, супоросный, свининый, чушечий, недойный, бодучий, комолый, безрогий, стельная, яловая, гнедой, сивый, соловой, чалый, пегий, пеганый, чуварный, вороной, буланый, каурый, холостой, жеребый, сукотный, в запуске;

птица: пташка, пух, перо, гнездо, скворечник, прилёт, перелёт, летать, лететь, залетать, налетать, прилетать, полететь, улететь, садиться, табуниться, седило, насест, яйцо, скорлупа, курятник, парить, нести, нестись, роститься, топтать, квохтать, гоготать, клевать, пролетный, глухариный, гусиный, утиный, рябой, рябый, на лету, на крыле;

рыба: чешуя, чушья, плащ, макса, икра, нерст, нерест, оборот, живец, живок, мормыш, метать, нерститься, неститься, нереститься, плыть, плавать, заплывать, заплыть, идти, опускаться, подниматься, играть, клевать, клюнуть, икряный, рыбий, рыбный, осетровый.

Будучи связанными с ядром поля, перечисленные слова вступают в закономерные отношения и между собой, парадигматические и синтагматические, первые из которых нетрудно проследить по аналогии с проведенным выше анализом (добавив анализ эквиполентных оппозиций типа падать—падина, линять—линный, парить—парунья и под.), вторые же легко восстанавливаются в процессе развертывания поля в речь. Обратим только внимание на следующее: если группа слов, относящихся к имени поля «животное», вступает в семантические отношения со словами всех других групп, то лексические единицы, связанные с другими компонентами ядра, выступают в узусе связанными преимущественно друг с другом. Парадигматические же связи несколько иные. Так, если бы в говоре был гипероним со значением 'беременная' (о животном), то слова *суягная*, *жеребая*, *сукотная*, *икряный*, *стельная* были бы к нему гипонимами, а по отношению друг к другу—согипонимами; если бы в говоре был гипероним со значением 'издавать звук' (о животных), то гипонимами к нему были бы слова *рычать, блеять, хрюкать*, *мычать*, *ржать*, *мявкать, лаять, гоготать*, *роститься* и т. д., в значение которых входит сема отсутствующего гиперонима. Но подобные связи — не единственно возможные на парадигматической оси. Внутри групп, как указывалось выше, они тоже наличествуют.

Таким образом, в логически упорядоченной структуре данного поля мы можем выделить множества А, В и Г, при этом первые два множества составляют ядро поля, компоненты множества Г связаны с ядром семантически (парадигматически). Отсутствие суперординаты оставило незаполненным множество Б (для сравнения отметим, что аналогичное поле в другом говоре—с. Вершинино того же диалектного массива —имеет суперординату органический, вместо слова *скотина* в том же говоре в ядро поля входит словозначение *домашность,* что обеспечивает более логичное заполнение данной парцеллы). Незаполнение множества Д (антоним к имени) связано со спецификой имени поля.

Характеризуя заполнение поля и связи между его элементами, мы обратили внимание на достаточно выраженные семантические зависимости всех компонентов поля с его ядром, а также усиление связей внутри отдельных групп при ослаблении таковых между компонентами разных групп (за исключением связей со словами, относящимися к имени поля, что закономерно). Это естественно приводит к выводу о том, что поле распадается на ряд парцелл, «отличающихся наибольшей интенсивностью семантических связей»[3]. Наличие в поле таких зон позволяет говорить о другой возможности упорядочения состава поля—о его естественной парцелляции[4], которая идет параллельно с упорядочением поля в соответствии с абстрактно-логической схемой. В анализируемом поле выделяются парцеллы, возглавляемые словами *животное* (имя поля входит в состав того же поля по положению), *скотина, зверь, птица, рыба, детёныш,* которые первоначально были дескрипторами и именами соответствующих миниполей.

Специфика лексического состава данного поля (как и специфика лексического состава говора вообще) состоит в наличии трех равноценных в функциональном плане групп слов: общерусских, диалектно-просторечных и диалектных. Обращает на себя внимание тот факт, что ядро поля состоит исключительно из слов общерусских, общерусскими же словами (см. схему) заполнены и позиции гипонимов к компонентам ядра. Диалектно-просторечные и собственно диалектные слова появляются на следующих ступенях иерархии—в соста-

---

[3] Там же, с. 220.
[4] Там же, с. 240.

ве множества Г (или, что то же,—в периферийном составе парцелл). Насколько данное наблюдение имеет закономерный характер и как эта особенность зависит от лексического состава поля и его места в общеязыковой картине мира — предмет самостоятельного исследования.

В. Г. НАУМОВ

ЯВЛЕНИЕ ВЗАИМНОЙ МОТИВАЦИИ СЛОВ В ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Мотивация определяется в лексикологии как процесс лексической аттракции однокорневых (лексическая мотивация) или одноструктурных (структурная мотивация) слов в пределах одного высказывания. Это явление наиболее характерно для устной, спонтанной речи, где мотиваты[1] представляют собой некие опорные точки, ключевые моменты высказывания. «Для носителя языка естественна ориентация на установление межсловных отношений лексической мотивированности как на доступный и экономный способ выявления тех или иных смысловых оттенков слова, которые он считает нужным подчеркнуть в процессе общения»[2].

Термин «мотивация» в лексикологии отличается смысловым наполнением от термина «мотивация» в словообразовании, следовательно, некоторые явления, так или иначе связанные с проблемой мотивации, остающиеся за пределами словообразовательного подхода, могут рассматриваться в лексикологии. Одним из таких явлений нужно считать процесс в з а и м н о й м о т и в а ц и и.

Попытки использовать термин «взаимная мотивация» в дериватологии не привели к положительному результату. Взаимная мотивация определялась при этом как отношения между словами, имеющими одинаковый связанный корень и одинаковое количество разных по качеству аффиксов: ПРИВЫКНУТЬ—ОТВЫКНУТЬ. При этом, с одной стороны, утверждалось наличие у данных слов производящей основы, с другой—признавалось ее отсутствие[3]. Анализ словообразова-

---

[1] Слова, находящиеся в мотивационных отношениях.

[2] Я н ц е н е ц к а я М. Н. К вопросу о словообразовательной и лексической мотивированности слов. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977, вып. 2, с. 47.

[3] Ц ы г а н е н к о Г. П. Связанные основы и отношения «взаимной мотивации» в словообразовании. — В сб.: Проблемы словообразования русского и украинского языков. Киев; Донецк, 1976, с. 68.

тельных отношений подобных слов отрицает наличие последовательной мотивации, в результате чего доказывается мнимость взаимной словообразовательной связи лексических единиц данного типа. Таким образом, в словообразовании в принципе не может исследоваться взаимная мотивация[4].

Каковы же особенности явления взаимной мотивации, изучаемого в рамках лексикологического подхода? В качестве материала для исследования взяты контексты, фиксирующие речь носителей нарымского говора (Парабельский район Томской области) — около 5 тысяч случаев актуализации мотивационных отношений слов (из них около тысячи случаев взаимной мотивации).

1. В рамках отношений лексической мотивации ее направленность обычно осознается говорящим (или реконструируется исследователем): *Са́харна* роза — этот цветок, как *сахаром* обсыпан, когда цветёт (Новосельцево). Теперь *холщо̀во* же никто не наденет. А раньше мы б носили. Работали б все в *холщовом*. Из *холста* шили (Парабель). Мне не пришлось *ехать*. Сделали воро́ты для его, а он хитрый — не *поехал* в их, а глухой улицей (В. Пашня) (САХАР—САХАРНЫЙ, ХОЛСТ—ХОЛЩОВЫЙ, ЕХАТЬ—ПОЕХАТЬ).

Однако в ряде случаев такой направленности выявить не удается (и, естественно, информантом она не осознается, что подтверждают результаты многочисленных экспериментов): Хвостики *обрезают*, наверно, им. Хвостики *отрезают* маленьким и на удочку наживляют и закидывают (Парабель). Ну а это-то чё, *приступка*-то? Это просто так. Труба да и *выступы*... (Парабель). Веником *выметешь, подметешь* всё там... Намочишь, там всё хорошо *заметешь* и со̀дишь хлеб на под (Парабель). В данных контекстах зафиксированы случаи взаимной мотивации слов ОБРЕЗАТЬ—ОТРЕЗАТЬ, ПРИСТУПКА—ВЫСТУП, ВЫМЕСТИ—ПОДМЕСТИ—ЗАМЕСТИ. Возникает вопрос: являются ли такие аттракции действительно случаями мотивации? Ответ может быть только положительным, и основания для такого ответа дают экспериментальные исследования, в результате которых могут быть получены контексты такого типа: *Заметать* сор? А это когда всё *подметёшь*, с полок *сметёшь, выметешь* из углов и в кучу *заметаешь*. Вот такое это слово (Нарым). Подобные метатексты лишь подтверждают объективно существующие в языке законы.

---

[4] Там же, с. 69—72.

Почти любой случай лексической мотивации — это следствие взаимной аттракции однокорневых лекс. Термин «аттракция» уже предполагает наличие взаимного притяжения. В процессе речевого акта говорящему нет смысла создавать схему, отражающую направленность мотивации. Исключение в этом смысле составляют лишь экспериментальные ситуации, когда можно отметить случаи намеренного и целенаправленного объяснения информантом значения слова путем раскрытия его внутренней формы, и некоторые «языковые» ситуации такого же типа. Сюда же можно отнести и случаи обратной мотивации, которые указывают на осознанность информантом направленности актуализации мотивационных отношений слов.

Однако, анализируя языковой материал, реальное направление мотивации можно без труда восстановить, и это сделать необходимо. Следовательно, под взаимной мотивацией нужно понимать лишь такие случаи актуализации мотивационных отношений слов, когда невозможно однозначно определить мотиватор (мотивирующую единицу) и мотивему (мотивируемую единицу). Этому требованию отвечают некоторые случаи лексической мотивации (в нарымском говоре зафиксировано около 200 случаев взаимной лексической мотивации). Каждый мотиват в этих контекстах одновременно является и мотиватором и мотивемой.

Такому определению полностью соответствуют также случаи структурной мотивации (около 800), которая по своей сущности предполагает невозможность постановки вопроса о направлении мотивации.

Количество одноструктурных взаимных мотиватов в одном контексте может быть различным: *Ослепи* и *оглуши* моего мужа (Городище). *Зимова́ть*—зиму жить, *летова́ть*—лето, *веснова́ть* — весна, *осенова́ть* — это осень. Ну а *годова́ть* — год жить (Городище): Здесь пихта́, ель, кедра́, *осиннику, топо́льнику, ельнику* много. Ветла, тали́на, осина, *ело́вник, кедро́вник* (Новосельцево). Особый интерес представляет последний контекст, в котором присутствуют так называемые «ближние» и «дальние» структурные мотиваты: ОСИННИК—ЕЛЬНИК—ТОПОЛЬНИК—с одной стороны, ЕЛОВНИК—КЕДРОВНИК—с другой. Внутри каждой группы — отношения «ближних» мотиватов. Любой мотиват из первой группы по отношению к любому мотивату из второй будет являться «дальним» мотиватом.

Выделение мотиватора и мотивемы при взаимной мотивации в принципе возможно, но оно носит условный характер и производится только в лексикографических целях. Примером тому могут послужить образцы некоторых словарных статей «Мотивационного диалектного словаря» (статьи даются с купюрами):

АРЖАНИЩЕ, а, ср. Поле, с которого убрана рожь (...). СМ[5]: **овсяни́ще**(...) — название поля, с которого убран овес(...).

ОВСЯНИЩЕ, а, ср. Поле, с которого убран овес (...). СМ: **аржани́ще** (...) — название поля, с которого убрана рожь (...)[6]. Оба слова в одном случае выступают (вернее фиксируются) в качестве мотиваторов, в другом—в качестве мотивем.

Для взаимной лексической мотивации типичными являются чисто языковые ситуации, когда записывается непринужденная речь, развернутое во времени высказывание: В город же неохота *ехать*. Из деревни в деревню *переехал*—не в город же *переехал*. А вот возьмут и *уедут*. Вот *приехала* и сказала, что я не̇ *поеду* больше сюда. Летом дак там и Маринка радёшенька: баба не *приедет*. А мы *приедем* на лето к тебе (Парабель). В подобных контекстах очень часто помимо взаимной мотивации фиксируется и направленная, в результате чего каждый из взаимных мотиватов оказывается мотивируем общим для всех мотиватором. В данном примере взаимные мотиваты ПЕРЕЕХАТЬ, ПОЕХАТЬ, ПРИЕХАТЬ имеют общий лексический мотиватор ЕХАТЬ.

Для случаев структурной мотивации развернутые во времени высказывания типичными не являются.— У нас *брусника* и *черника* есть (Новосельцево). Это выше, *верхний* покана́к, а есть еще *нижний* (Городище).

Случаи структурной мотивации (в отличие от лексической взаимной) характеризуются меньшим расстоянием между мотиватами в речи. Это, по-видимому, объясняется меньшей прочностью структурных связей, определяющих структурную мотивацию, по сравнению со связями взаимной лексической мотивации (посредством однокорневой соотнесенности).

Как показывает исследованный материал, взаимная мотивация определяет обычно такую речевую ситуацию, когда те-

---

[5] Структурный мотиватор.

[6] Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)/ Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982, т. 1.

матическая, эмоционально-экспрессивная направленность высказывания предельно сужена, сконцентрирована в некий смысловой, информативный или экспрессивный «пучок». При этом именно мотиваты способствуют максимальной степени реализации цели высказывания, являясь как бы его опорными элементами.

2. При взаимной мотивации происходит аттракция одинаковых в плане их частеречной принадлежности слов.

а. Чаще всего в качестве взаимных мотиватов выступают глаголы. Это вызвано, видимо, тем, что однокорневые, но разноаффиксальные (чаще разнопрефиксальные) глаголы выражают различную направленность действия во времени и пространстве. Семантика направленности обычно заложена в префиксе. Это подтверждается широкой сочетаемостью с разнообразными префиксами большинства глагольных основ, при этом каждый раз меняется лексическое значение (за исключением видовых корреляций): Ну *сходи,* раз мать зовёт, ну *сходи*, чё. Ну, я *прихожу*—они обедают... (Нарым). Кости все обрезаешь, *убираешь* кости-то, там ме́лки-то не *убираешь,* а это, больши́-то только кости *выбираешь* (Нарым). Да́веча воду *открыли* ненадолго и опе́ть *прикрыли* чё-то (Нарым).

б. Взаимно лексически мотивировать друг друга в контексте могут имена существительные: *Наплавкй, напла́вья.* Он всплывёт... Напла́вил к режо́вкам (Городище). Мы *рыбаками* работали, на *рыбзаводе* были (Нарым).

в. В нарымском говоре зафиксировано очень мало случаев взаимной лексической мотивации имен прилагательных: Это у нас лодки *рыбацкие* были. Специальные. *Рыбачьи* лодки, так и называли (Нарым).

Число случаев взаимной мотивации велико в контекстах, отражающих живую, непринужденную речь во всем ее объеме. До недавнего времени взаимная мотивация почти не фиксировалась, что было связано со способом записи речи диалектоносителей «от руки». При этом терялось около 30% материала. Звукозаписывающая аппаратура позволяет фиксировать речь в полном объеме. Кроме того, до тех пор, пока диалектоноситель отвечает на вопросник исследователя, «живой» речи как таковой нет. Приближается к ней монологическая речь—развернутый ответ на вопрос. Идеальным образцом живой диалектной речи может служить диалог и шире—полилог диалектоносителей.

Структурная мотивация, также являющаяся, как уже отмечалось, взаимной, предполагает аттракцию слов любой

лексико-грамматической соотнесенности. При этом чаще других в отношения структурной мотивации вступают имена существительные, реже—имена прилагательные, глаголы, наречия.

Особым проявлением взаимной мотивации можно считать случаи лексической мотивации, когда ее направленность поразному определяется разными информантами и даже одним информантом в разных ситуациях: *Цветёт* куст—это *цветы* появляются (Нарым). В этом контексте мотиватор ЦВЕТ, мотивема ЦВЕСТИ. У нас всегда *цветов* много. Какие *цветы?* А всякие. А вот они *цветут,* потому и *цветы* (Нарым). Данный контекст позволяет считать мотиватором ЦВЕСТИ, а мотивемой—ЦВЕТ. Такой же особенностью отличаются аттракции слов РАБОТА—РАБОТАТЬ, БАТРАК—БАТРАЧИТЬ и др. Проблема взаимности мотивации этих лексем возникает при обобщении материалов исследования и при лексикографической обработке этих материалов.

3. В рамках взаимной мотивации может осуществляться актуализация различных видов системных отношений в лексике.

а. Мотиваты могут находиться в антонимических отношениях. При лексической мотивации реализуются отношения однокорневых антонимов, при структурной—одноструктурных: Пароходы *придут,* от он до Каргаска́ ли до Алекса́ндрова туды́ *уйдут* (Нарым). Закуба́рливают *сверху* рогожей, а *снизу* кожей коро̀бья. В этих и ва́живали рыбу (Городище).

Лексические взаимные мотиваты-антонимы бывают обычно глаголами или отглагольными существительными (полярность однокорневых слов обеспечивается наличием префиксов, обозначающих противоположную направленность действия). При этом происходит актуализация векторной антонимии.

Структурные мотиваты-антонимы могут быть словами любой части речи, но чаще всего это имена прилагательные и наречия, отражающие как векторную, так и качественную антонимию.

Особый тип мотивации зафиксирован в следующем контексте: Здесь ешо один кержа́к есть. Двое мы тут, *поуе́хал* кто отсе́дова. Много ведь тут всего. К Парабе́ли всё новое за это время, народ *по̀наехал* (Луговская). Общность корня -ЕХ- и наличие противоположных по значению префиксов У- и НА- в глаголах ПОНАЕХАТЬ—ПОУЕХАТЬ позволяют говорить об актуализации взаимной лексической мотивации слов-антонимов. С другой стороны, данные слова обладают

частичной общностью структуры, обусловленной наличием у обоих префикса ПО- с одинаковой семантикой, что является признаком структурной мотивации. Таким образом, в некоторых контекстах ряд глаголов-антонимов может одновременно вступать в отношения лексической и структурной мотивации.

Большое количество случаев мотивации представляет собой реализацию отношений «квазиантонимии»: Я знаю, у нас отец *увезёт* эту рыбу, *привезёт* оттýдова товара, муки *навезёт* оттýдова (Парабель). В данном контексте УВЕЗТИ—ПРИВЕЗТИ—«истинные» антонимы, УВЕЗТИ—НАВЕЗТИ—«квазиантонимы».

При лексической мотивации антонимия обеспечивается только значением префиксов, имеющих противоположное значение. При структурной мотивации антонимичны значения корневых морфем, а аффиксы оформляют единство структуры мотиватов.

б. Мотивационные отношения могут «связывать» в одном контексте синонимы. При этом нужно учитывать, что синонимические отношения слов в диалекте качественно и количественно отличаются от синонимических отношений слов в литературном языке. Синонимия может быть результатом наличия однокорневых слов одинаковой лексико-грамматической принадлежности синонимичных префиксов: Мама, говорит, выходила за тятеньку, а меня за чужого мужика *выдают. Отдавали* на Пашню взáмуж мамашину сестру, она им говорит: мáмынька-то вышла за тятенку, а меня-то за собаку *отдают* (Парабель). В данном контексте зафиксирована лексическая мотивация синонимов. Но, как уже отмечалось выше, однокорневые (словообразовательные) синонимы в иной интерпретации рассматриваются как лексико-морфологические варианты.

Чисто синонимические отношения реализуются в процессе структурной мотивации: А у нас отец так: возьмёт, мáксу *выберет* из налима через жабры, *вытащит* мáксу (Нарым). А от подгребёшь сюды угли, от она и называлась *загнéтка.* А можно — *заслонка* в печке (Парабель).

Чаще всего в нарымском говоре актуализируются синонимические отношения структурно мотивированных имен существительных, глаголов, имен прилагательных.

в. Нехарактерным для диалектной речи является использование паронимов и омонимов в одном контексте. Некоторые исследователи включают в паронимическую систему любые однокорневые слова. Однако более приемлемым следует,

видимо, считать следующий подход: «Паронимы соотносятся между собой по смыслу только потому, что они соотносимы в словообразовательном плане»[7]. В нарымском говоре не зафиксировано мотивации однокорневых слов, имеющих достаточно сходную словообразовательную структуру, но полностью различающихся семантикой, слов типа ДИНАМИЧНЫЙ — ДИНАМИЧЕСКИЙ, ГУМАННЫЙ — ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ, НЕВЕЖА—НЕВЕЖДА. Конечно, слова такого типа могут встретиться в одном контексте, но при этом не осознается их лексическая или структурная соотносительность, а на основе этого—и рациональность связи значения и звуковой оболочки слова, что считается необходимым условием актуализации мотивационных отношений[8].

Взаимная мотивация слов в речи, изучаемая с лексикологических позиций, позволяет определить ряд причин и характерных особенностей многих видов реализации системных отношений лексических единиц. Это явление интересно и само по себе: оно во многом раскрывает механизм актуализации мотивационных отношений слов в речи. Предстоит еще определить причины, вызывающие взаимную мотивацию, некоторые особенности ее реализации в речи, ее функциональную значимость. Особый интерес представляет проблема соотношения взаимной мотивации и сочетаемости лексем. Внимание исследователей может привлечь и вопрос о типах смысловых отношений мотиватов при взаимной лексической мотивации.

---

[7] Бельчиков Ю. А. Паронимы. — Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 198.

[8] Блинова О. И. Термин и его мотивированность. — Терминология и культура речи. М., 1981, с. 30.

О. П. СОЛОГУБ

НОМИНАЦИЯ И ОБЪЕКТИВНЫЕ СВОЙСТВА РЕАЛИЙ

(на материале сибирских народных названий рыб и птиц)

В ряде лингвистических работ широко используется тезис о влиянии свойств, присущих предметам и явлениям, на возникновение названий[1]. Так, Т. А. Боброва пишет: «Название —и это принципиально важно—обусловлено не только внутренними, имманентными законами языка, но также экстралингвистическими факторами, а именно: объективной действительностью, свойствами и отношениями, присущими нарицаемым предметам... Игнорировать влияние объективного мира на процесс и результат номинации совершенно неправильно»[2]. Однако этот тезис в большинстве работ только заявляется, но не показывается характер зависимости процесса номинации от объективных свойств реалий, не учитывается сложность объективного фактора, особенности его взаимодействия с другими факторами.

Задача данной работы—путем сопоставительного анализа разных тематических групп (рыб и птиц)[3] и подгрупп одной

---

[1] См., напр.: Боброва Т. А. О природе названия и принципах номинации. — Русский язык в школе, 1974, № 4; Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977; Рукина Э. П. Структурно-семантические особенности наименований австралийской орнитофауны: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1976 и др.

[2] Боброва Т. А. Указ. соч., с. 74.

[3] Источником материала для исследования послужили следующие работы: Мензбир М. Н. Птицы России. М., 1885, т. 1—2; Лидберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972; Богданов В. Н. Талицкий словарь. Барнаул, 1981; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981, т. 1—4; Иркутский областной словарь. Иркутск, 1973—1979, вып. 1—3; Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья. Томск, 1982; Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968; Словарь русских народных говоров/Под ред. Ф. П. Филина. Л., 1965—

тематической группы (птицы певчие, хищные и промысловые)[4] проследить характер обусловленности принципов номинации объективными свойствами называемых реалий и выявить особенности взаимодействия объективного фактора с другими, в частности, субъективным и прагматическим[5]. Особенно сложен вопрос о соотношении субъективного и объективного в номинации. Решение его связано с теорией отражения, с гносеологической деятельностью. Языковые знаки являются носителями идеальных образов, главным средством их формирования, выражения и развития. А сам образ есть результат тесного взаимодействия объективного и субъективного. «Исходя из определенных задач, целей, потребностей... субъект как бы движется по объекту; в системе действия он тем самым захватывает определенные стороны объективного мира»[6]. Далее происходит «своеобразный процесс захвата субъектом информации об объекте деятельности, превращение материального в идеальный образ, отражающий объект действительности»[7]. Языковой знак передает этот идеальный образ материальными средствами путем воплощения в названии мотивировочного признака, который представлен объективно, но выбор которого носит субъективный характер, так как данный процесс во многом зависит от целевой установки называющего, его состояния, настроения и т. д. Когда в дальнейшем мы будем говорить о детерминированности принципов номинации объективными свойствами реалий, подчеркивание объективной стороны не будет означать игнорирования субъективного: эти факторы находятся в сложном диалектическом взаимодействии.

1983, вып. 1—19; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967, т. 1—3; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение). Томск, 1975, ч. 1—2; Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

[4] Зависимость принципов номинации от объективных свойств реалии прослеживается не только на уровне класс—класс, но и на уровне подклассов одного класса, что, на наш взгляд, гораздо убедительнее.

[5] Под прагматическим фактором мы понимаем такой фактор, который связан с использованием объекта в практической деятельности человека. Он включает в себя объективный и субъективный моменты: субъект определяет степень полезности тех или иных свойств объекта, но эти свойства объективно представлены, существуют вне зависимости от сознания человека.

[6] Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. София, 1981, т. 1, с. 170.

[7] Там же.

Влияние объективного фактора во многом способствовало выделению самих принципов номинации анализируемых тематических групп и подгрупп: окраска, особенности строения организма и его покрова, место обитания, особенности образа жизни и поведения, голос. Например, признак «окраска», хорошо представленный у большинства реалий, является удобным для их различения, и поэтому он широко используется в названиях в качестве мотивировочного. Окраска птиц в сравнении с рыбами является более доступной для наблюдения человеком, чаще бросается в глаза, что обусловлено образом жизни пернатых. Отсюда, может быть, орнитонимов (названий птиц) по цвету несколько больше, чем ихтионимов (названий рыб). Среди орнитонимов наибольшее место по признаку окраски занимают названия промысловых птиц: *рябчик* (повс.), *черныш* 'кулик' (повс.), *буряк* 'гусь серый или дикий' (тобол.), *сизарь* 'чернеть хохлатая' (новосиб.), *рябушка* 'тетерев' (томск., новосиб.), *пеструха* 'глухарь' (томск., иркут.), *синьга* (на Оби). Данный признак важен и в практических целях: во время охоты человек узнает промысловых по их внешнему виду и по окраске. Менее актуальна для субъекта окраска певчих (*синька* 'жаворонок рогатый полярный, рюм' (на Оби), *черный дрозд* (повс.)) и хищных птиц, у последних к тому же она не отличается большим разнообразием (*белый тетеревятник* 'ястреб-тетеревятник' (сиб.)). Но наиболее глубокие различия, обусловленные объективным фактором, обнаруживаются в качественной характеристике рыб и птиц по окраске. Цвета, обозначенные в названиях птиц, многообразнее, чем в названиях рыб: красный—*красный турпан*[8] 'утка красная' (вост.-сиб.); синий, голубой—*лазоревка* (повс.), *голубая чернеть* 'нырок красноголовый' (зап.-сиб., тобол.), *синеворонка* 'сизоворонка' (повс.), *синий воробей* 'снегирь' (томск.); черный—*черный турпан* (сиб.), *чернеть* 'чернеть хохлатая' (томск.), *черный зуек* 'щеголь' (сиб.); пестрый—*мырок пестрый* 'нырок' (тобол.), *пестрый дятел* 'большой пестрый дятел' (повс.); рябой—*рябуха* 'куропатка серая' (новосиб.), *рябчик (повс.);* белый—*белый тетерев* 'куропатка белая' (сиб.), *гусь белый* (повс.), *белая синичка* 'трясогузка белая' (тобол.); серый, бурый, сизый—*серый гусь* 'гусь серый или дикий' (повс.), *пеганка* (повс.), *пегая галка* (сиб.), *сизарь* 'чернеть хохлатая' (новосиб.), *сивоворонка* 'сизоворонка' (повс.); зеленый—*зеленый дятел* 'дятел се-

---

[8] Вопросы отождествления требуют особого рассмотрения.

доголовый' (повс.), *зеленушка* 'синица большая' (тобол.). Окраска рыб отражается в названиях менее разнообразно: черный—*чернянка* 'черный хариус' (забайк.), *черный хаируз* 'байкальский черный хариус' (оз. Байкал); белый—*белая широколобка* 'белая шершавая широколобка' (оз. Байкал), *беляк* 'байкальский белый хариус' (оз. Байкал), *беляк* 'восточносибирский сиг' (р. Лена), *белый хаируз* 'байкальский белый хариус' (оз. Байкал); синий—*синявка* 'нельма' (р. Енисей), 'гольян' (сиб.), *синяк* 'сибирский хариус' (томск.), *синий жингарь* 'каменная широколобка' (оз. Байкал, р. Ангара); красный—*красная широколобка* 'большая красная широколобка' (оз. Байкал); зеленый—*зеленая широколобка* 'зеленая большеголовая широколобка' (оз. Байкал); пестрый—*пеструха* (р. Лена), *солдат* (сиб.), *гренадерчик* (Телецкое оз.) 'гольян' (два последних названия даны за яркую пеструю окраску). Цветовые оттенки в названиях рыб не представлены совсем.

Мы отметили также некоторые различия и при обозначении окраски отдельных частей тела рыб и птиц, а также и в самом вычленении частей тела. У птиц более «оформлены» части тела, они могут отличаться своей окрашенностью и служить объектом наименования: *красноголовка* 'утка' (иркут.), *краснобаш* 'нырок красноносый' (новосиб.), *черноголовка, черношляпка* 'славка черноголовая' (повс.), *белоглазка* 'утка' (сиб.), *савка синеносая* 'савка' (сиб.), *краснозобка* 'снегирь' (тобол.), *красношейка* 'соловей' (р. Енисей), *краснобрюшка* 'сивка глупая, хрустан' (сиб.)' *белохвостик* 'ястреб' (новосиб.), *горихвостка* (повс.). У рыб подобных названий меньше, что объясняется объективными причинами: не так четко «оформлены» отдельные части тела, они реже выделяются по своей окраске и служат тем самым отличительным признаком: *белоглазый елец* 'елец' (томск.), *красноглазка* 'сибирская плотва' (оз. Байкал, р. Лена), *черногривка, желтогривка* (в период нереста плавники желтеют) 'желтокрылка' (оз. Байкал), *красноперка* ,сибирская плотва' (р. Енисей, оз. Байкал), *желтокрылый бычок* 'желтокрылка' (оз. Байкал).

Признак «особенности строения организма» является более актуальным при номинации рыб, чем птиц. При этом большое влияние на название рыб по данному признаку оказывает наряду с объективным прагматический фактор—определяется размер рыбы как показатель ее ценности: *большой жингарь* 'большеголовая широколобка' (оз. Байкал), *малявка*

'гольян' (рр. Енисей, Иркут.), *малец* 'осетр' (забайк.), *сырочница, чебачница* 'щука' (размером с сырка, чебака) (томск.); во время промысла обращается внимание на форму тела рыб: *валек* (рр. Лена, Колыма, Анадырь), *круглая рыба* 'валек' (р. Енисей); отмечаются также характерные признаки в строении отдельных частей тела: *широколобка* 'каменная широколобка' (оз. Байкал, р. Ангара), *зубатка* 'азиатская корюшка' (р. Енисей), *усатик* 'томский голец' (р. Томь), *горбуша* (р. Анадырь), *горбун* 'восточносибирский сиг' (р. Анадырь), *рогатка* 'ледовитоморская рогатка' (сиб.), *игла-рыба* 'трехиглая колюшка' (р. Анадырь), *шип* 'сибирский осетр' (р. Иртыш), 'восточносибирский осетр' (р. Енисей), *широколобка с ногами* 'зеленая большеголовая широколобка' (оз. Байкал), *длиннохвостая широколобка* 'песчаная широколобка' (оз. Байкал, р. Ангара). Прагматический фактор воздействует также на номинацию промысловых птиц: человек охотится на них, употребляет их в пищу, поэтому он имеет возможность подробнее изучить особенности строения и оперения тела промысловых и создать на основе этих признаков соответствующие названия: *большой крохаль, средний крохаль* 'крохаль длинноносый' (повс.), *большой зуй* 'улит большой' (тобол.), *лопатень* 'широконоска' (тобол.), *востроносок* 'кряква' (томск.), *короткошей* 'гусь' (якут.). Названия хищных и певчих птиц по особенностям строения организма не встречаются в сибирских говорах, хотя объективно этот признак представлен. В данном случае, по-видимому, сказывается действие субъективного фактора: указанное свойство не является удобным различительным признаком при создании народной классификации птиц, поэтому редко используется в диалектах в качестве мотивировочного. Иногда определенную форму тела и его частей создают особенности покрова, которые отражаются более широко в названиях птиц: *чернеть косак* 'чернеть хохлатая' (сиб.), *хохлуша* 'утка' (новосиб.), *гагара рогатая* 'поганка рогатая' (тобол.), *лыска* 'лысуха' (тобол.), *вострохвостка* 'шилохвость' (томск., тобол., новосиб., тюмен.), *шилохвостка* 'шилохвость' (томск., новосиб.). В этом видится значительное влияние объективного фактора — оперение птиц разнообразно. Рыбы же мало различаются особенностями покрова тела, в названиях указывается лишь на отсутствие чешуи: *голец* (повс.), *гольян* (повс.).

Таким образом, при отражении в названиях внешнего вида различных групп птиц и рыб объективный фактор играет большую роль. Объективные признаки могут быть по-разно-

му представлены в реалиях, вследствие чего существуют некоторые различия в способе выражения признаков, хотя и наблюдается общая направленность в характере обозначения рыб и птиц по внешнему виду.

Большая группа названий характеризует рыб и птиц по их образу жизни. Прежде всего сюда относятся наименования по такому признаку, как «местообитание», в котором мы выделяем названия по ареалу (географическому району) и биотопу (характеру среды обитания). Ареал отмечен преимущественно в названиях рыб, что также имеет объективные основания. Рыбы более привязаны к определенной географической местности, водоему, и это свойство отражается в соответствующих названиях: *ангарский бычок* 'северобайкальская желтокрылка' (оз. Байкал), *телецкая сельдь* 'телецкий сиг' (Телецкое оз.), *обская сельдь* 'сибирская ряпушка' (рр. Обь, Иртыш), *обской сиг* 'пыжьян' (р. Обь). Птицы же ведут более «вольный» образ жизни, свободно перемещаются из одного ареала в другой, поэтому данный объективный признак не используется при номинации птиц. Биотоп шире выражается в орнитонимах, так как характер местообитания птиц, естественно, богаче и разнообразнее: лес — *лесная курица* 'тетерев' (тобол.), *лесной петушок* 'удод' (повс.), *боровок* 'тетерев' (р. Енисей, забайк.), *дубровный кулик* 'кроншнеп' (томск.), *кедровик* 'рябчик' (сиб.), *ольховка* 'куропатка' (забайк.); поле, луг. — *полевская утка* 'утка' (новосиб.), *полевой тетерев* (томск.), *польский кулик* 'кроншнеп большой' (тобол.), *гусь польской* 'гусь серый или дикий' (тобол., новосиб.), *луговая ласточка* 'тиркушка луговая' (ю.-зап. Сиб.); степь — *степные куры* 'дрофа' (иркут.), *степной рябчик* 'куропатка серая' (сиб.), *степная ласточка, степной стриж* 'тиркушка луговая' (сиб.); река, прибрежные заросли — *водяной воробей* 'оляпка' (повс.), *береговая ласточка* (повс.), *таловка* 'пеночка-таловка' (р. Лена); болото, болотная растительность—*болотный ястреб* 'лунь камышовый болотный' (тобол.), *болотная курочка* 'погоныш' (повс.), *болотнянка* 'кулик' (сиб.), *моховик* 'тетерев' (сиб.), *камышница* 'камышовка дроздовидная' (тобол.), *камышовка* 'лунь камышовый, болотный' (тобол.); море — *морская гагара* 'гагара полярная белоклювая' (якут.), *морской урил* 'баклан' (сиб.), *морской петушок* 'турухтан' (сиб.), *морская чернеть* 'синьга' (сиб.), *морской крохаль* 'крохаль длинноносый' (повс.), *морская казара* 'казарка белощекая' (р. Обь); горы — *каменный селезень* 'утка' (томск.), *каменный глухарь*

(сиб.), *каменный ворон* 'галка' (иркут.), *каменный стриж* 'стриж черный' (сиб.), *каменичник* 'каменушка' (якут.). Особенно многочисленны названия по биотопу промысловых птиц: наряду с объективным фактором определенное воздействие здесь оказывает и фактор прагматический. Местообитание певчих и хищных птиц не является особо актуальным для человека, и количество названий по этому признаку невелико. Не отличается большим разнообразием и местообитание рыб, ихтионимы отражают лишь характер водоемов: *речной хаируз* 'байкальский черный хариус' (оз. Байкал), *речной конек* 'валек' (рр. Колыма, Анадырь), *озерный гольян* (сиб.), *бережник* 'байкальский черный хариус' (оз. Байкал), *береговой омуль* (оз. Байкал), *каменная широколобка* (оз. Байкал, р. Ангара), *каменная рыба* 'восточносибирский хариус' (вост.-сиб., р. Колыма), *каменна мальма* 'мальма' (р. Анадырь), *пескарь* 'сибирский пескарь' (сиб.), *песчаная широколобка* (оз. Байкал, р. Ангара), *травянка* 'щука' (томск., забайк., краснояр.), *морская сельдь* 'сибирская ряпушка' (р. Обь).

Признак «образ жизни и поведение» характерен прежде всего для птиц, так как особенности образа жизни пернатых более доступны для человеческого наблюдения. В названиях отмечаются такие черты, как доверчивое отношение к человеку, обитание вблизи человека: *гуменник* 'гусь' (якут.), *попутчик* 'обыкновенная каменка' (повс.), *подорожник* 'подорожник снежный, пуночка' (повс.); особенности полета, передвижения — *качка* 'утка серая' (тобол., краснояр.), *стрепет* (повс.), *трясучка* 'пустельга' (повс.); способ и место гнездования — *земляник* 'береговая ласточка' (сиб.), *норка* 'береговая ласточка' (томск.); способ и объект питания — *дрозд-рябинник* (повс.), *кедровка* (повс.), *мясник* 'синица' (тобол., томск.), *овсянка* 'овсянка обыкновенная' (повс.), *утка-рыбачка* 'луток' (повс.,) *мышеловка* 'лунь степной', 'лунь полевой' (тобол.), *коноплянка* (повс.), *снопырь* 'синица' (томск.), *клевка* 'кедровка' (томск.), *долбила* 'дятел' (сиб.); степень активности птиц — *мартышка* 'крачка-мартышка' (повс.), 'чайка обыкновенная (озерная)' (томск.), *лежень* 'козодой' (тобол.); особенности токования — *токарь* 'тетерев' (томск.), *глушень* 'глухарь' (тобол.); «дикий» образ жизни — *дикушка* 'тетерев' (сиб.), *дичок* 'кряква' (новосиб.), *дикий гусь* 'гусь серый или дикий' (повс.), *дикий голубь* 'клинтух' (повс.); время появления — *ледоломка* 'синица' (новосиб.), *снежурка* 'снегирь' (томск.) и др. Осо-

бенно выделяются по своему образу жизни и поведению промысловые птицы. Хотя они ведут скрытный образ жизни, но человек во время промысла специально наблюдает за ними, отмечая отличительные черты в их поведении. Хищные птицы в основном характеризуются по признаку «способ и объект питания». Этот признак послужил основой для их вычленения в особую группу. Особенности образа жизни и поведения певчих птиц также объективно представлены, однако они не являются актуальными для человека при создании основы наименования. Ихтионимов по образу жизни и поведению гораздо меньше, чем названий птиц, так как наблюдение за жизнью рыб затруднено для человека. В основу соответствующих названий кладутся, естественно, иные черты: обитание в глубоких водах — *глубинная широколобка* 'желтокрылая глубинная широколобка' (оз. Байкал); подвижность рыбы — *вьюн* (повс.); особенности и объект питания — *пескозоб* 'сибирский пескарь' (р. Иртыш, Обь, забайк.), *мошкалов* 'пелядь' (сиб.), *овсянка* 'елец' (р. Томь).

Таким образом, признак «образ жизни, поведение» объективно представлен в обеих тематических группах, но отражается он в сибирских говорах по-разному: особенности образа жизни и поведения неодинаково доступны для наблюдения, неодинаково актуальны для называющего субъекта.

Принцип номинации «голос» характерен для птиц как наиболее голосистых представителей фауны, а названия рыб с данным признаком очень немногочисленны. (Мы встретили лишь два названия: *пищуга* 'сибирская щиповка' (р. Енисей), *пискун* 'вьюн' (сиб.). Голос этих рыб звучит очень слабо, но настолько выделяется среди всеобщего безмолвия рыб, что послужил одним из признаков для наименования). Среди орнитонимов по голосу наибольшее место занимают в сибирских народных говорах названия промысловых птиц. Этот признак важен еще и в практических целях: человек по голосу узнает промысловых на охоте. Здесь мы отмечаем звукоописательные названия, характеризующие разнообразные качества голоса птиц: свист — *свистун* 'чирок-свистунок' (томск.), 'рябчик' (алт.), *свиструха* 'утка' (забайк.); квохтанье, клоктанье — *квахтунок* 'утка серая' (иркут.), *кряхтун* 'вальдшнеп' (тобол.), *крохаль* 'крохаль большой' (повс.), *клокот* 'гусь' (р. Енисей), *клокуша* 'утка' (сиб.); треск, хрип — *трескун* 'чирок-трескунок' (томск.), *хрипучка* 'чирок-свистунок' (сиб.); громкий крик — *крикушка* 'утка' (новосиб.), *дудак* 'дрофа' (краснояр.); отсутствие голоса — *не-*

мок 'казарка черная' (р. Лена). Звукоподражательные названия стремятся более или менее точно передать голос птицы—*тетерев* (повс.), *аклей* 'малая чернеть' (сиб.), *авдотка* (сиб.), *чугайка* 'казарка белолобая' (сиб.), *кряка* 'утка' (сиб.), *чаквой* 'казарка белощекая' (р. Обь), *ангич* 'морянка' (иркут.). Менее распространены в сибирских говорах названия певчих птиц по голосу, хотя этот признак является для них наиболее отличительным, благодаря ему певчие объединяются в отдельную группу. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что, во-первых, многие виды певчих не обитают в Сибири и, во-вторых, данное свойство не столь важно в человеческой практике. Зафиксированы следующие названия певчих птиц: звукоописательные—*дикая кошка* 'иволга' (повс.), *трещотка* 'дрозд' (томск.); звукоподражательные — *юла* 'жаворонок лесной' (повс.), *чекан* 'чекан луговой' (повс.). Хищные птицы обладают резким, неприятным голосом, который к тому же неактуален для человека. Поэтому названия хищных по голосу не представлены в сибирских говорах.

Итак, на примере анализа разных тематических групп, подгрупп одной тематической группы установлено, что объективный фактор оказывает определенное воздействие на существование и функционирование принципов номинации в языке. Во многом колебания принципов номинации обусловлены действием объективного фактора. Однако преувеличивать его роль не следует, так как он действует наряду с другими факторами (субъективным, прагматическим), которые также оказывают некоторое влияние на процесс номинации.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

алт. — алтайские говоры
вост.-сиб. — восточносибирские »
забайк. — забайкальские »
зап.-сиб. — западносибирские »
иркут. — иркутские »
краснояр. — красноярские »
новосиб. — новосибирские »
повс. — повсеместно
сиб. — сибирские говоры
тобол. — тобольские »
томск. — томские »
тюмен. — тюменские »
ю.-зап. Сиб. — юго-запад Сибири
якут. — якутские говоры

Т. А. ШИШКИНА

ЕДИНИЦЫ НОМИНАЦИИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ В ГОВОРАХ СИБИРИ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере тематической группы «названия растений» установить специфические особенности процесса номинации в русских говорах Сибири в сопоставлении с говорами европейской части страны и литературным языком.

В последние годы появилось большое количество исследований по номинации на материале различных тематических групп лексики природы: названий птиц, рыб, растений и т. п. Однако единая теория номинации окончательно не сформулирована и каждый исследователь использует собственную терминологию. Автор считает нужным уточнить используемые в работе термины.

Мотивировочным признаком (МП), вслед за И. С. Торопцевым, Н. Д. Голевым, О. И. Блиновой [1], в работе назван относительно конкретный признак, положенный в основу наименования, например, по цвету, по вкусу растения и др. МП может выражаться непосредственно (н) и опосредованно (о). В ряде работ МП назван как мотивирующий признак (М. М. Гинатулин и др.), мотив (М. М. Гинатулин), признак (И. П. Гришина и др.) [2].

---

[1] См.: Торопцев И. С. Лексическая мотивированность. — Учен. зап./ Орл. пед. ин-т, 1964, т. 22, с. 5—170; Голев Н. Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков. — В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7, с. 21—26; Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диал. лексика. Л., 1971, 1972, с. 92—104.

[2] См.: Гинатулин М. М. К проблеме номинации и мотивации слов. — Иностранный язык. Алма-Ата, 1970, вып. 5, с. 119; Он же. К исследованию мотивации и лексических единиц (на материале наименований птиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973, с. 12; Гришина И. П. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. — Учен. зап./Рязан. пед. ин-т. Рязань, 1959, т. 25, с. 187—254.

Часто единица номинации не называется, а указывается формулировкой «названо по...»

На более обобщенном уровне как единица номинации, включающая ряд МП, выделяется мотив номинации (Мт). Например, МП по имеющемуся предметному признаку и МП по отсутствию предметного признака объединяются в Мт по предметному признаку. Мт, как и МП, может быть выражен непосредственно и опосредованно. При непосредственно выраженном Мт возможно его совпадение с МП. Ср.: Мт по цвету=МП по цвету: белок 'растение с белой окраской лепестков цветка' и Мт по цвету, МП по животному, сходство с цветом которого имеет растение: *алис* — гриб рыжик. В работах эта единица называется типом (М. Н. Янценецкая), мотивемой (М. М. Гинатулин, Н. Д. Голев), аспектом (Н. Д. Голев)[3]. Однако большая часть авторов МП и Мт обозначают одним термином, что представляется неправомерным в связи с разной степенью обобщенности признака. Ср.: «Мотивировочные признаки»: несъедобность (Мт), слизистый характер шляпки (МП) (Е. А. Нефедова); «признаки»: функция (пр. номин.), размер (Мт) (Н. М. Шанский); «признаки»: по внешнему (грМт) виду — форме цветов, плодов и т. д. (п/грМт), по названию болезней (Мт, МП) (О. П. Беляева)[4].

Под принципом номинации, следуя за Блиновой О. И., Янценецкой М. Н., понимается «исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим...» (Блинова О. И.)[5]. В рабо-

---

[3] См.: Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования: Автореф дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1983; Гинатулин М. М. К исследованию мотивации и лексических единиц..., с. 11; Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации диалектной лексики флоры и фауны. — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 14; Он же. Система номинации конкретных предметов в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1974. 230 с.

[4] См.: Шанский Н. М. Лексикология русского языка. М., 1964, с. 32; Беляева О. П. О местных названиях травянистых растений, применяемых в народной медицине. — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка. Челябинск, 1967, вып. 2.

[5] См.: Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, с. 128; Блинова О. И. Указ. раб., с. 99.

тах Ракина А. И., Арьяновой В. Г. и др.[6] под принципом номинации обычно подразумевается менее абстрактная единица — Мт (ср. название по цвету, происхождению и т. д.). Учитывая понятие принципа как «основного, исходного положения», «основного начала», на котором базируется какая-либо теория, думается, что в данном случае термин «принцип номинации» выбран не совсем удачно.

В дальнейшем при классификации названий растений возникла необходимость в промежуточных единицах между Мт и МП, в единицах большего членения, чем Мт, в единицах меньшего членения, чем МП. Единицы большего членения условно назовем группой (грМП, Мт), единицы меньшего членения — подгруппой (п/грМП, Мт). Авторы имеющихся работ по номинации растений обычно ограничиваются перечислением «признаков», которые легли в основу наименования (И. П. Гришина, Р. Я. Тюрина), сопровождая его объяснением самого мотива наименования каждого растения (В. А. Флоровская)[7]. Классификация единиц номинации («принципов номинации») дана в работах А. И. Ракина на материале названий растений в языке коми и В. Г. Арьяновой на материале названий растений в среднеобских говорах. Этими исследователями система принципов номинации дается с учетом регулярности мотивов («принципов номинации») названия. Думается, что по ряду причин[8] более правомерна иерархическая структура классификации единиц номинации. Классификация, используемая в данной статье, создана на основе ономасиологического подхода (от содержания к форме) и, следовательно, при классификации названий использовалась схема: принцип номинации — Мт—МП.

Принципы номинации, как указывают в своих работах

---

[6] См.: Ракин А. И. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. Сыктывкар, 1977. 53 с.; Арьянова В. Г. О способах номинации растений в среднеобских говорах. — Материалы науч. конф. молодых ученых Томска: Секц. гуманит. наук. Томск, 1968, т. 2, с. 380—383.

[7] См.: Гришина И. П. Указ. раб., с. 187—254; Тюрина Р. Я. Некоторые принципы номинации природных объектов в говорах Среднего Приобья. — Труды Томск. ун-та. Сер. лингвист. Томск, 1973, т. 84, с. 71—77; Флоровская В. А. Лексика, обозначающая травы. Учен. зап./ Калинин. пед. ин-т. Ч. 1, 1969, с. 129—140; Лексика, обозначающая флору. — В кн.: Русская лексикология. Калинин, 1978, с. 136—147.

[8] См.: Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. — В кн.: Языковая номинация: Общ. вопр. М., 1977, с. 231, 243.

М. Н. Янценецкая и О. И. Блинова[9], специфичны для каждой тематической группы. Анализ фактического материала показал, что номинация растений осуществляется на основании трех ведущих принципов: характеризующего, функционального и относительного. В данной работе для анализа особенностей территориального распространения единиц номинации взято 2 принципа (характеризующий и функциональный), дающие разнообразную картину по русским говорам.

В целях удобства сравнения в функциональном принципе номинации взяты Мт: по действию, где растение является субъектом *(дрожница, зарастены, брякунец* и др.), по действию, где растение является объектом (*деряжка, дерганец, вальнище* и др.), по действию, где растение — средство (*дуб-трава, вшемор, волчий корень* и др.), по отсутствию действия (*заповедь, заказец, дикушка* и др.), по действию, для которого предназначено растение (*вязина, высадки, жегольник* и др.), по употребляемости в пищу (съедобности) (*борщенье, дикий чай*), по неупотребляемости в пищу (несъедобности) (*вороньи листы, волчажник, собачьи дудки*), по лекарственным свойствам (*грыжник, бажанна* и др.), выделяется грМт названия относительно употребления в магических обрядах[10], где можно указать Мт: по действию Р-субъекта[11], по лицу и др. В характеризующем принципе номинации для сравнения выделены две грМт: названия относительно предметного признака и формы растения и названия по характеризующему признаку. В группах взяты следующие мотивы: по имеющемуся предметному признаку (*жилинка, дупляк, кронное дерево* и др.), по форме растения или его части (*боченочек, граммофончики, дудняк* и др.), по цвету (*желтачок, голубец, бардоголовка* и др.), по запаху (*душки, вонявки, благоуст* и др.), по размеру *(вышнюк, долгун, нечуй-ветер*), по характеру поверхности (*бархатник, грановитка, мохнатые барашки*); по свойству ядовитости (*бешенцы, дурь-трава, белена* и др.), по вкусу *(горчуха, бережная*

---

[9] См.: Янценецкая М. Н. Указ. работы; Блинова О. И. Указ. раб., с. 100.

[10] Представляется целесообразным выделить мотивы наименований в группу, так как называния по магическим свойствам специфичны для тематической группы «растения».

[11] В этом случае (как и в Мт по лекарственным свойствам) наименование по действию, где растение—субъект, условно, т. е. по действию, в результате применения растения как «магического» средства.

осолодка, волчий перец и др.), по физическим свойствам (*жестель, дубец, ветошь* и др.), по способу, характеру растения (*вертуха* и др.), по оценке растения (*волчок, дурника, добрый гриб* и др.).

Различия в территориальном распространении единиц номинации уже отмечались исследователями. Так, об отсутствии хаотичности Мт в пределах тематических групп и различии номинации в говорах пишут: М. М. Гинатулин, В. Г. Арьянова, Я. В. Закревская, противопоставленность ряда языковых явлений на территории одной области отмечает Е. А. Нефедова, различия внутрисистемных отношений в микрогруппах — Е. А. Нефедова и др. Кроме того, в работах ряда авторов ставится вопрос о региональных различиях единиц номинации в пределах одной тематической группы (В. К. Павел) и обусловливается целесообразность ареального изучения лексики (Я. В. Закревская), отмечается перспективность ономасиологической типологии одной из тематических групп в говорах и выявление специфики ономасиологических моделей (Н. Д. Голев)[12].

Исходя из объема материала (2231 название)[13] представляется целесообразным для сравнения взять относительно крупные единицы диалектного членения: наречия и диалектные зоны (дз), а их границы определить с учетом диалектного членения К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой[14] на современном этапе развития языка, т. е. не разграничивая говоры первичного и вторичного образования, хотя при анализе и намечается некоторая специфика наименований на этих территориях. Видимо, специальные исследования в этом плане

---

[12] См.: Гинатулин М. М. К исследованию мотивации и лексических единиц, с. 23, 25; Арьянова В. Г. Указ. раб., с. 151; Закревская Я. В. Лингво-географический аспект в изучении отраслевой лексики. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1969. М., 1970, с. 158; Нефедова Е. А. Микологическая лексика архангельских говоров русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977, с. 25—26; Она же. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике. — В кн.: Лексико-грамматические исследования по русскому языку, 1977, с. 26, 27, 36; Павел В. К. Номинация и лингвистическая география. — В кн.: Лингвистическая география и проблемы истории языка. Ч. 1. Нальчик, 1981; Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации диалектной лексики флоры и фауны, с. 14—15.

[13] Материал взят из «Словаря русских народных говоров» (СРНГ)/ Под ред. Ф. П. Филина, т. 1—5.

[14] См.: Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. 166 с.

могут дать интересные результаты. В работе рассматривается распределение по принципам номинации, Мт, МП по наречиям (северное, южное, смешанные говоры) и по 4 дз (юго-западная, северная, южная, западная), привлекаются материалы по уральским и сибирским говорам [15].

При попытке статистического подсчета распределения единиц номинации по территории русских говоров, (табл. 1) возникает ряд трудностей. Во-первых, сопоставление данных СНРГ (губернии, области) и современных границ группировок говоров затруднительно вследствие несовпадения административного деления и диалектного членения на территории СССР. В качестве основной территории распространения единиц номинации брались области (губернии), полностью входящие в границы наречия (дз), при этом учитывалось наличие/отсутствие этих единиц номинации на территориях, входящих в наречие (дз) частично. Далее, возникают трудности, справедливо указанные Н. Д. Голевым [16]: отсутствие полной ясности в принципе отбора и отграничения материала, проблема вариантов наименований, учет распространения наименований и их происхождения и др. Наименования, послужившие нам материалом для анализа, были взяты методом сплошной выборки из СНРГ, не подвергались специальному отбору по какому-либо принципу, при этом учитывались все варианты наименований. Наименования, заимствованные из других языков, в исследуемый материал включались при условии полной освоенности заимствованного слова и закреплении в сознании носителя за определенными реалиями. Например, *башмак* — растение, цветок которого по форме напоминает вид обуви — башмак (в названиях растений чаще встречаются производные с заимствованной основой: *венерин башмачок*). Так как материал исследуется на синхронном уровне, этимологический анализ к определению Мт и МП не привлекался. При установлении Мт и МП берется во внимание современная форма слова: *барашек* — Мт по характеру поверхности, МП по животному, с которым ассоциирует поверхность растения. Исторически корень

---

[15] В работе приняты сокращения: наречия — сев., юж., смеш., диалектные зоны — ю-з, зап., сев., юж. дз.; так как в имеющихся работах нет данных по диалектному членению Сибири и Урала, то условно сибирские говоры (сиб.) будем считать одним наречием и одной дз, говоры Урала (урал.) — одной дз, предполагая, что они частично входят в сев., юж. наречия и смеш. говоры.

[16] См.: Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации диалектной лексики флоры и фауны, с. 16.

БАР/БАГН связан с признаком «пушистый», «кудрявый», «шерстистый». (В. А. Меркулова)[17]. Словосочетания и сложные слова, реализующие 2 и более единицы номинации, отмечались соответственно 2 и более раз. Нами составлена таблица, демонстрирующая распределение названий растений по наречиям и диалектным зонам[18].

При сравнении наименований разных территорий по принципам номинации (табл. 2) можно сделать вывод о повсеместном преобладании называния по признаку (характеризующего принципа номинации) — приблизительно от 10 до 17 названий. При этом выделяется ю—з дз, где преобладание наименований по характеризующему признаку сравнительно невелико (3,7%). При сравнении названий по признаку в уральских говорах отмечается резкое их преобладание (в 2,5 раза больше, чем названий по функции).

Таблица 1

Наречия	Кол-во назван.	% от общ. кол-ва	дз	Кол-во назван.	% от общ. кол-ва
Сев.	827	37,1	ю-з	347	15,6
Смеш.	521	23,4	зап.	487	21,8
Юж.	592	26,5	сев.	375	16,8
			юж.	537	24,1
Сиб.	291	13	сиб.	291	13
			урал.	204	9,1

При сравнении в наречиях Мт: по отсутствию действия на Р-объект, по действию, где Р—средство, по имеющемуся предметному признаку (н), по размеру, по физическим свойствам, по оценке — различия незначительны. При распределении остальных Мт по наречиям (табл. 3) можно отметить как характерную особенность тематической группы «растения» номинацию по действию, где растение является объектом, в 5—6 раз превышающую количество названий по действию, где Р — субъект. По всей территории большое мес-

[17] См.: Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. 259 с.

[18] В дальнейшем для сравнения количества наименований берется процентное отношение от количества наименований в одной (данной) дз или одном (данном) наречии. Следует оговорить относительную точность данных, так как взята сравнительно небольшая группа названий.

то занимают наименования по лекарственным свойствам (что свидетельствует о давнем применении растений в качестве лекарственных средств). В сев. дз можно отметить в 2 раза большее, чем в юж., количество названий Мт по действию, для которого предназначено растение, и в 2 раза меньшее количество названий Мт по съедобности/несъедобности (что, видимо, связано с употреблением большего количества видов растений в пищу на юге). При анализе наименований характеризующего принципа обращает на себя внимание повсеместное распространение большого количества наименований (в 1,5 раза) по характеризующему признаку по сравнению с названиями относительно предметного признака. Так же повсеместно наибольшее количество наименований Мт по цвету, запаху; в сев. дз выделяется Мт по способу растения, в смеш.— по способу, характеру растения, по вкусу, в юж.— по запаху, по вкусу, по свойству ядовитости названо приблизительно одинаковое количество растений (в 2 раза больше, чем в сев. Ср.: в 2 раза большее количество наименований Мт по съедобности/несъедобности).

Таблица 2

Единица диал. членения (наречия, дз)	% наимен. по функц. принц. номин.	% наимен. по характер. принц. номин.
Сев.	44,13	55,8
Смеш.	41,4	58,5
Юж.	42,6	57,4
Ю-З дз	48,1	51,8
Зап. »	44,6	55,4
Сев. »	45,1	54,9
Юж. »	41,9	58,1
Сиб.	36,4	63,6
Урал.	29,4	70,57

Анализ Мт по дз дал следующие результаты: наименования по отсутствию действия, по съедобности, по лекарственным свойствам, а также по подобию предмету, по сходству

с формой, по вкусу, по запаху, по размеру, по физическому свойству, по оценке имеют приблизительно одинаковое распространение повсеместно. (Распределение по дз остальных Мт отражено в табл. 4). При анализе можно отметить так же, как и при анализе распространения Мт по наречиям, в несколько раз большее количество наименований Мт по действию на Р-объект, чем по действию Р-субъекта, повсеместно. Также повсеместное и почти одинаковое распространение Мт по лекарственным свойствам, преобладание Мт по действию, для которого предназначено Р, на севере по сравнению с югом почти в 2 раза. Обращает внимание (видимо, как особенность для тематической группы «растения») наименования Мт по лекарственным свойствам, по съедобности/несъедобности как преобладающие в назывании относительно функции растения (функциональный принцип номинации); преобладание в характеризующем принципе номинации наименований по характеризующему признаку и Мт по цвету повсеместно. Как специфическую особенность можно отметить почти одинаковое количество наименований в юж. и ю—з дз по цвету и подобию предметного признака растения какому-либо предмету, в 5 раз большее количество наименований Мт по свойству ядовитости по сравнению с сев. дз, в 2—3 раза меньшее количество наименований по вкусу в сев. дз в отличие от остальных, в 2 с лишним раза большее количество названий Мт по характеру поверхности. В урал. и сиб. наречиях можно отметить гораздо больший процент наименований Мт по способу, характеру растения, чем в указанных дз. Интересен и тот факт, что по проценту наименований ряда Мт уральские говоры более близки к сев., чем к юж., а сиб. — к сев. (по лекарственным свойствам, по вкусу и др.), к юж. (по действию на Р-объект, по съедобности, по цвету), к смеш. (по предметному признаку (о)), в ряде случаев — к урал. говорам.

В Мт по лекарственным свойствам интересны данные статистического анализа по территориальному распространению грМП (табл. 5). В сев. дз преобладают наименования по болезни ($^1/_2$ общего количества), в юж. — наименования грМП по болезни (менее $^1/_3$ общего количества), по сравнению с сев. в 2—2,5 раза меньше.

При анализе данных территориального распространения п/грМП по цвету можно выделить следующие особенности (табл. 6): повсеместно широко распространена номинация по 2 Мт: по морфологической части растения + по цвету этой

Таблица 3

Единица диал. членения	Функциональный аспект номинаций, % наимен.							Характеризующий аспект номинации, % наимен.						
	по действ. Р-субъекта	по действ. на Р-объект	по действ., для которого предназн. раст.	по несъедобн.	по съедобн.	по лекарст. св-вам	Мотивы по отнош. к пред. признаку	Мт по характеризующ. призн.	Наимен. по пр. призн. (о)	Мт по цвету	Мт по запаху	Мт по вкусу	Мт по св-ву ядовит.	Мт по способу, характ. раст.
Сев.	1,09	7,67	10,4	15	2	47,3	41,34	58,6	9	32	5,6	3,5	1,1	5
Смеш.	2,31	11,5	7,63	13,4	6,7	35,4	38,6	61,3	11,4	24	10,8	6,2	2,3	7,9
Юж.	0,86	5,38	5,6	23,5	8,2	37,3	37,1	62,9	20,8	27	7,35	8	7,7	3,2
Сиб.	0,9	3,8	5,7	10,4	7	49	41,6	58,4	13,5	28,6	6	3,2	0,5	9,2

Таблица 4

Единица диал. членения	Функциональный аспект номинаций, % наимен.							Характеризующий аспект номинации, % наимен.							
	по действ. Р-субъекта	по действ. на Р-объект	по действ., для которого предназн. раст.	по несъедобн.	по съедобн.	по лекарст. св-вам	Мотивы по отнош. к пред. признаку	Мт по характеризующ. призн.	Наимен. по пр. признаку (о)	Мт по цвету	Мт по запаху	Мт по вкусу	Мт по хар-ру поверхн.	Мт по св-ву ядовит.	Мт по способу характ. раст.
Ю-З дз	2,4	7	6,2	21	6,6	38,6	41	58,9	20,6	22,8	5,6	7,2	—	8,3	3,3
Зап. »	2,3	10	7,4	14,3	6,2	38,6	43,7	56,2	15,2	21,9	7	8,9	5,2	4,1	2,6
Сев. »	0,5	10	8,3	16,6	8,3	47,9	33,5	66,5	6,8	33,5	7,3	2,9	10,2	1,5	4,5
Юж. »	0,4	5,8	4,4	24	6,2	39,1	38	62	20,7	26,7	7	7,7	1,9	7,7	3,2
Урал.	—	7	10	12,5	2,3	50,8	38,4	61,6	7,2	27,4	8,5	5,9	3,9	1,3	8,5
Сиб.	0,9	3,8	5,7	10,4	7	49	41,6	58,4	13,5	28,6	6	3,2		0,5	9,2

морфологической части. В юж. дз около 1/2 наименований названы по 2 Мт. В сев. выделяется п/грМП по цвету цветка и по цвету поверхности растения, в говорах средней полосы — п/грМП по цвету ягод, данные по сиб. близки к статистическим данным смешанных говоров. Кроме того, в южн.

Таблица 5

Единица диал. членения (наречия, дз)	МП по действ. растения (суб., объекта, ср-ва)	МП по лицу	МП по болезни
Сев.	23,1	28,3	48,6
Смеш.	23,5	30,7	45,8
Юж.	31	40,4	28,3
Ю-З дз	24,8	41,9	31
Зап. »	26,7	42,9	30,4
Сев. »	21	23,5	55,6
Юж. »	31,8	39,8	28,4
Уральск.	15,4	37	47,7
Сиб.	19,2	22,6	56,6

смеш. и сиб. наречиях большой набор п/грМП, тогда как в сев. почти все наименования по цвету вошли в 3 п/грМП и наименования по 2 МП.

Таблица 6

Единица диал. членения (наречия, дз)	п/грМП(1) по цвету цветка	п/грМП(1) по цвету ягоды	п/грМП(3) по цвету поверхности	МП по цвету + по выдел. морф. части	прочие п/грМП
Сев.	22,4	17	26,5	29,3	4,8
Смеш.	16	26	9	23	26
Юж.	16,9	3,6	13,3	44,6	21,6
Сиб.	5,7	20,8	7,5	39,6	26,4

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Существуют различия в территориальном распространении единиц номинации разных уровней в пределах одной тематической группы (растения). Различия, касающиеся

единиц номинации и их распространения, находятся в обратной зависимости от уровня обобщения единиц номинации: чем конкретней единица номинации, тем значительнее особенности ее распространения.

2. На уровне принципов номинации различий в территориальном распространении не обнаружено. В однотипности принципов номинации играет роль общность социальных функций объектов (растений) [19]. Для тематической группы в целом можно отметить преобладание названий по признаку.

3. В региональном распространении Мт можно выделить особенности: а) противопоставленность на территории сев. и юж. дз. Ср.: в сев. дз наименований по съедобности/несъедобности, Мт по вкусу и ядовитости в 2 раза меньше, чем в юж.; б) общие особенности, объединяющие территорию юж. и ю—з дз.: наиболее равномерное распределение единиц номинации (по сравнению с другими дз. Ср.: равное количество наименований по цвету, в 5 раз большее, чем в сев., количество наименований Мт по ядовитости и др.). Несомненный интерес с точки зрения специфики единиц номинации представляют урал. и сиб. говоры.

4. При сопоставлении единиц номинации меньшей степени обобщенности (грМП, п/грМП) выявляются региональные различия там, где на уровне Мт их не обнаружено. Так как для анализа специфики распространения на уровне грМП было взято лишь 2 Мт, установление закономерностей не представляется возможным.

5. По данным исследованной группы названий выявлено, что территориальные различия в распространении Мт обусловлены прежде всего экстралингвистическими факторами, среди которых можно отметить ведущую роль прагматического фактора. Ср.: в 2 раза больший процент названий Мт по съедобности/несъедобности, по вкусу, по ядовитости на юге. Причиной, вероятно, послужило большее количество видов растений, употребляемых в пищу, т. е. в выборе Мт преобладает социальный аспект.

6. Наименования в говорах Сибири отражают общие закономерности системы номинации на уровнях Мт и МП. При сопоставлении сибирских и европейских говоров была выявлена особенность: различное количественное соотношение названий, входящих в Мт и МП на этих территориях (табл. 2, 3), что еще раз подтверждает правомерность отнесения сиб.

---

[19] См.: Янценецкая М. Н. Тематические объединения производных слов и словообразовательная система языка, с. 128.

говоров к самостоятельному наречию. Далее можно отметить различия в статистических данных смешанных говоров европейской части страны и смешанных сибирских говоров. При этом в количественном отношении наблюдается сближение сиб. говоров с сев. (по лекарственным свойствам и др.), с юж. (по цвету и др.), со смеш. (по способу растения и др.)

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Арх. — архангельские говоры
влад. — владимирские »
волог. — вологодские »
вятск. — вятские »
калуж. — калужские »
костр. — костромские »
моск. — московские »
Мурм. обл. — Мурманская область
нижег. — нижегородские говоры
новг. — новгородские »
оренб. — оренбургские »
пермс. — пермские »
пск. — псковские »
ряз. — рязанские »
смол. — смоленские »
тверск. — тверские »
тобол. — тобольские »
том. — томские »

В. В. КОПОЧЕВА

О НАРОДНОЙ БОТАНИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ

В литературе, посвященной исследованию народных названий растений, встречаются утверждения, что народная фитонимия не отражает классификации растительного мира, поскольку обыденное, народное сознание, в отличие от специального, исследовательского, не может отметить действительного, генетического родства между отдельными представителями флоры. Так, например, М. К. Шарашова пишет: «... в народной ботанике отсутствует классификация растений, нет объединения в общие группы, каждое растение именуется само по себе, без связи с другими, родственными с данным растением» [1].

Безусловно, народная фитонимия складывается, развивается непреднамеренно и стихийно в отличие от научной, специально создаваемой и изначально ориентированной на систематизацию исследуемого материала. Номинативная установка — обстоятельство, определяющее значительную разницу в членении флоры как объекта номинации. Ученого-исследователя интересует природа вещи сама по себе, и те элементы исследуемого им материала, которые имеют существенные отличия от других элементов, получают и свое, отдельное название. Значимость вещи для обыденного сознания заключается в другом: в наличии у нее ярких, броских, заметных свойств и во включенности ее в сферу общественной практики. Этим объясняется, например, тот факт, что названия мхов и лишайников в научной номенклатуре представлены несколькими томами определителей, а в народной фитонимии занимают очень скромное место.

---

[1] Шарашова М. К. Нарицательные образования от имен собственных (на материале русских названий растений): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968, с. 181.

Бесспорно, что в народной фитонимии отсутствует подразделение на роды, виды, подвиды и т. д. в том систематическом смысле, который имеет место в научной номенклатуре. Возможно говорить об обыденном выделении видов, имеющем специфические черты, особенности. Народная классификация построена на том же родовидовом принципе, что и научная.

Признаком классификации выступает наличие в народной фитонимии номинативно-видовых полей, формирующихся на основе отождествляющих номинаций. См., например, наименования действительно родственных видов: герань болотная — *журавельник* (моск., калуж., ряз., пск.), *журавлиная трава* (вятс.), *журавлевая трава* (пермс.), *нос журавлиный* (пермс.), *грабельник* (костр.), *грабельки* (новг.), *боговы грабельки, ерань* (новг.), *костолом* (моск., калуж., ряз., влад.), *икотная трава* (арх.), *стоколенка* (арх.), *усовная трава* (Коми АССР); герань луговая — *журавлинник* (моск., калуж., ряз., влад.), *журавлиная трава* (пск.), *журавлиный нос* (тверск.), *журавлиный носок* (Мурм. обл.), *грабельник* (костр.), *боговы грабельки* (костр.), *ерань* (пск., том.), *костолом* (во многих местах), *икотная трава* (арх., Мурм. обл.), *стоколенка* (арх.), *суставная трава* (Коми АССР), *усовная травка* (новг.); герань лесная — *журавлиная трава* (пск.), *нос журавлиный* (пермс.), *журавельник* (во многих местах), *журавлиный носок* (во многих местах), *грабельки* (новг., пск.), *грабилица* (перм.), *ерань* (новг., том.), *костолом* (волог.), *икотная трава* (арх.), *суставница человечья* (арх.), *усовная трава* (арх.). Номинативно-видовое поле легко устанавливаемо и в пределах одной группы говоров, см., например, в томских говорах: ромашка непахучая — *желтоголовник, ромашка;* ромашка американская — *желтоголовник, ромашка* или хвощ полевой — *пестик, елочка, сосенка;* хвощ лесной — *пестик, песик, елочка;* хвощ болотный — *пестик.*

Каждое такое поле — фрагмент общей классификации. Сравнивая наименования, принадлежащие разным, хотя и родственным, видам, обнаруживаем факт неразличия видов, объединения их под одними названиями — «в общности наименований отражается биологическая общность видов, как она понимается народом»[2]. Купену лекарственную, например, в некоторых местах называют ландышем, и этому

---

[2] Голев Н. Д. Отождествление в народной биологической номенклатуре. — В сб.: Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1979, с. 60.

находится объяснение: «Я встретил в лесу какой-то странный, очень высокий ландыш»,— рассказывал мне однажды человек, далекий от ботаники. Как выяснилось, речь шла о растении, название которого — купена лекарственная. Сходство с ландышем у купены действительно есть — «почти такие же листья... когда у купены нет ни цветков, ни плодов, да еще растение слаборазвитое, угнетенное — оно действительно отчасти напоминает ландыш»[3], оба эти растения из одного семейства — лилейных.

Однако и генетически различные растения в народной номенклатуре могут иметь одно название. Номинацию такого типа обслуживают своеобразные понятия — «губки», или корневые понятия. «Основной особенностью корневого понятия является то, что оно объединяет (в нем отражаются) различные виды и подвиды, близкие в каком-либо отношении»[4]. Эта близость может быть весьма приблизительной, а с точки зрения специалиста-ботаника отсутствовать вовсе, так как часто основана на чисто внешнем или функциональном сходстве. Понятие «губка» как бы впитывает в себя все признаки соотносящихся реалий, подчеркивая один-два, которые и являются условием объединения. Например, *колокольчиками* называют в говорах растения с цветками определенной формы—в томских говорах растения бубенчик, живокость, лилия желтая; *чаем*—растения, которые заваривают и употребляют как напиток — *соровой чай* (том.), *иван-чай* (том.) — лабазник; *ванька-чай, ванькин чай* (том.) — кипрей; *желтый чай* (тобол.) — зверобой продырявленный; *куриной слепотой* называют многие желтые цветы, в томских говорах—лютик *едкий;* одуванчик лекарственный, лапчатку серебристую, многие цветы, появляющиеся в период таяния снега, называют *подснежниками.* Употребительны также в говорах такие обобщающие названия, как *зверобой* — для многих лекарственных растений, *молочай* — для растений, выделяющих млечный сок, *пырей* — для сорных растений, *осот* и *татарник* — для колючих, *душица* — для растений с сильным запахом, *медунка, медуница* — для растений-медоносов. Объединены признаки реалий также в названиях: *сарана, ландыш, прострел, лютик, донник, ромашка* и др.

---

[3] Петров В. В. Мир лесных растений. М., 1978, с. 120.

[4] Голев Н. Д. Ономасиологический аспект междиалектных различий в лексике природы (на материале названий птиц). — В сб.: Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1975, вып. 1, с. 49.

Процесс расчленения корневого понятия в целом аналогичен процессу видовыделения в научной систематике, членению более общих ботанических подразделений на более мелкие. Названия, выражающие корневые понятия, выступают либо как одно из видовых названий, либо становятся как бы «надвидовыми», входят в составные наименования в сопровождении эпитетов, которые приобретают статус видового компонента. Расчленение корневого понятия, аспектация, может носить различный характер: в одном направлении, например, *пучка полевая* (том.) — бутень Прескотта и *пучка боровая* (том.) — борщевник рассеченнолистный, в разных направлениях — *лютик болотный* (том.) — чистотел обыкновенный и *лютик ползучий* (том.)—лапчатка гусиная; наконец, один из членов оппозиции может остаться немаркированным, например, *полевая незабудка* (том.)—подмаренник северный, *незабудка белая* (том.) — торица полевая, *незабудка* (том.) — бальзамин султанский.

Особенно часто в народной классификации в качестве названий корневых понятий выступают названия хорошо известных культивируемых растений, например, капуста: *заячья капуста* (том.) — очиток, *капуста башкирская, капуста татарская* (оренб.), *дикая капуста* (влад.) — вероника, *капуста заячья* (вятск.) — володушка золотистая; крапива: *свинячая крапива, крапива крупная, жалюча крапива* (том.) — крапива обыкновенная, *крапива конопляная* (том.) — яснотка белая, *крапива* (том.) — зопник клубненосный, *крапива малая* (том.) — крапива малая; морковь, морковка: *чушечья морковка* (том.) — бутень Прескотта, *дикая морковка* (нижег.)—аистник цикутный, *дикая морковь* (Урал) — бутень клубненосный; мята: *криничная мята* (том.) — яснотка, *мята лесная* (вятск.) — душица обыкновенная, *кошачья мята* (смол.), *степная мята* (тамб.), *собачья мята* (смол.) — будра плющевидная; *мята дикая* (вятс.), *глухая мята* (вор.)—мята полевая; названиями корневых понятий могут быть также: лен, овес, петрушка, мак, лук, чеснок, перец, хрен, горох, боб, репа.

Особо следует сказать о компонентах: трава, корень, ягода, лист, цвет. Они могут выступать номинациями, выполняющими интегрирующую роль, как наименования травянистого или цветкового растения вообще, например, *речная трава* (том.) — мать-и- мачеха обыкновенная; *цвет мать-и-мачехин* (пермс.) — мать-и-мачеха обыкновенная, эти компоненты могут содержать указание на определенную часть расте-

ния, чем-либо заметную: *аленький цветочек* (том.) — купальница, *шелковая трава* (том.) — ковыль. В названиях, отражающих использование растений в быту и медицине, эти компоненты приобретают особое «фармакологическое» значение и точно указывают на ту часть растения, которая употребляется: *пуповая трава* (том.) — тысячелистник обыкновенный, надземная часть этого растения (трава) в народной медицине используется от надсады; *рвотный корень* (костр.) — копытень европейский, корень копытня обладает рвотным действием. Во всех этих названиях определяющий компонент несет основную смысловую нагрузку, содержит дифференциальный признак, этот компонент условно тоже можно признать видовым.

Таким образом, согласиться с утверждением об отсутствии классификации растений в говорах трудно. Дело в том, что видение растительного мира и представление его в языке и в сфере научной и народной номинации различно.

---

9. Заказ 4620.

В. Г. АРЬЯНОВА

СООТНОШЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ И ДИАЛЕКТНЫХ ФИТОНИМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРАХ

Известно, что процент собственно диалектных и общерусских, или совпадающих с литературным языком слов (в дальнейшем — литературных) в составе диалектной лексики бывает различным в разные периоды развития говора и что в современном говоре под влиянием литературного языка количество диалектных слов резко сокращается. Г. Г. Мельниченко, например, установил, что «удельный вес диалектной лексики в общем запасе слов носителя любого местного говора ... колеблется от 4 до 10%»[1]. Известно также, что соотношение диалектных и литературных слов неодинаково в разных предметно-тематических группах. Региональная фитонимика, насколько нам известно, в этом плане не подвергалась рассмотрению.

Для выявления количественного соотношения диалектных и литературных фитонимов в среднеобских говорах потребовалось определить, какие названия растений считать литературными и какие диалектными, так как, во-первых, в толковых словарях современного русского литературного языка пометы не всегда совпадают, напр., *боровик* 'белый гриб' в БАС подается без помет, в МАС как областное (ср.: в СРНГ в этом значении нет); *голубица* 'вид ягодного кустарничка' в БАС без помет, в МАС — областное (ср.: в СРНГ как областное, употребляющееся во многих говорах страны); во-вторых, в словарях литературного языка нередко значения фитонимов толкуются слишком общо, поэтому установить, какое (какие) конкретно растение называется так в литературном языке, а не в говорах, практически невозможно, напр., в БАС *бессмертник* 'бот, название некоторых

---

[1] Мельниченко Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII— начала XIII вв. Ярославль, 1974, с. 21.

растений, преимущественно из семейства сложноцветных, с сухими перепончатыми листочками’. Особенно сложно определить «статус» составных фитонимов. В толковых словарях часто нечетко трактуются значения словосочетаний-фитонимов, границы сочетаемости того или иного слова с другими словами — компонентами флористических наименований. В словарях обычно указывается, что данное прилагательное употребляется ’как составная часть некоторых(выделено нами. — *В. А.*) зоологических и ботанических названий’, например, *белый, китайский, заячий* в МАС, как составная часть некоторых ботанических названий; в семнадцатитомном академическом словаре одно из значений слова *полевой* приводится в следующем виде: ’Полевой ... 6. Составная часть некоторых (выделено нами — *В. А.)* ботанических и зоологических названий’. Каких названий? И какие словосочетания с этим прилагательным можно (если можно) считать известными литературному языку, какие все-таки будут народными? Эти вопросы тем более остаются открытыми, если заметим, что прилагательное *гусиный* (по данным того же словаря) входит в состав народных названий растений, а *заячий, конский* и др.— компоненты словосочетаний литературного языка. Сложно определить, считать ли в таком случае словосочетания типа: *полевая пучка* ’борщевик рассеченнолистный’ и *полевой горох* ’чина Гмелина’ и ’чина луговая’ литературными или областными; в-третьих, не все названия растений, известные литературному языку, помещены в толковых словарях, и прежде всего те, которые употребляются в одной из разновидностей русского литературного языка,— научных наименованиях. Кроме того, по неясным причинам часто в одном словаре фитонимы помещаются как литературные, а в другом их нет, напр., в БАС без помет приводятся *жабрей* ’травянистое сорное растение’ и *крушинник* ’вид кустарника, крушина’, а в МАС их нет, и наоборот, фитонимы *девясил* и *зеленица* в МАС без помет, в БАС их нет.

Поэтому при определении сферы употребления фитонимов (литературные или диалектные) мы придерживались следующих критериев: считать литературными фитонимы, которые 1) не имеют пометы: народное, прост., обл. в словарях литературного языка, а если в каком-либо словаре относятся к диалектным, то в СРНГ нет этих слов, напр. *боровик;* 2) в словарях помечены как разг., бот., с.-х.; 3) не зафиксированы в толковых словарях, но функционируют в научной

и специальной литературе как номенклатурные единицы[2], независимо от источника их происхождения (русские ботанические названия растений в значительной степени пополнились за счет народных наименований), напр. *нивянка* 'нивянка', *идеал* 'сорт картофеля «колпашевский идеал»', *ширица* 'щирица'. Однословных фитонимов такого рода немного, значительно больше составных, преимущественно обозначающих виды растений, напр. *белый клевер* 'клевер белый', *красный клевер* 'клевер красный', *горох сахарный* 'горох сахарный', *груздь настоящий* 'груздь настоящий', *груздь осиновый* 'груздь осиновый', *душистая ромашка* 'ромашка душистая'.

Составные фитонимы рассматриваем как литературные названия растений, если для обозначения видов растений оба компонента словосочетания помещены без помет в словарях литературного языка или в ботанической и специальной литературе, напр. *анютины глазки* 'фиалка трехцветная', *вороний глаз* 'вороний глаз', *красный клевер* 'клевер красный', *папоротник женский* 'папоротник женский'. Словопорядок компонентов в словосочетании в данном случае не учитывается, хотя в ботанической литературе родовое наименование всегда предшествует определению, указывающему на вид растения.

К диалектным относим такие названия растений, которые 1) в толковых словарях представлены как областные, просторечные или народные и в ботанической литературе не используются, напр., *калачики* 'мальва', *вьюн* 'гречиха вьющаяся', *кислица* 'смородина красная'; 2) являются лексико-семантическими, лексико-фонематическими и другими вариантами литературных фитонимов и локально ограничены в употреблении, напр., *ветреник* 'ветреница лесная' (в СРНГ — Тобол.), *верба* 'верба' (в Доп. к Опыту — кур.), *вёха* 'вех' (в СРНГ — Великорос, Смол., Рост., Тюм., Кем.), *анис* 'тмин' (Томская обл.). Составные фитонимы считаем диалектными, если 1) данное словосочетание не употребляется в литературном языке (в любой его разновидности): *аверьянова трава* 'валериана лекарственная', *бабья свадьба* 'колокольчик ломкий'; 2) один из компонентов словосочетания заменен другим словом в отличие от литературного языка, например, *белоголовый клевер* 'клевер белый', *выпашной пырей* 'пырей обыкновенный', *полевой зверобой* 'зверобой обыкновенный'; 3) словосочетания, один из компонентов которых

[2] Ср.: Диалектным является слово, «не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)». (Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961, с. 20).

или словосочетание в целом слишком обще определяется в толковых словарях как составная часть ботанического и литературного наименования или как литературное наименование в целом (напр., в БАС *волчий* дается с пометой: Бот. В названиях различных растений, в МАС — *волчьи ягоды...* 2) распространенное название разных кустарников и трав с ядовитыми или несъедобными ягодами красного или черного цвета), а в ботанической литературе нет такого словосочетания или словосочетания в этом значении. В среднеобских говорах, напр., *волчьей ягодой* называют бузину, крушину, паслен персидский, а во «Флоре Западной Сибири» ни для одного вида бузины, крушины и паслена нет такого наименования, поэтому фитоним *волчья ягода* считаем диалектным.

Диалектными вариантами словосочетаний, обозначающих в литературном языке виды растений, считаем такие словосочетания, в которых компоненты подвергаются варьированию в формальной структуре: *ведмежьи ушки* 'медвежьи ушки', *груздь подосиновый* 'груздь осиновый' или в семантике: *анютины глазки* 'гвоздика полевая', *львиный зев* 'ленник обыкновенный'.

Основываясь на принятых нами критериях разграничения литературных и диалектных фитонимов, мы установили, что диалектные наименования растений в среднеобских говорах преобладают в целом и особенно в некоторых подгруппах фитонимов.

В табл. 1 и 2 отражено процентное соотношение литературных и региональных названий растений (в табл. 1—однословные, в табл. 2—составные фитонимы) в исследуемых говорах.

Различное процентное соотношение литературных и диалектных фитонимов в подгруппах обусловлено разными причинами. Внеязыковая причина заключена в том, что предметы растительного мира неодинаково используются человеком, а значит, известны также не в одинаковой степени. Практически нет диалектных названий деревьев, потому что немногочисленная группа этих растений издавна хорошо изучена людьми, и каждый вид деревьев дифференцированно используется в хозяйстве. Два диалектных наименования — *исохорник* 'тополь черный' и *белолистка* 'тополь серебристый' — лишь подтверждают эту мысль, так как эти фитонимы разграничивают виды тополя. Среди названий ягод диалектными являются наименования редко собираемых ягод — морошки, княже-

ники, боярышника, ежевики. То же в названиях кустарников. Диалектные названия культурных растений находятся в основном в пассивном словарном запасе диалектоносителей, так как отражают народные наименования или уже вышедших из употребления сортов овощей, злаков, напр., *красноколоска* 'сорт пшеницы', *криворожка* 'сорт ржи', или редко выращиваемые, напр., *кореневка* 'картофель сорта кореневский', *нарымка* 'сорт картофеля'. То же в названиях грибов: преимущественно редко собираемые или несъедобные грибы имеют диалектные наименования, напр., *коровники* 'свинушки', *наземники* 'шампиньоны', *пыхалки* 'дождевики'.

Таблица 1

Предметные подгруппы	Лит. назв. растений	Диалектные варианты фитонимов литературного языка				Диалектные фитонимы и их варианты
		лексико-фонетические	лексико-морфологические	вариантоиды [3]	лексико-семантические	
Названия деревьев	30	9	14	37	3	6
Названия кустарников [4]	23	7	—	28	5	37
Названия трав	14	3	1	10	8	64
Названия ягод	22	8	—	47	—	23
Названия культурных растений	31	11	6	11	1	40
Названия комнатных растений	10	26	2	10	7	45
Названия грибов	17	11	5	11	6	50
Названия мхов	20	—	—	—	—	80

В говорах сохраняются диалектные названия растений, ввезенные из материнских говоров, если это растение не часто используется. Даже названия брюквы, нераспространенной

[3] См.: Арьянова В. Г. Однокоренные слова в диалекте. — Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1979, вып. 3, с. 10.

[4] В число кустарников мы включили также и ягодные кустарники и кустарнички (боярышник, рябина, брусника, черника и т. д.) наряду с тем, что они рассматриваются как названия ягод, так как в говорах различают названия ягод и названия травянистых и кустарниковых растений, на которых созревают плоды — ягоды.

культуры в Томской области,— *бухна* и *галанка*—отмечаются в отдельных говорах.

Другая, лингвистическая причина наличия большого числа диалектных фитонимов заключается в том, что диалектоносители стремятся дать мотивированные наименования растениям. Особенно ярко эта тенденция проявляется в названиях комнатных растений, где иноязычные научные фитонимы заменяются народными, напр., *аспарагус—дымка, зефирантес—*

Таблица 2

Предметные подгруппы	Литературные фитонимы	Диалектные варианты фитонимов литературного языка	Диалектные наименования растений
Название деревьев	—	—	—
Названия кустарников	10	5	85
Названия трав	4,5	3,5	92
Названия ягод	14,5	7,5	78
Названия культурных растений	21	3	76
Названия комнатных растений	3,5	6,5	90
Названия грибов	8	11	81
Названия мхов	41	—	59

*луковка, зигокактус — рекостав, гортензия — горденец, монстера — лапо*ть и т. д. Тенденция к мотивированности фитонимических наименований проявляется и в том, что диалектоносители стремятся дать более точные названия и выделяют другие признаки растений, в результате образуются синонимичные наименования: *сыроежки — ломушки, пыхалки — мечики* 'дождевик' (использовали вместо мячиков).

Диалектные фитонимы возникают и вследствие стремления диалектоносителей различать виды растений (иногда это совпадает с научным делением): *синявки* — *краснявки* 'сыроежка', *боярка* 'боярышник кроваво-красный' — *воскоярка* 'боярышник алтайский' и т. п., особенно часто так образуются диалектные составные фитонимы: *желтый горошек* 'чина луговая', *земляна малина* 'княженика' и т. п.

Разграничение видов растений в говорах идет в основном независимо от ботанической систематики растений. Этим в значительной степени объясняется преобладание диалектных составных фитонимов над литературными в говорах.

Другая причина, объясняющая наличие бо́льшего числа диалектных словосочетаний — фитонимов в говорах, заключена в особенностях номинации растений. Диалектоносители широко используют для названия конкретных видов растений словосочетания с опорным словом трава, корень, лист и др., напр.: *воронья трава, грыжная трава, вонючий корень, царское семя,* а также называют растения по ассоциации с живыми или мифическими существами: *бабьи сплетни, девичья красота, гусиная лапка, царские кудри, ангеловы крылышки* и под.

В говорах могут «восполняться» наименования сортов растений (чаще забытые литературные), напр., *ползун* 'сорт стелющегося гороха', *трусунец* 'сорт мака с самовысыпающимися семенами', но такие фитонимы также являются диалектными.

Выявленное нами количественное соотношение литературных и региональных наименований растений показывает различные результаты взаимодействия фитонимики литературного языка и говоров. С одной стороны, в литературный язык вошли исконные древние наименования растений, общие для обеих разновидностей национального языка (в основном это однословные фитонимы); с другой стороны, познание растительного мира, наименования новых видов приводит к увеличению процента составных наименований. Этот процесс является продуктивным как для литературного языка, так и для говоров.

Г. А. МОРДИНОВА

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ В НАРОДНОМ ГОВОРЕ

(на материале глаголов говорения каргасокского говора)

Проблема глагольной сочетаемости является составной частью общей проблемы сочетаемости языковых единиц. Многие аспекты глагольной сочетаемости недостаточно изучены, например, обязательный и необязательный характер зависимых компонентов в модели сочетаемости, факторы, обусловливающие сочетаемость, соотношение семантики и сочетаемости и др.

Цель данной работы — проследить зависимость между сочетаемостью глаголов-синонимов и особенностями их семантики. Нами предпринята попытка 1) выявить модели обязательной сочетаемости компонентов в ЛСГ глаголов говорения; 2) установить морфолого-семантический статус зависимых компонентов модели сочетаемости; 3) обосновать уровень (месторасположенность) синонимических рядов в исследуемой ЛСГ в зависимости от их сочетаемостных особенностей.

Для реализации поставленных задач был использован текстологический метод лингвистического анализа. Синонимические ряды глаголов выявлены в результате предварительной обработки глагольной лексики с помощью компонентного анализа. Материалом наблюдения послужила глагольная лексика говора с. Каргасок, Каргасокского района, Томской области.

Глагольная лексика давно привлекала внимание исследователей. Многие ученые считают, что по своему значению глагол представляет собой как бы свернутое предложение (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, А. А. Холодович, В. С. Храковский и др.). Так, Н. Д. Арутюнова пишет о том, что значение глагола «требует фразовой интерпретации»[1].

---

[1] Арутюнова Н. Д. Предложение и смысл. М., 1976, с. 340.

Поскольку глагол является центром высказывания, вполне понятен интерес исследователей к анализу его сочетаемостных свойств. Как представляется, наиболее интересен анализ сочетаемости не отдельных глагольных лексем, а глаголов в составе ЛСГ.

Мы понимаем лексико-семантическую группу как иерархически организованную многоуровневую систему, члены которой объединены общими инвариантными признаками. При этом учитываем соотношение между семантикой глаголов-синонимов и типом синтаксических моделей и считаем, что сочетаемость глаголов зависит от их лексико-семантических свойств и что она является условием реализации семантики глаголов-синонимов. Наблюдения показывают, что чем шире семантический объем глаголов, тем шире их синтаксические связи и тем выше уровень синонимического ряда в структуре ЛСГ. Учет сочетаемости дает возможность упорядочить структурную организацию ЛСГ, выявленную в результате собственно семантического анализа.

Понимая, что синтаксическая сочетаемость является только одним из параметров разграничения семантики глаголов, мы считаем, что общность одних и тех же моделей сочетаемости, общность их морфологического выражения может свидетельствовать о близости некоторых синонимических рядов друг другу, в то время как различия сочетаемости в рамках одной модели (их лексическая и грамматическая наполненность) представляют собой такие признаки, которые достаточно четко разграничивают семантику глаголов. Рассматривая обязательное (облигаторное) распространение слова, т. е. наличие при нем зависимых слов, обращаем внимание на то, что эти зависимые слова могут быть выражены не только различными частями речи, но и присоединяются к глаголу различными способами (управлением, примыканием).

Описывая модели сочетаемости, их морфологическое выражение, лексическую наполненность, выявляя синтаксические позиции зависимых членов глагольной синтагмы, мы можем по различию типов синтаксических связей, видов управления, по степени дивергенции(расхождения) сочетаемостных свойств глаголов определить месторасположенность (уровень) синонимических рядов в данной ЛСГ. Уровни, на которых находятся синонимические ряды в данной ЛСГ, зависят от общего количества моделей сочетаемости: чем больше число моделей сочетаемости у глаголов одного синоними-

ческого ряда, тем выше уровень его месторасположенности в ЛСГ.

Выделение уровней синонимических рядов глаголов связывается нами с вопросом об упорядоченности структуры ЛСГ. Чем шире семантический объем глаголов синонимического ряда, тем шире его синтаксические связи, представленные структурными моделями, тем богаче лексическая наполненность этих моделей.

В ЛСГ глаголов говорения мы выделили шесть синонимических рядов:

1) *говорить — лепетать — балякать — толковать — калякать — бормотать — приговорить — ворчать* 'заниматься разговорами, говорить что-либо';

2) *тренчать — болтать — буробить — городить — врать— тараторить* 'говорить вздор, неправду'.

Сов. вид: *наболтать — набуробить — нагородить — наврать — натараторить.* Фразеологизм — *выбить трепака;*

3) *сыпать — обсказывать — сказывать — рассказывать* 'говорить для сообщения, рассказывать о чем-либо';

4) *присказать — насказать — выговорить* 'рассказать много';

5) *поговорить — растолковать — побормотать — сказать* 'поговорить немного';

6) *наговорить — стукануть — набредить — наплести* 'рассказать о ком-либо с плохой целью'.

Большинству этих глаголов свойственно абсолютное самостоятельное употребление. Учитывая при построении моделей общекатегориальное значение глагола, принадлежность его к определенному синонимическому ряду, мы перейдем к сравнительному анализу заполнения моделей сочетаемости.

Глаголы первого синонимического ряда имеют 7 моделей сочетаемости.

1) $V + N_{вин.\ п.}$ Сидит, лепечет чё-то. Я тоже толкую, что чай надо отлить;

2) $V \pm {}_{про}N_{вин.\ п.}$ Папиросами хоть маленько отбиваюсь, как про это говорю. Говорят про Машу: «Цыганский глаз», а она у меня крупный лук не усмотрела;

3) $V + N_{дат.\ п.}$ Сын говорит снохе. Она мне говорила;

4) $V + {}_{по}N_{дат.\ п.}$ Будут говореть по проволоке;

5) $V + {}_{с}N_{тв.\ п.}$ Пока мы с тобой бормотали, а она ловит. Так вот с имя ворчишь, некоторых и уговоришь в колхоз;

6) $V + {}_{о}N_{предл.\ п.}$ Раньше о нём говорили, что его черти носили, таскали;

7) $V+Adv$. А ты знашь по-остяцки говорить? Говорить по-нашему не умели, потом научились. Бабка смешно калякает. Говорил вчера.

Глаголы второго синонимического ряда характеризуются следующими моделями сочетаемости:

1) $V+N_{вин. п.}$ Тифом болел, говоришь чё попало!

2) $V+N_{тв. п.}$ Дед болтает языком. Буробит языком;

3) $V+{}_{о}N_{предл. п.}$ Возьмите во внимание, каждый трентит об этом. Чё болтаешь о ней?

4) $V+Adv$. Я где-нибудь навру, а надо мной молодые смеются. Тоже мне баба-трещотка. Натараторит с гору, а выполнить нет её.

Глаголы третьего ряда функционируют в составе трех моделей:

1) $V+N_{вин. п.}$ Старик у меня мастер сказки сказывать;

2) $V+N_{дат. п.}$ Чё ещё вам расскажу? Пришёл, стал обсказывать начальству. Ты будешь сказывать им;

3) $V+Adv$. Он быстро рассказал.

Глаголы четвертого синонимического ряда также функционируют в составе трех моделей:

1) $V+N_{вин. п.}$ Старинное не прискажешь;

2) $V+N_{дат. п.}$ Росли мы в бедности, в нужде. Взмоталась на ноги, я вам наскажу;

3) $V+Adv$. Много уж вам насказали.

Глаголы пятого ряда проявляют свою сочетаемость в следующих моделях:

1) $V+N_{вин. п.}$ Ты к соседям сходи, побормочешь чё-нибудь;

2) $V+{}_{с}N_{тв. п.}$ Пойдём, поговоришь с человеком;

3) $V+Adv$. С ним никогда не растолкуешь.

Глаголы шестого ряда активно функционируют только в одной модели: $V+{}_{на}N_{вин. п.}$ Наплели они на меня.

Исследование моделей сочетаемости позволяет распределить рассмотренные синонимические ряды глаголов по уровням в данной ЛСГ. Так, глаголы первого ряда будут находиться на первом, высшем, уровне, т. е. составлять центр ЛСГ, так как они имеют обе глагольные синтаксические связи (примыкание и управление), причем вторая связь проявляется очень продуктивно, а именно в шести различных формах предложного и беспредложного управления (кроме родительного падежа).

Связь примыкания также проявляется полно: глаголы сочетаются как с определительными, так и с обстоятельственными наречиями.

Следующий уровень в ЛСГ займет синонимический ряд глаголов: *тренчать — болтать — буробить—городить—врать—тараторить.* Этот ряд имеет, как и первый, обе синтаксические связи. Связь примыкания также проявляется полно. Поскольку у глаголов этого ряда совпадают оба типа связей с первым синонимическим рядом, то различие уровней будет определяться дивергенцией (расхождением) сочетаемостных свойств слов в управлении, т. е. в различных проявлениях падежно-именных форм. Так, глаголы этого ряда управляют только тремя падежно-именными формами (вин., твор., предл. падежами).

На третьем уровне одновременно расположены глаголы двух синонимических рядов: *сыпать—обсказывать—сказывать — рассказывать* и *присказать — насказать — выговорить,* имеющие обе синтаксические связи, которые проявляются у них одинаково. Так, глаголы этих рядов управляют двумя падежными формами имен: винительным и дательным. Связь примыкания проявляется своеобразно: для глаголов этих рядов характерна сочетаемость только с определительными наречиями.

У глаголов пятого синонимического ряда (*поговорить* — растолковать — побормотать — сказать) синтаксическая связь примыкания проявляется так же, как и у глаголов предыдущего уровня, а управление возможно в двух падежных формах: в винительном и творительном падежах имени существительного.

На низшем уровне находятся глаголы шестого синонимического ряда: *наговорить — стукануть — набредить — наплести.* Они имеют только одну синтаксическую связь — управление, причем глаголы этого ряда управляют предложными формами имен только в винительном падеже. Глаголы этого ряда не сочетаются с наречиями, так как сема определительного наречия «много» заключена в самом лексическом значении глаголов этого ряда, т. е. выражается имплицитно.

Порядок расположенности по уровням синонимических рядов в данной ЛСГ с учетом их сочетаемостных моделей можно подтвердить учетом общей лексической наполненности этих моделей (таблица).

Из таблицы видно, что члены всех шести синонимических рядов, кроме общекатегориального значения, имеют общий грамматический показатель: могут управлять винительным падежом без предлога, причем эта модель имеет у глаголов одинаковую лексическую наполненность, где в качестве за-

Таблица

№ модели сочетаемости	Модель	№ синонимического ряда					
		1	2	3	4	5	6
1	$V+N_{\text{вин. п}}$	Сущ. неодуш.	Сущ. неодуш.	Сущ. неодуш.	Сущ. неодуш.	Сущ. неодуш.	Сущ. неодуш. Факульт.
2	$V+_{\text{на}}\ N_{\text{вин. п}}$						Мест., сущ. одуш.
3	$V+_{\text{про}}\ N_{\text{вин. п}}$	Мест., сущ. неодуш./ одуш.					
4	$V+N_{\text{дат. п}}$	Мест., сущ. одуш.		Мест., сущ. одуш.	Мест., сущ. одуш.		Факульт.
5	$V+_{\text{по}}\ N_{\text{дат. п}}$	Сущ. неодуш.					
6	$V+_{\text{с}}\ N_{\text{твор. п}}$	Сущ. одуш.	Сущ. неодуш.			Сущ. одуш.	
7	$V+_{\text{о}}\ N_{\text{предл. п}}$	Мест., сущ. одуш./ неодуш.	Мест., сущ. одуш./ неодуш.				
8	V+Adv	Определит. / Обстоят.	Определит. / Обстоят.	Определит. / Непродукт.	Определит. / Непродукт.	Определит. / Непродукт.	Имплицит. / —

висимого члена выступает неодушевленное имя существительное (см. модель № 1 всех шести рядов). Одинаковую лексическую сочетаемость имеют глаголы первого и второго уровней (модель № 7), а также глаголы первого, третьего и четвертого уровней (модель № 4).

Кроме управления в винительном падеже пять синонимических рядов имеют синтаксическую связь — примыкание. Эти черты способствуют объединению всех синонимических рядов в одну ЛСГ.

Подтверждением близости второго ряда к первому уровню служит то обстоятельство, что глаголы второго ряда, как и глаголы первого синонимического ряда, сочетаются с обоими разрядами наречий: определительными и обстоятельственными, тогда как глаголы третьего, четвертого и пятого рядов активно сочетаются только с одним разрядом наречий, определительными, и, следовательно, их уровень в ЛСГ гораздо ниже первых двух. Общность синтаксической связи (примыкания) первого и второго рядов является доказательством более глубинных семантических связей этих глаголов, в то время как «периферийность» глаголов шестого ряда, находящихся на последнем уровне в ЛСГ, доказывается отсутствием синтаксической связи — примыкания, а следовательно, и отсутствием определенных семантических признаков.

Расположение синонимических рядов глаголов по уровням позволяет сделать вывод о том, что наличие определенных синтаксических связей слов зависит от определенной (широкой или узкой) семантики слов, от полноты лексического значения слова. Наибольшая дивергенция сочетаемостных свойств глаголов возможна тогда, когда модели сочетаемости не содержат общих членов, отсутствие которых говорит о том, что их значения четко разграничиваются на синтагматической оси.

В тех случаях, когда модели совпадают, необходимо проследить за лексической наполненностью их членов, в результате чего можно будет выявить их интегральные и дифференциальные признаки.

З. П. НИКУЛИНА

О СОЧЕТАЕМОСТИ ПРОЗВИЩА С ДРУГИМИ АНТРОПОНИМИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ

В настоящее время наблюдается оживление интереса лингвистов к проблемам функционирования собственных имен, что выражается, в частности, в исследовании их синтаксического поведения и возможностей вступать в связь с апеллятивами и онома. Тем не менее соединения основных (базовых) антропонимических единиц — личных имен, отчеств, фамилий и прозвищ — друг с другом в составе двух-, трех- и многокомпонентных сочетаний до сих пор остаются малоизученными, «на современной антропонимической карте такие комплексные образования создают обширное белое пятно»[1]. В исследованиях, построенных на разном языковом материале, показано, что собственные имена сочетаются не с любыми, а со строго определенными апеллятивными и ономастическими «партнерами», что комбинаторные способности собственных имен, принадлежащих к разным классам, не тождественны.

Изучение сочетаемости прозвищ представляет значительный научный интерес, так как является одним из этапов в решении весьма актуального вопроса о синтаксических возможностях собственных имен.

Настоящая статья посвящена описанию сочетаемости прозвища с другими антропонимическими единицами в составе двухкомпонентного наименования. Нами предпринята попытка определить, по каким моделям создаются прозвищные двухкомпонентные наименования, каков характер внутренних связей между компонентами, возможности их лексического наполнения. Источником для наблюдений послужили контексты, в которых зафиксированы прозвища при спонтан-

---

[1] Пеньковский А. Б. Русские личные именования, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество». — В кн.: Ономастика и норма. М., 1976, с. 80.

ном их употреблении, а также реплики-ответы информантов на вопросы: Как у вас прозывают Х? А еще как его прозывают? Как его называют при непосредственном общении («в глаза») Называют ли его по имени (фамилии, отчеству) и прозвищу? При характеристике возможностей сочетаемости прозвищ мы прибегаем к анализу не изолированных прозвищных наименований, а контекстов, отражающих их реальное функционирование в различных речевых ситуациях.

В поле зрения исследователей попали прозвищные двухкомпонентные наименования модели «имя+прозвище». Наш материал позволяет выделить три антропонимические модели, в состав которых входит прозвище.

1. Имя + прозвище. Прозвища в составе этого двухкомпонентного наименования различны. В зависимости от их характера выделяются три группы:

1) имя + оценочно-характеристическое прозвище: Вася Чубчик в гараже работает (Н.-Ром.). Санька Капитан в городе встретился, вот вместе и болтались (Берез.). Саша Чепчик опять первый урок проспал (Пашк.). Колька Хром, у него еще нога одна хромает (Чум.), Подшутил как-то дядя Доня Смекалист над Окунем (Ем.). Матвей Самограй тоже с Павловки приехал, с нами почти вместе (Ем.).— С кем поехали?—С Сашкой Бесом (Шум.), у Кольки Трехглазого мать заболела (Тарад.). У Маруси Синички мать старая, у неё можно поспрашивать (Кам.). Беззубый Степан продукты привёз (Тарад.). Вася Картавый в садик за сыном пошёл (Тарад.);

2. имя + отфамильное прозвище: у Витьки Милого (В. Милютин) сестра нудная такая (Анж.). Наташа Гуся (Н. Гусева) скоро подойти должна (Кем.);

3) имя + прозвище на -ИХА: Зинка Голубчиха семь месяцев уже не работает (Кр. Горка). Вон Любка Баиха идёт (Кр. Горка), Вера Сальничиха со мной работает на свинарнике (Н.-Ром.). Надя Лаптиха тоже сына провожала (Возн.). Валька Еремеиха отпрашивалась на свадьбу (Возн.). Иванова она, стало быть, Иваниха, Иваниха Надя и всё (Сил.). Нюра Маховичиха всегда рано сеет (Н.-Ром.). Вижу: ведут её от тети Маши Чувашихи (Н.-Ром.).

Двухчленная модель имя + прозвище в зависимости от формы имени выступает в речи в следующих вариантах:

а) полное имя + прозвище: Матрёна Черная, Анна Гром, Мария Цыганка, Гаврила Телёночек, Давыд Белый, Семен

Глухой, Виктор Худой, Палагея Рязанская, Василий Беленький;

б) усеченная форма + прозвище: Вася Глаз, Ваня Клоун, Ваня Кутя, Вася Киндер, Лёха Цыган, Вася Чунь Гороховый, Нюра Черемиска; Вася Пёстрый, Маня Белая, Лёва Косой, Аня Чёрненькая, Саша Горбатый, Вася Хитрый, Таня Большеротая, Витя Толстый, Федя Кругленький;

в) производная форма+прозвище: Ванька Губошлеп (Губошлёпый), Пашка Грифель, Сашка Гвоздь, Нюрка Косач, Аллочка Красотка, Пашка Японец, Колька Хром; Гришка Плешивый, Толька Лохматый, Аксинька Лаковая, Генка Курносый, Мишка Однорукий, Илюха Рыжий.

Не все формы личного имени одинаково широко используются в прозвищном двухкомпоненте. Обычны в двухкомпонентном антропониме имена с суффиксом -К, активно используемые в обиходно-разговорном стиле для именования людей разного возраста как в семье, так и за ее пределами. В зафиксированном нами материале не наблюдается каких-либо ограничений для соединения в речи прозвища и имени.

2. Отфамильное прозвище + оценочно-характеристическое прозвище: Андрей Балетный (Г. Андреев, походка у него, как у балерины, не идёт, а пляшет) (Южн.), Баран Косой (П. Баранов, за косые глаза) (Сил.), Богор Корноухий (нет одного уха) (Н.-Ром.), Терех Пузан (Н. Терехов, за большой живот) (Н.-Ром.), Степан Орёл (В Степанов, поймал он орла на поляне, так и стали звать) (Арин.), Пим Косолапый (И. Пимин, у него кривые ноги) (Верхот.). Примечательно то, что в двухкомпонентной модели этого типа отфамильное прозвище (первый компонент) омонимично либо личному имени, либо оценочно-характеристическому прозвищу, т. е. на уровне плана выражения никаких новых моделей здесь не возникает.

3. Прозвище + фамилия: Кто сегодня дежурит?— Хома Белов (С. Белов, он круглый, плотный, похож на хомяка, но его уважают и зовут Хома) (Берег.), Захматов Лохматый, не мешай нам (А. Захматов, он всегда обросший, грязный) (Тарад.).

Чаще всего прозвище сочетается в речи с именем, реже— с отфамильным прозвищем и лишь в единичных случаях — с фамилией, это объясняется, по-видимому, тем, что используются антропонимы разной эмоционально-стилистической окраски: фамилия — обычно для именования в официальной сфере общения, прозвище же функционирует в обиходно-раз-

говорном стиле, оно заключает в себе оценку человека, положительную или отрицательную характеристику его.

Синтагматические свойства прозвищ получают у разных авторов неодинаковую трактовку, по-разному определяется и статус двухкомпонента имя + прозвище. Так, например, Н. Н. Ушаков считает подобные наименования «составными прозвищами, которые в целом (обеими частями одновременно) выполняют и основную функцию имени собственного — дифференцирующую, индивидуализирующую и специфически прозвищную — характеризующую»[2]. В качестве доказательства цельности подобных сочетаний признается строго фиксированный порядок следования компонентов и закрепленность именного компонента в одном из вариантов (полном, сокращенном или оценочном имени)[3]. П. Т. Поротников, напротив, признает возможность соединения прозвищ с другими антрополексемами и рассматривает сочетания типа Васька (Вася, Василий) Тормоз составными двухкомпонентными антропонимами. «Кроме самостоятельного одиночного употребления,— отмечает П. Т. Поротников,— прозвища ... довольно часто входят в состав двухкомпонентных антропонимов, состоящих обычно из полного личного имени или оценочной формы его и прозвища»[4].

По нашему мнению, двусловные наименования лица типа Васька (Вася, Василий) Тормоз, являясь единой номинативной группой, обладая номинативной цельностью, представляют собой не прозвище, а синтагматическое сочетание двух разных антропонимических единиц — имени и прозвища, о чем свидетельствует реальное функционирование комплексных форм. Наблюдения за употреблением подобных наименований в живой речи свидетельствует о самостоятельности каждого компонента. Часто разные лично-именные формы используются для именования одного и того же лица: Копченый-то вышагивает, как павлин.— Ну, и Колька Копченый! Сдул контрошку у Конопатой; Серому такой фотоаппарат купили, а он, поди, не сообразит, как щелкать. — Мы над Витькой Серым со смеху умирали; Зоя Васильевна, Конопа-

---

[2] Ушаков Н. Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища). — В кн.: Имя нарицательное и собственное, М., 1978, с. 171.

[3] Там же.

[4] Поротников П. Т. Нормы употребления фамильных и прозвищных именований в речи жителей Талицкого района Свердловской области. — В кн.: Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972, с. 63.

тая, ничего со своим звеном не делает.— Надька Конопатая, убью тебя лопатою; Психованого не будем брать с собой.— Леня Психованый вчера концерт закатил и др. Однако следует отметить, что иногда за отдельными лицами по традиции закрепляется как наиболее употребительная или как единственная лишь одна из форм наименования — либо однословное прозвище, либо двухкомпонентный антропоним: просто Черным не зовут. Иван или Ванька Черный (Бек.); Редко зовут просто Белый, обычно же добавляют Кузя (У.-Сосн.); Просто малый не зовут, обязательно скажут Иван Малый (Бек.); 'И вся его ровня зовут Кольку Рыжим. Его по имени никто не звал, все Рыжий да Рыжий (Чкал.); Татьяна козу напоминает, вредная, задиристая. Чтобы обидеть её чем-то, ребятишки и прозвали Танька Коза, а иногда просто Коза (Верхот.).

Функционирование однословных и комплексных антропонимов локально не ограничено, хотя в использовании их и проявляются местные «пристрастия», связанные с узко региональными, исторически сложившимися в том или ином населенном пункте традициями именования. Так, в д. Власкове предпочтение отдается однословному прозвищу, а в с. Камышенке одинаково употребительны как однословные, так и комплексные наименования. Не замечено зависимости употребления того или иного наименования от социального и возрастного статуса именуемых, однако коммуниканты, выбирая тот или иной тип личного наименования, учитывают ситуацию и условия общения. Двукомпонентный антропоним используется только для именования лица, не принимающего участия в акте коммуникации: Фамилию многие не знают. Всё Цыганок да Цыганок или Сашка Цыганок. Кому что-то спросить, так и кричат: «Цыганок!» (Возн.).

Мы не отрицаем возможности выполнения индивидуализирующей (но не характеризующей) функции всем сочетанием в целом. По-видимому, следует считать, что «комплексные формы, образуемые по определенным типовым моделям путем своеобразного нанизывания базовых антропонимических единиц» [5], и возникают из коммуникативной необходимости более четкой дифференциации лиц в условиях тезоименности (при разговоре о тезках, не принимающих участия в акте коммуникации, когда ни бытовая ситуация, ни контекст, предварительный или актуальный, не несут информа-

[5] Пеньковский А. Б. Указ. раб., с. 80.

ции об именуемом) — при совпадении у именуемых либо имен, либо прозвищ (последнее редко). Например, говоря о ком-либо из Агеевых Анн (их две в д. Уроп), непременно к имени добавляют прозвище на — ИХА. Нюра Карманиха (у ее мужа прозвище Карман), Нюра Сережиха (муж Сергей). Сашу Глекова одноклассники чаще всего между собой называют по имени-прозвищу — Сашка Бублик, потому что в школе был еще один мальчик по прозвищу Бублик (Берез.); называя Василия Ивановича Мещерякова, к его прозвищу обязательно добавляют имя — Васька Мещеряк, так как отец его тоже Мещеряк (Берез.); Штирлица из Новостройки (тихонько из-за угла появляется всегда в последний момент) и Штирлица из Березова (Тихонов Петр) различают в речи путем подключения к прозвищу добавочного дифференциатора: Так то Петюня Штирлиц, а этот — Штирлиц Певец.

Комплексный антропоним двухкомпонентной модели имя+прозвище следует отличать от внешне сходных по структуре наименований, в которых первый, именной, компонент имеет генетически иную референтную соотнесенность. Ср.: Нюрка Косач (Фадеева Анна, летала с места на место, у ней мужей много было) (Под.) и Маня Конь (Павлюченко Мария, здоровая, сильная, полнокровная такая) (Кондр.). Наименования типа Маня Конь, действительно, являются составными прозвищами, которые в целом выполняют и индивидуализирующую, и характеризующую функции. Эти наименования могут использоваться не только для именования лица, отсутствующего при общении, но и адресата речи.

В настоящей статье мы рассмотрели лишь некоторые вопросы сочетаемости прозвищ с другими антропонимическими единицами в составе двухкомпонентного наименования. Дальнейшее изучение комплексных форм позволит выявить полный набор моделей, по которым они образуются, закономерности перехода от одной модели к другой, а также позволит дать более полную картину состава и особенностей функционирования соотносительных наименований типа Черный — Ванька Черный.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Арин. — Ариничево, Ленинск-Кузнецкий р-н
Анж. — Анжеро-Судженск
Берег. — Береговой, Кемеровский р-н
Берез. — Березово, Кемеровский »
Бек. — Беково, Беловский »
Возн. — Вознесенка, Яйский »
Ем. — Емельяновка, Яйский »
Кем. — Кемерово
Кам. — Каменка, Крапивинский р-н
Кр. Горка — Красная Горка, Ленинск-Кузнецкий »
Кондр. — Кондрашка, Тисульский »
Н.-Ром. — Новоманово, Юргинский »
Пашк. — Пашково, Яйский »
Под. — Подонино, Топкинский »
Сил. — Силино, Кемеровский »
Тарад. — Тараданово, Крапивинский »
У.-Сосн. — Усть-Сосновка, Топкинский »
Чум. — Чумай, Чебулинский »
Чкал. — Чкаловский, Ленинск-Кузнецкий »
Шум. — Шумиха, Кемеровский »
Южн. — пос. Южный г. Кемерова

И. А. ВОРОБЬЕВА

О МЕТОДИКЕ КОМПЛЕКСНОГО ДИАЛЕКТОЛОГО-ТОПОНИМИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Топонимика и диалектология — самостоятельные науки, имеющие много общего в предмете исследования, в методах его изучения, в подходе к материалу и его интерпретации. И хотя, занимаясь изучением языка в пространственном аспекте, диалектология рассматривает диалект как систему на всех его уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, а топонимика исследует лишь одну группу слов того или иного диалекта — географические названия, эти науки не могут не взаимодействовать и не помогать друг другу в решении своих специфических задач.

Так, интерпретация многих топонимов, особенно микротопонимов, невозможна без учета фонетики, лексики, словообразовательных возможностей диалекта, на базе которого они созданы. С другой стороны, топонимы, возникая и функционируя на определенной территории, отражают фонетические, грамматические, словообразовательные черты того или иного диалекта. Извлеченные из топонимов, они могут дать диалектологии неоценимый материал, если учесть, что в топонимии значительно дольше, чем в диалекте, могут сохраняться старые слова, реликтовые фонетические и грамматические черты.

О близости указанных наук и об их взаимном обогащении результатами исследования мы уже неоднократно писали и говорили. Не собираясь повторять ранее высказанные мысли, мы бы хотели на основании опыта развертывания топонимического обследования Средней и Южной Сибири показать конкретные пути сближения этих наук в методике полевой работы и дальнейшей обработке полученных материалов.

Наш опыт, особенно на Алтае, показал, что наиболее рациональным и в научном, и в организационном отношениях

является комплексное диалектолого-топонимическое изучение, при котором диалектологи одновременно с решением своих задач собирают материал и по географической номенклатуре селения, а топонимисты, базируясь на методике полевой работы диалектологов, проводят диалектологическую разведку, собирают лексический диалектный материал. Кроме того, записанные на магнитную ленту беседы с информаторами по топонимической тематике могут служить материалом и для диалектных фонетических и морфологических разысканий. При этом установка на диалектологическое или топонимическое обследование не снимается, качество работы не страдает, а выигрывает. Диалектолог, включив в свою работу топонимический вопросник, знакомится с историей села, национальным и диалектным составом, наиболее старыми фамилиями, и от вопросов об имеющихся географических названиях и их значении легко переходит к употребляемой здесь лексике природы. Естественно, что сбор топонимов у диалектологов ограничивается теми селениями, где они работают.

Топонимист в ходе полевых экспедиций ставит задачу наиболее полного охвата территории и, переходя из села в село, записывает устную речь информаторов, касающуюся в первую очередь топонимов и местных географических терминов. Сделанные в ходе экспедиций записи устной речи в полной мере могут быть использованы и диалектологами.

Поскольку применяемая в этих случаях методика сбора материала очень близка диалектологам, бóльшее внимание и обоснование такой методики необходимо топонимистам, которые далеко не всегда являются сторонниками сближения топонимической и диалектологической работы. Это объясняется тем, что топонимист может получить материал из письменных источников: географических карт, списков населенных мест, исторических документов, особенно при выявлении и описании субстратной для данной территории топонимии. Однако и в этом случае данные диалекта трудно переоценить.

Наши наблюдения показывают, что в субстратных топонимах, не связанных с лексикой изучаемого русского языка, в большей степени, чем в топонимах, созданных на базе родного языка, сохраняются реликтовые черты того или иного диалекта. Например, в Среднем Приобье гидронимы Қитат, Қёнга произносятся как Титат или Тёньга, а на Алтае Теньга из Қеньгы зафиксировано в названии населенного пукта, где,

как видим, сохраняется старое для сибирского русского диалекта произношение заднеязычных перед гласными переднего ряда как зубных: К—Т', Г—Д'. Эта же черта отмечается при образовании производных русских топонимов от иноязычных основ: озеро Огебич, но Одебичева пурта, река Суенга, но Суендинский край. При этимологизации субстратных топонимов Сибири нельзя не учитывать такого диалектного явления, как мену сонорных, которая приводит к варьированию топонимов в устной речи и отражается в письменных документах: Няколь-Кальджа — Мякиль-Кальджа, озеро Малгет — Мангет, деревня Таволга — Таванга, озеро Турланы—Туралы, река Чемжелька—Чунджелька.

Русское диалектное влияние может так изменить звуковой облик топонима, что выявление первоначальной формы станет затруднительным: река Уень (С. Ремезов) — современное Вьюн: изменение произошло через появление диалектного протетического В: Вуень[1]. Об учете русского диалектного влияния при этимологической интерпретации субстратных топонимов говорил А. П. Дульзон[2]. Поэтому мы считаем, что топонимисты не только должны быть заинтересованы в наиболее полном диалектологическом изучении какого-либо региона, но и способствовать такому изучению.

Что представляет собой методика комплексного диалектолого-топонимического обследования применительно к топонимике?

Основным методом топонимической полевой работы является метод наблюдения. Поэтому перед топонимистом, как и перед диалектологом, стоит задача правильного выбора информаторов, беседа с ними по определенным вопросникам, запись этой беседы, собирание общих сведений о населенном пункте и составе его населения, паспортизация топонимического материала и последующая его обработка в виде картотеки.

Каждый этап указанной работы при сборе преимущественно топонимического материала имеет как общее с диалек-

---

[1] См. подробно: Воробьева И. А. Отражение фонетических особенностей старожильческого русского говора в субстратных топонимах Западной Сибири. Томск, 1976, с. 3—8.

[2] Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — Вопросы языкознания, 1959, № 4, с. 39, 46.

тологическим, так и свое, специфическое. Например, первый этап — правильный выбор информаторов. Для топонимиста информаторами могут служить не только носители традиционного говора, но и те, кто полностью владеет литературным языком или другим диалектом. Главное, это должны быть люди, хорошо знающие окружающую природу по своей основной работе или по увлечениям: агрономы, бригадиры полеводческих бригад, пастухи, лесники, или же люди, увлекающиеся охотой, рыбной ловлей, сбором ягод, грибов, лекарственных трав. Очень часто при топонимическом опросе информаторами становятся мужчины, а не женщины — носители традиционного говора. Тем не менее и в топонимах и в речи информаторов, уроженцев данного села, встречаются диалектные особенности. Поэтому для выявления особенностей диалекта необходимо, чтобы среди информаторов были и носители говора.

Топонимический вопросник создается с учетом истории и географии той территории, которая обследуется. Почти в каждом регионе такие вопросники созданы, имеются они и для изучения сибирской топонимии [3]. Как правило, в них включены вопросы по истории селения, по составу населения и времени прихода его в данную местность, времени создания населенного пункта, по наиболее распространенным в селе фамилиям, официальным и уличным, а также прозвищам, ибо антропонимы в Сибири являются одним из главных источников создания топонимов. Касаясь географических объектов, собиратель спрашивает о названиях отдельных краев и частей селения, о названиях водных источников, повышенных и пониженных мест, полей, сенокосов, лесов, отдельных мест в полях или лесах, о названиях дорог, мостов, колодцев и т. д.

Вопроснику по собственным именам сопутствует вопросник по местным георафическим терминам, созданный также с учетом местных условий. Причем количество и состав последних вопросников изменяется в зависимости от природных условий: в лесных местах больше внимания уделяется местной терминологии леса, в степных — терминам полеводства, сенокошения, в горных — оронимической терминологии.

Без одновременного изучения нарицательных слов, обозначающих географические реалии в данном регионе, иногда

---

[3] См., напр., вопросник в книге: Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна р. Оби. Томск, 1973, с. 234—235.

вообще невозможна интерпретация топонимов. Местные географические термины являются базой для создания топонимов: они вносят свой смысл в состав имени собственного, а этот смысл может быть далеко не одинаков в разных частях даже ограниченного региона. Например, слово *грива* в степной и лесостепной частях Алтайского края применяется для обозначения пологой возвышенности, а в горной и предгорной части — для названия вершины горы, ее хребта, покрытого лесом. Диалектное слово *займище* в одних местах на Алтае имеет значение 'болото', в других — 'речной или озерный залив', который может обозначаться и терминами: *курья, курейка, закуреек, курьюшка, затяга, затяжина, плесо, мочище, запад, западина, закос, заездок* и т. д. Более того, словом *займище* могут обозначать в разных селениях и озеро, и болото, и пойму, и пастбище.

Не зная значений местных терминов, едва ли можно правильно интерпретировать такие оронимы Алтая, как Абрамовский белок, где белок 'высокая гора, покрытая снегом', гора Гляден, где гляден 'высокая гора, открытое, видное со всех сторон место', гора Дедова шишка , где слово шишка выступает в значении 'гора', Суетский шеломок, где шеломок — 'небольшой холм', Александровы шкили, где шкиль 'каменистая острая сопка' и т. д. Во многих случаях только предварительное знакомство в ходе экспедиции с географической терминологией дает возможность более качественной записи географических названий.

Сам ход беседы на топонимическую тематику не отличается от уже принятой в диалектологии: один собиратель поддерживает беседу, другой фиксирует эту беседу в виде первичной записи. Необходимо при топонимико-диалектологическом обследовании обратить особое внимание на характер первичной записи, которая в разных топонимических центрах существенно отличается.

Многолетний опыт работы по сбору топонимов в полевых условиях и интерпретации материалов в различных аспектах убедительно показали, что и здесь надо заимствовать то, что уже апробировано диалектологией, и записывать устную речь информатора в наиболее связном виде с обозначением основных произносительных особенностей. Естественно, что пользование фонетической транскрипцией в ходе топонимических экспедиций затруднено да и не обязательно. Записывается связная речь либо в орфографии с передачей каких-либо орфоэпических черт, либо в полутранскрипции. У нас есть

примеры, когда произношение той или иной буквы указывается в транскрипции в скобках. В большинстве же случаев достаточно орфографической передачи: речка Попере́шка, Пещора, Крюшное возеро, Гризно́ болото, Репешша. Но иногда необходима транскрипция, например, Имурина, Ямурина (jъ).

Запись речи информатора выглядит так: Бодрягин Ананий Тимофеевич: 1922 года рождения, русский, электрик, родился в селе.

Есть Булочный Алей и Восточный. Булочный Алей — быстрый, быстро катит камни как булки. Восточный — с востока идёт. Соединяются они в Верх-Алейке. Протока: примерно Алей идёт мимо, а протока с Алея берётся и в Алей падает. Болот у нас нет. Вислая сопка есть. Почему называется — не знаю. Испокон века. Раньше, когда старики делили травы, говорили: «Я в Долгий мыс поеду, а вы поедете в Штаны». Рыбалкина грива есть, там сейчас свеклосовхоз. Почему Рыбалкина? Там ихняя пашня была. У нас тут нету займищев. Образуются полуострова — Долгий запе́сок — Алей обходил, а теперь отрезало. Куда корову погнал? Да на Долгий запе́сок (Трет., Стар.-Алейка, № 70, с. 19—20).

Подобные первичные записки проводятся как от руки, так и портативным магнитофоном. Впоследствии магнитофонная запись трансформируется в написанный текст.

Хотелось бы подчеркнуть важность именно такого вида первичной записи, а не только одних географических имен с их интерпретацией. Такие записи таят в себе большие возможности, так как в них сохраняется живое функционирование топонима, оформленное документально. И какие бы проблемы топонимической науки не стали актуальными, исследователь найдет в них необходимый материал. Обратимся к уже приведенному тексту. В нем, кроме объяснения отдельных топонимов, дается определение слова протока, указывается, что на этой территории нет болот, а следовательно, нет и болотной терминологии, что важно знать при картографировании. Из текста видно, что термины *лог, мыс, запе́сок* информатор вводит в состав названия и подтверждает это контекстами их употребления. В приведенном отрывке есть лексические диалектизмы: лог, запе́сок, семантический—булка, словообразовательный—Вислая, фразеологизм—испокон века.

Если отойти от данного текста и оценить в целом первичные записи подобного типа, то можно сказать, что в них име-

ется важный и интересный материал по многим вопросам. Так, можно определить, кто и когда употреблял топоним, входит ли топоним в активный или пассивный запас: Красная площадь — маленький поселочек был. Это поселок Троицкий. Был колхоз Красная площадь, а потом колхоз Молотова. Некоторые говорят Троицкий и мы сейчас так говорим (с. 18). В поселке же Садовом записано: Овраги на Красной площади. Там были небольшие поселки. Мы говорим: «Да поезжай туда на Красную площадь» (с. 33).

На основе таких материалов можно установить время функционирования топонимов, относящихся к уже исчезнувшим объектам, и их дальнейшую судьбу, ибо исчезновение объекта не синхронно утрате его названия: Был поселок Калуга. Там калужские жили, а место так и называем.— Куда поехал?— Да на Калугу (с. 77).

Первичные записи дают возможность выявить мотивы называния, определить, насколько они известны современному населению: Пойдём по ягоды на Дарьины зубы. Гривочки такие. Они рядом 3—4, как зубы. Юлихин нос — вроде носа, заостренная (с. 87). Дарьины зубы — у Дарьи редки да длинны зубы-то были, а она в таких-то ложка́х сено косила. Юлихин нос — бугор протянулся под вид носа на Гаврилихе (с. 99). Дарьины зубы — старуха была с кривыми зубами. Это лога такие (с. 90). Остальные информаторы, приводя даный топоним, мотива называния не помнят.

Особенно интересны такие записи для работы над вопросами экспрессивности и эмоциональности топонимов, когда живые примеры функционирования и восприятия топонимов помогают выявить образность топонима и отношение к нему населения: Курская дуга — часть села. Там жили из Курской области (с. 41). Сейчас новые дома строят, называют Звездный городок (с. 71). Гора Царица — это величественные, розоватые скалы, напоминают зубцы короны (Шеб., № 75, с. 89): Царица — там камни зубцами напоминают корону (с. 129). Заводь Пыхтуля — оттуда трудно выбраться (с. 147).

Ирония или неожиданность мотивировки могут быть выявлены только через контексты первичных записей: Москва — часть села, просто посмеялись, сейчас не называют, но кое-кто называет (Ельц. № 150, с. 24, 41). Питательный ключ — там мы во время войны питались (Трет. № 70, с. 93). Кузнечики — место, там стоял завод медеплавильный, там еще и сейчас горки руды (с. 103).

Память народа хранит до сих пор мотивы называния, особенно имена, прозвища, фамилии, в том числе уличные, положенные в основу номинации: Река Шапориха сейчас высохла, а место так называется. Но весной там вода идет. Там есть Шапорева сопочка, там была Шапорева пашня. Больше всего у нас Шапоревых. Вся улица заселилась Шапоревыми (с. 5). Чайкина яма в селе Лопатинке. Пашня там у него была. Чайка прозвище у него было. Дед вон у нас живёт. Его прозвали дед Чайка (с. 56). Ключ есть, Калмыков ключ. Это по прозвищу. Они Бондаревы, а их прозвали Калмыки (с. 61). Вороньи полоски. Вороньи — по прозвищу. Фамилия их Беляевы, а прозвали их Вороны (с. 81). Приведенные свидетельства очевидцев трудно переоценить.

При исследовании вопросов номинации важны знания информаторов о самом объекте, который собирателю не всегда хорошо известен. Село Плоское. Местность плоская, расположено оно на равнине, ни одного бугорка (с. 71). Гора Ревнюха, ревень есть, трава такая, очень хорошее варенье (с. 79). Курочкины лапки — лог расходится, как ноги у курицы (Елец. № 150, с. 22). Поганый лог — сильно плохой, не проедешь, не пройдёшь (с. 41).

Особенности диалектного словообразования также хорошо выявляются по первичным записям: Алейная заимка, потому что на Алее поселилась (Трет., № 70, с. 18). За Алеем — Алеешная сопка (с. 68). Мостошная сопка — там мост (с. 58). Часть села — Заровок. За Ровком (с. 52). Часть села — Заровошная. Ровок есть (с. 60). Еду по Зорьской дороге, по дороге от Зорьки (с. 72, см. поселок Светлая Заря).

В первичных записях полно представлены варианты топонимов: Село Староалейское называют Староалейка (с. 18). Лифлянка — Вихлянка говорят. Немцы, эстонцы жили там (с. 50). Всегда говорим Булочный Алей, но в Екатериновском говорят Булыжный Алей (с. 54). Для устной речи варьирование более характерно, чем для письменной. Варианты вызываются словообразовательными тенденциями, народной этимологией, влиянием диалекта, а часть их связана со стремлением к выразительности речи. См. последнее в примере: Рулёва падина, Рули жили там. Погнали на Рулеву падину. Дорога на Маяк — Маяцкая дорога, через Руль. Это та же падина. Можно сказать: «Поехали через Рулеву падину, поехали через Руль» (Лок., № 51, с. 44—45).

Дублеты, смена одного названия другим, также фиксируются при опросе: А Булочный Алей, он как бы раздвояется.

Еще его называют Алеёнок (Трет., № 70, с. 14). Чёрная забока, или Кругленькая... (с. 51).

Естественно, что запись живой речи позволяет не только собрать необходимые для топонимиста данные, но и материалы, представляющие интерес для диалектолога. Напр.: Запороцкий остров, сдавна он былназватый (Красног. № 142[а], с. 189). Пристакишный лог, какая-то там тина есть, грязина, человек пойдёт, завязнет, как пристакиша (с. 20). Савинов угол — раньше когда выселялись люди, Савинов эту забоку занимал. Отсуль речка, оттуль речка, а угол так и есть Савинов (Трет., № 70, с. 49). Вострая сопка, она вострая, крутая-крутая, с боков крута (с. 64). Рябая сопочка. Пойдёмте на Рябую сопочку вшивик рвать. Вкусное растение. Репочки там растут (с. 75).

Как видим, топонимист при такой методике записывает много не только тематической лексики по местной географической терминологии, растениям, животным, терминам охоты и рыболовства, но и непредметной лексики, употребляемой в непринужденной беседе, а также и некоторые фонетические особенности, Часто фиксируются замечания информаторов о диалектах, особенно на Алтае в условиях диалектной пестроты: В Новоалейске очень интересный разговор. Звонят. Алло, дайте, пожалуйста, Карпова.—Нет его. Карпов гуляет, Григорьев гуляет, техничка делами заворачивает. Сумощка, тряпощка (с. 5—6).

Мы остановились так подробно на первичных записях, так как считаем их наиболее важным элементом в предлагаемой методике. Первичные записи представляют интерес только тогда, когда они оформлены документально, паспортизованы. Паспортизация касается информаторов, у которых указывается фамилия, имя, отчество, возраст, профессия, грамотность, национальность, время проживания в селе. Необходим паспорт и для населенного пункта. У нас он заполняется на особом листке и сдается на кафедру. В паспорте села указывается его название, местонахождение в виде адреса, национальный состав жителей, количество населения, возможные объяснения происхождения ойконима, время возникновения села. В тетради же дается свободная характеристика населенного пункта, его история, описывается окружающий ландшафт. Все это представляется важным для определения доброкачественности собранного материала и его возможной проверки.

Первичные записи, получившие соответствующий инвентарный номер, хранятся на кафедре и выдаются для работы с ними под расписку. На основе первичных записей создается картотека топонимов. На каталожную карточку в правом верхнем углу наносится топоним и указывается вид обозначаемого объекта. Основу карточки составляет текст, из которого это название выписано. Внизу карточки в принятом условном сокращении приводится источник записи: область (край), район, н. п., инвентарный номер первичной тетради, страница. Еще ниже — фамилия собирателя, оформившего карточку. Например, карточка из приведенного текста:

Вислая сопка

Вислая сопка есть. Почему называется — не знаю. Искон века. Алт. Трет. Верх.-Ал., 70, с. 20.

Карточки в картотеке располагаются в алфавитном порядке. Но для целей первичной интерпретации топонимов важно сосредоточить материал по видам географических объектов. Поэтому практика показывает, что строгий алфавитный порядок устанавливается не сразу, а уже после описания топонимов какого-либо региона.

Необходим при словообразовательном анализе русских топонимов и выявления этноязыковых топонимических пластов обратный алфавитный порядок. Не случайно, картотека топонимов Западной Сибири при Томском педагогическом институте сдублирована: в прямом и обратном алфавитном порядке, Такое дублирование облегчалось тем, что картотека сформирована из топонимов, выписанных из карт, и содержит лишь название и его географическую привязку. Наши же карточки, содержащие полевой материал, требуют для дублирования слишком больших затрат. Поэтому картотека дополняется составлением обратных словарей, включающих в себя лишь топоним и фиксацию его местоположения хотя бы в пределах района или бассейна реки (для гидронимов).

И картотека, и обратные словари служат необходимыми источниками при исследовании топонимов. К первичным записям обращаются лишь для уточнения или справки, а также для выяснения диалектной обстановки.

Собирателями полевого топонимического материала выступают, как правило, студенты и преподаватели, знакомые и с диалектологией, и топонимикой. Для комплексного диалектолого-топонимического обследования территории должны использоваться не только специальные экспедиции, но и воз-

можности диалектологической практики, обязательной для студентов и университета, и пединститута. Только при массовом участии студентов возможен сбор топонимического материала и его дальнейшая интерпретация, что актуально не только для топонимической или диалектологической науки, но и для повседневной практики, о чем свидетельствует постоянный интерес населения к географическим именам.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Ельц. — Ельцовский р-н
Красног. — Красногорский »
Локт. — Локтевский »
Трет. — Третьяковский »
Шеб. — Шебалинский »

---

11. Заказ 4620.

О. И. БЛИНОВА

СЛОВАРЬ ВНУТРЕННИХ ФОРМ СЛОВА

Бурное развитие современной лексикографии, выразившееся в появлении словарей разных типов и увеличении их числа («лексикографическая вспышка»), со всей очевидностью подтвердило то, что лексикографирование представляет собой один из эффективных способов познания языка, его лексической системы, лексических явлений и процессов. Преимущество лексикографического метода исследования словарного состава языка состоит прежде всего в систематизации относительно исчерпывающего количества соответствующих лексических фактов. Каждый словарь представляет хорошую базу для тех или иных исследований, дающих толчок развитию теории, и одновременно может служить основой для создания новых лексикографических трудов.

«Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)» (Томск, 1982, т. 1; 1983, т. 2; далее — МДС), отразивший мотивационные отношения лексических единиц среднеобского диалекта и частоту актуализации их в речи, позволил выявить ряд лексических явлений, например, явление речевой полимотивации слов, явление варьирования внутренней формы слова, явление лексикализации внутренней формы слова[1]. Кроме того, МДС уже послужил источником для составления «Частотного мотивационного словаря

---

[1] См.: Блинова О. И. Варьирование внутренней формы слова в говорах. — В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 80-летию образования СССР и 40-летию победы под Сталинградом: Тезисы докладов и сообщений (Волгоград, 21—24 сентября 1982 г.). М., 1982, с. 55—56; Она же. О явлении лексикализации внутренней формы слова (на диалектном материале). — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979, вып. 8, с. 106—116; Она же. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Пособие по спецкурсу. Томск, 1984. 191 с.

(говоры Среднего Приобья)»[2], который отразил количество актуализаций мотивационных связей слов в диалектной речи.

МДС может явиться базой для составления «Словаря внутренних форм слова (говоры Среднего Приобья)». Внутренняя форма слова (ВФС) представляет собой средство (способ) выражения в слове его мотивированности — свойства слов, связь звучания (лексемы) и значения (семемы) которых объяснима. Слагаемыми ВФС являются мотивационная форма (МФ) — значимые сегменты (сегмент) лексемы, обусловленные мотивированностью слова (ПОД/СНЕЖ/-/НИК), и мотивационное значение (МЗ) — значение, или синтез значения МФ слова ('растение под снегом').

Словарные статьи МДС дают возможность определить ВФС с учетом актуализации словом его мотивационных отношений, обнаруживающих мотивированность слова в т е к с т е, отражающем естественную диалектную речь («Бывало, кукушка закукует, а я плачу-плачу, думаю: начто кукует, чтоб ешшо так жить?), и в м е т а т е к с т е, отражающем высказывания носителей диалекта о слове и его мотивированности («Кукушка — потому, что она летает, кукует по лесу. Кукует и кукует — вот и кукушка»). На основе актуализации отношений лексической мотивации, обнаруживающих мотивировочный признак обозначаемого (*кукушка — куковать, закуковать*), и отношений структурной мотивации, проявляющих классификационный признак обозначаемого (*кукУШКА↔ронжУШКА* — названия птиц) выявляется МФ (КУК/УШКА) и МЗ слова ('птица, которая кукует'). Схематически ВФС *кукушка* предстает в следующем виде:

ВФС ——МФ: КУК/УШКА
ВФС ——МЗ: 'птица, которая кукует'

Таким образом, методика выявления МФ слова базируется на актуализации сегментов (сегмента) лексемы в итоге реализации словом отношений лексической и(или) структурной мотивации, компоненты МЗ слова определяются значением мотивирующих данное слово единиц: лексического мотиватора (*куковать→кукушка*) и значением общего сегмента структурного мотиватора (*ронжу́шка* 'птица...', *кукушка* 'птица...'). При этом и МФ, и МЗ вычленяются в слове с учетом его лексического значения.

---

[2] См.: Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья/Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1983, т. 2, Приложение 1.

Материалы МДС и его картотеки[3], как отмечалось выше, выявили полимотивацию слов, характеризующую значительное количество лексических единиц диалекта. Полимотивация, в свою очередь, вызывает варьирование ВФС. Это можно проиллюстрировать на примере сло́ва *ба̀рхатник* 'растение медуница мягчайшая', которое в среднеобских говорах актуализует отношения лексической мотивации со словами *бархат, бархатный, бархатистый* 'подобный бархату' и отношения структурной мотивации со словами *багульник, лопушник, свеко́льник, меду́ночник, подорожник* — названиями растений. В различных контекстах (текстах и метатекстах) ВФС *бархатник* предстает в разных вариантах. Так, в контексте: «*Бархатник* — листья, как *бархат*» МЗ слова — 'растение, <как> бархат[4], в контексте: «Бывало, руку серпом разрежешь, сок бархатника нажмёшь... Он такой сверху зеленый, а снизу белый, бархатистый, мягкий» МЗ — 'бархатистое растение'; видоизменяется и МФ слова, которая в предыдущих контекстах сегментируется: БАРХАТ/НИК[5], а в контексте: «Бархатник тоже очень полезный. Здесь есть на горе *одуванчик,* есть *ба̀рхатна* трава...» сегментация МФ иная: БАРХАТН/ИК. Видоизменения МФ и МЗ создают вариантность ВФС.

Изучение мотивационных отношений слов в диалектной речи обнаружило варьирование ВФС, обусловленное разной актуализацией сегментов МФ и МЗ. Так, если в последнем контексте представлена полная актуализация ВФС, поскольку *бархатник* реализует и отношения лексической мотивации (БАРХАТНый), и отношения структурной мотивации (одуванчИК), следовательно, его МФ — БАРХАТН/ИК, а МЗ — 'бархатное растение', то в первых двух контекстах актуализованы только отношения лексической мотивации (БАРХАТ, БАРХАТистый), в связи с чем МФ предстает в виде БАР-

[3] Картотека МДС, насчитывающая свыше 85 тыс. карточек, хранится в кабинете русского языка Томского университета.

[4] Здесь и далее в фигурные скобки заключаются слова-связки, не получившие выраженности в МФ слова, а в прямые скобки — слова, обозначающие семы неактуализованного сегмента МФ слова.

[5] Актуализованный в речи сегмент МФ слова дается прописными буквами, неактуализованный — строчными, например, БЕЛяк («*Беляк* — *белый* заяц. Он только зимой *белый*-то бывает, а летом он серый...»), белЯК («*Русак* — нет, это *беляк*»). Если же актуализуются все сегменты МФ слова, то они даются прописными буквами и отделяются вертикальной прямой, например БЕЛ/ЯК («Есть заяц *беляк* и *русак.* Обнаковенно заяц зимой *белый*, а летом серый»).

ХАТник, а МЗ — '[растение] <как> бархат' или 'бархатистое [растение]'.

Исследованию внутренней структуры мотивированного слова в его функционировании значительную помощь окажет «Словарь внутренних форм слова», которому посвящена данная статья.

Назначение «Словаря ВФС» — отразить ВФС в ее речевом, контекстуальном и языковом проявлении. В связи с этим структура словарной статьи «Словаря ВФС» должна включать:

1) заглавное слово, являющееся мотивированным или полумотивированным, сопровождаемое грамматическими пометами и толкованием его значения;

2) контекстуальные ВФС, иллюстрируемые текстами и метатекстами, сопровождаемые индексом (порядковый номер ВФС) и статистическими данными, отражающими количество актуализованных мотиваций;

3) языковую ВФС, представляющую результат обобщения контекстуальных ВФС. Индекса она не имеет.

Порядок расположения контекстуальных ВФС обусловливается частотностью актуализации данной ВФС: более частотная ВФС предшествует менее частотной. В тех случаях, когда ВФС невариантна, словарная статья включает только языковую ВФС, которой предшествует контекст. Порядок расположения словарных статей алфавитный.

Приводим образцы словарных статей с заглавным словом разной частеречной принадлежности.

БЕРЕЗНИК, а или у, м. Березовый лес.

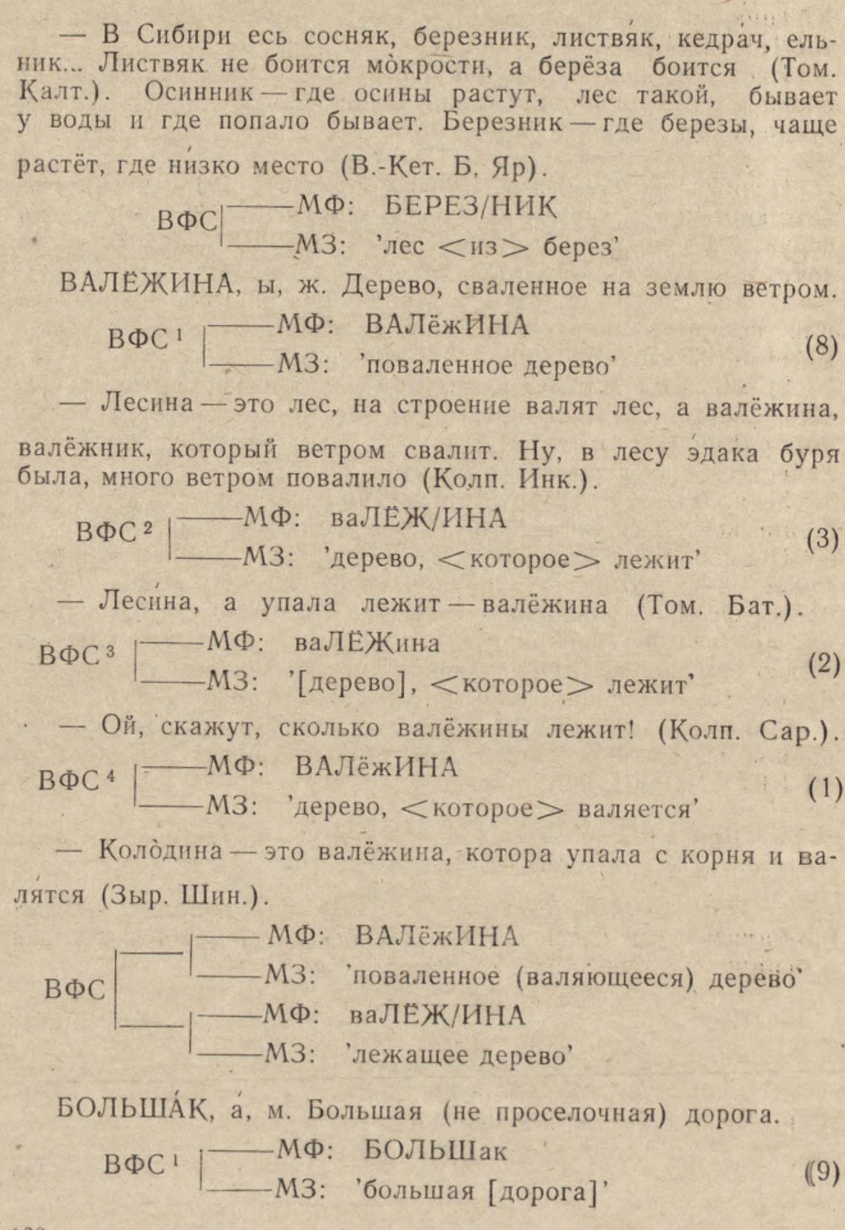
ВФС[1] ——МФ: березНИК (81)
——МЗ: 'лес <из> [берез']

— Наступали через лог, а там березник, осинник, кое-как пробились в лог-то и залегли (В.-Кет. Юд.). Грибы больше в осиннике, в березнике бывают (В.-Кет. Б. Яр).

ВФС[2] ——МФ: БЕРЕЗник (26)
——МЗ: '[лес] <из> берез'

— Березник так сейчас и стоит. Ста̀ры берёзы (Зыр. Зыр.) Березник — много берёз (В.-Кет. Б. Яр).

ВФС[3] ——МФ: БЕРЕЗ/НИК (44)
——МЗ: 'лес <из> берез'



— В Сибири есь сосняк, березник, листвя́к, кедра́ч, ельник... Листвяк не боится мо̀кро́сти, а берёза боится (Том. Калт.). Осинник — где осины растут, лес такой, бывает у воды и где попало бывает. Березник — где березы, чаще растёт, где ни́зко место (В.-Кет. Б. Яр).

ВФС —— МФ: БЕРЕЗ/НИК
—— МЗ: 'лес <из> берез'

ВАЛЁЖИНА, ы, ж. Дерево, сваленное на землю ветром.

ВФС [1] —— МФ: ВАЛёжИНА
—— МЗ: 'поваленное дерево' (8)

— Лесина — это лес, на строение валят лес, а валёжина, валёжник, который ветром свалит. Ну, в лесу э́дака буря была, много ветром повалило (Колп. Инк.).

ВФС [2] —— МФ: ваЛЁЖ/ИНА
—— МЗ: 'дерево, <которое> лежит' (3)

— Леси́на, а упала лежит — валёжина (Том. Бат.).

ВФС [3] —— МФ: ваЛЁЖина
—— МЗ: '[дерево], <которое> лежит' (2)

— Ой, скажут, сколько валёжины лежит! (Колп. Сар.).

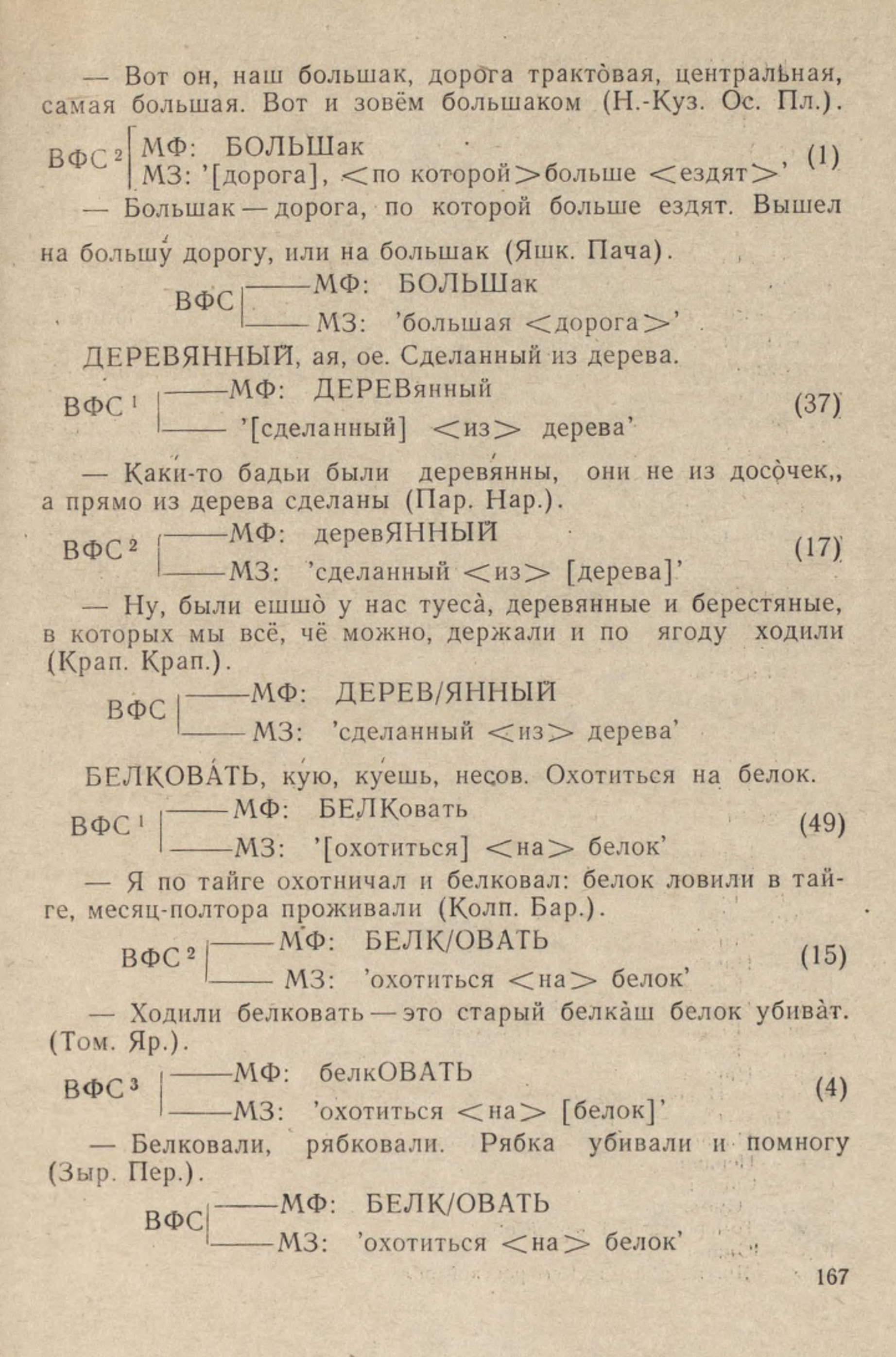
ВФС [4] —— МФ: ВАЛёжИНА
—— МЗ: 'дерево, <которое> валяется' (1)

— Коло̀дина — это валёжина, котора упала с корня и валя́тся (Зыр. Шин.).

ВФС
—— —— МФ: ВАЛёжИНА
—— МЗ: 'поваленное (валяющееся) дерево'
—— —— МФ: ваЛЁЖ/ИНА
—— МЗ: 'лежащее дерево'

БОЛЬША́К, а́, м. Большая (не проселочная) дорога.

ВФС [1] —— МФ: БОЛЬШак
—— МЗ: 'большая [дорога]' (9)



— Вот он, наш большак, дорога трактòвая, центральная, самая большая. Вот и зовём большаком (Н.-Куз. Ос. Пл.).

ВФС [2] МФ: БОЛЬШак
МЗ: '[дорога], <по которой>больше <ездят>' (1)

— Большак — дорога, по которой больше ездят. Вышел на большу́ дорогу, или на большак (Яшк. Пача).

ВФС МФ: БОЛЬШак
МЗ: 'большая <дорога>'

ДЕРЕВЯННЫЙ, ая, ое. Сделанный из дерева.

ВФС [1] МФ: ДЕРЕВянный
'[сделанный] <из> дерева' (37)

— Каки́-то бадьи были деревя́нны, они не из досòчек,, а прямо из дерева сделаны (Пар. Нар.).

ВФС [2] МФ: деревЯННЫЙ
МЗ: 'сделанный <из> [дерева]' (17)

— Ну, были ешшò у нас туесà, деревянные и берестяные, в которых мы всё, чё можно, держали и по ягоду ходили (Крап. Крап.).

ВФС МФ: ДЕРЕВ/ЯННЫЙ
МЗ: 'сделанный <из> дерева'

БЕЛКОВА́ТЬ, ку́ю, ку́ешь, несов. Охотиться на белок.

ВФС [1] МФ: БЕЛКовать
МЗ: '[охотиться] <на> белок' (49)

— Я по тайге охотничал и белковал: белок ловили в тайге, месяц-полтора проживали (Колп. Бар.).

ВФС [2] МФ: БЕЛК/ОВАТЬ
МЗ: 'охотиться <на> белок' (15)

— Ходили белковать — это старый белкàш белок убивàт. (Том. Яр.).

ВФС [3] МФ: белкОВАТЬ
МЗ: 'охотиться <на> [белок]' (4)

— Белковали, рябковали. Рябка убивали и помногу (Зыр. Пер.).

ВФС МФ: БЕЛК/ОВАТЬ
МЗ: 'охотиться <на> белок'

КОРМИТЬ, млю, мишь, кого и без доп., несов. Давать корм, пищу.

— По часам быка кормил, и корм разный был (Кем. Смол.).

ВФС —— МФ: КОРМить
—— МЗ: '[давать] корм' (17)

«Словарь ВФС» даст возможность: 1) получить более полное представление о содержании таких научных понятий, как «внутренняя форма слова», «мотивационная форма», «мотивационное значение»; 2) выработать в процессе лексикографирования критерии выделения МФ и определения МЗ существительных, прилагательных, глаголов, наречий; 3) решить проблему соотношения мотивационного и лексического значения слова, выявить типы их соотношения; 4) более объективно определить степень идиоматичности слова; 5) выявить факторы и причины варьирования внутренней формы слова; формы проявления этого процесса; 6) выяснить место вариантных и невариантных ВФС, их соотношение; 7) определить результаты действия процессов, связанных с мотивированностью слова,— процесса лексической ремотивации, направленного на воссоздание в слове мотивированности, процесса демотивации, связанного с утратой мотивированности слова, процесса лексикализации внутренней формы слова, состоящего в ее «окаменении», процесса идиоматизации, ведущего к демотивации слова или к лексикализации его внутренней формы.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Бар. — Баранаково
Бат. — Батурино
Б. Яр — Белый Яр
В.-Кет. — Верхнекетский р-н, Томской обл.
Зыр. — Зырянский р-н, Томской обл.
Инк. — Инкино
Калт. — Калтай
Кем. — Кемеровский р-н, Кемеровской обл.
Колп. — Колпашевский р-н, Томской обл.
Крап. — Крапивино и Крапивинский р-н, Кемеровской обл.
Нар. — Нарым
Н.-Куз. — Новокузнецкий р-н, Кемеровской обл.
Ос. Пл. — Осиновое Плесо
Пар. — Парабельский р-н, Томской обл.
Пер. — Першино
Сар. — Саровка
Смол. — Смолино
Том. — Томский р-н, Томской обл.
Юд. — Юдино
Яшк. — Яшкинский р-н, Кемеровской обл.

М. В. ОРЕЛ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКИХ ГОВОРОВ И ОПИСАНИЕ ИХ В ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ

(на материале говора Крапивинского района, Кемеровской области)

Разработка фразеологии областным словарем требует от составителей решения довольно большого круга вопросов: необходимо дать четкое понимание диалектной фразеологической единицы (ДФЕ) и последовательно придерживаться его на протяжении всего словаря, установить критерии выделения ДФЕ из текстов записей живой разговорной речи, продумать систему подачи их в словаре, место фразеологизмов в словнике, способы толкования их, определить структуру словарной статьи (фразеостатьи) и объем информации в ней о фразеологизме и др.

В практике диалектной лексикографии имеет место различное понимание фразеологии говоров, поэтому не только различным оказывается и объем толкуемого словарями материала. Состояние разработки фразеологии областными словарями[1] заставляет обратиться к описанию ФЕ в диалектном толковом дифференциальном словаре. Вслед за А. М. Бабкиным, Г. С. Салохетдиновым и другими исследователями[2], мы считаем противоестественным членение ФЭ на компоненты и предлагаем подавать ее как целостную единицу языка.

Для разрабатываемого кафедрой общего и исторического языкознания Кемеровского университета «Словаря говоров Крапивинского района» избирается принцип дифференциро-

---

[1] См.: Орёл М. В. К вопросу о лексической основе диалектной фразеологии и месте фразеологических единиц в областном словаре. — В кн.: Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1983, с. 107—109.

[2] См.: Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л., 1964, с. 47; Салохетдинов Г. С. Об отборе и подаче ФЕ в «Словаре русского языка». — В кн.: Вопросы фразеологии. Самарканд, 1977, вып. 11, с. 69.

ванного описания диалектных устойчивых сочетаний. Фразеологизмы, семантически целостные, воспроизводимые, устойчивые сочетания слов, обладающие эмоционально-экспрессивными, оценочными свойствами (часто образностью) и специфическими связями с лексико-грамматическим окружением, будут выделены особо.

Как уже отмечалось, в отечественной лексикографии не сложилось единого мнения по поводу места, способа подачи ФЕ в словарях. Наиболее противоречиво решают эти вопросы областные словари. Составители более или менее единообразно представляют материал, содержащий диалектный (-ые) компонент (-ы): ФЕ следует за диалектным словом. В Крапивинском же словаре предполагается алфавитный порядок размещения фразеологизмов по первому компоненту, независимо от того, к какому слову, служебному или знаменательному, диалектному или общерусскому, активного или пассивного запаса говора, он восходит. Следовательно, в качестве заголовка статьи будет выступать фразеологизм, а не его отдельный компонент.

Для наиболее рациональной работы со словарем планируется представить в конце каждого из его выпусков списки фразеологизмов без толкования значений, но с указанием страницы, на которой данная единица истолкована и проиллюстрирована. Варианты ФЕ будут перечислены в первой по алфавитному порядку фразеостатье и приведены на своих местах в общем словнике без формулировки значения, но с отсылкой к первому варианту.

Представляется, что фразеостатья должна содержать следующие компоненты: заглавный фразеологизм, грамматическую характеристику ФЕ, семантическую характеристику ФЕ, иллюстративный материал, ареальную характеристику.

Одна из основных задач толкового словаря — описание семантики как слова, так и фразеологизма. Фразеологическая дефиниция, как подчеркивает М. И. Умарходжаев, «... должна содержать информацию о денотативном, сигнификативном, а также, по мере возможности, коннотативных значениях заглавного фразеологизма»[3].

Составлению словарной дефиниции предшествует большая работа, в ходе которой необходимо выявить логико-предметное содержание и эмоционально-экспрессивную окрашенность фразеологизмов. Наиболее целесообразно анализировать ФЕ

---

[3] Умарходжаев М. И. Основы фразеографии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1981; с. 52.

в составе тематических групп. В пределах группы определяются общее значение фразеологизмов (интегрирующее) и различающие каждую отдельную единицу семантические компоненты (сигнификативное значение), т. е. обнаруживаются определенные фразеологические оппозиции. В контекстах выявляются синтаксическая функция фразеологизмов и общие семантико-грамматические свойства их. Определение парадигматических и синтагматических признаков ФЕ оказывается необходимой процедурой, предшествующей описанию ее значения. Во время работы над фразеологической частью Крапивинского словаря был проведен анализ фразеологизмов, характеризующих умственные способности человека[4]. Анализируемые фразеологизмы соотносятся с именами существительными, прилагательными, глаголами. Это категориальное значение ФЕ должно найти отражение в формулировке их значения, а сочетаемость — в контекстах. Семантическим ядром группы являются именные фразеологизмы, субстантивные и адъективные. Субстантивные ФЕ называют лицо, характеризуя его по признаку умственных способностей: *Алёша Питерский*—глупый, хвастливый человек, хвастун, бахвал; *тюха-пантюха* — 1) невежда, глупый, тёмный, необразованный человек; 2) простофиля, недотёпа; *Ванька Ветров*—глупый, ветреный человек, придурок. Адъективные фразеологизмы определяют, оценивают человека по указанному признаку: *в полном уму* — умственно нормальный, здоровый, нормальных умственных способностей; *с глазами* — очень умный, образованный, умеющий все видеть, понять; *из-за угла напуганный* — слабый умом и робкий, несмелый в поступках, суждениях; *морозом пришибленный* — не очень умный, неказистый на вид. Глагольные фразеологизмы рассматриваемой группы характеризуют умственные процессы, интеллектуальное состояние человека и дают этим процессам и состоянию оценку: *с ума сдвинуться* — потерять способность контролировать свои действия, совершая безрассудные поступки, делая, говоря глупости; *мозгой тряхнуться* — потерять рассудок; *у царя баню сжечь (сожечь)* — о человеке, который глупее, дурнее других; быть дураком.

Большая часть единиц данной тематической группы содержит в своей семантической структуре негативные эмоции, отрицательную оценку умственных способностей, сознатель-

---

[4] Структурно-семантический анализ дан нами в статье «Фразеологизмы среднеобских старожильческих говоров, характеризующие умственные способности человека» (в печати).

ной деятельности лица: *умом недовольный*—умственно ненормальный, умственно недоразвитый; *не с полна ума* — в ненормальном психическом состоянии, ненормальный; *из рассудку выбыть* — потерять от старости способность здраво рассуждать, мыслить. Значительно меньше фразеологизмов, характеризуя умственные способности, уровень интеллекта человека, содержат в качестве коннотативных компонентов положительные эмоционально-оценочные элементы: *с глазами* — очень умный, образованный человек, умеющий все видеть, понять; *со всем умом* — в здравом рассудке, способный нормально оценивать явления действительности, здраво рассуждать; *ухо с глазом* — умный, находчивый, расторопный, ловкий.

Семантическая структура фразеологизмов довольно сложна. В большинстве случаев одна и та же ФЕ не только характеризует деятельность ума человека, но и оценивает какие-то другие качества личности, которые являются результатом или показателем умственных способностей, отражаются на них. Так, фразеологизмы *в полном уму, со всем умом* характеризуют человека с нормальными умственными способностями, т. е. человека, у которого процессы умственной деятельности есть проявление его психологического здоровья: человек от рождения вполне нормален психически. Фразеологизм *ухо с глазом* характеризует не только умного человека, но и сообразительного, ловкого, находчивого, быстро реагирующего на все события, умеющего хорошо и быстро работать. Носители говоров используют ФЕ *с глазами* с целью дать положительную оценку умному, образованному человеку, такому человеку, который развил свои природные умственные способности образованием, учением.

Итак, общее значение двух фразеологизмов *в полном уму, со всем умом* — умный, т. е. психически здоровый. В этой паре ФЕ нет указаний на большой, глубокий ум человека, на признаки, отличающие одного умственно нормального человека от другого — умный, т. е. способный к нормальной умственной деятельности. Рассмотренной паре фразеологизмов противопоставляются две единицы *ухо с глазом, с глазами*, общее значение которых 'умный плюс какие-то другие положительные качества личности'. В первой ФЕ—это ловкость, находчивость, способность быстро реагировать на что-либо, умение быстро, споро работать; во второй — это большие умственные возможности, способности, данные не

только от природы, но и развитые благодаря образованности. Умён от природы и потому, что образован.

Отдельные фразеологизмы характеризуют психически, умственно неполноценного человека, умственное расстройство которого является своеобразным проявлением больной психики: *маленько не совсем* — психически больной, умственно недоразвитый; *не с полна ума* — значение то же. В ряде случаев эти и подобные фразеологизмы употребляются со смягченной негативной оценкой больного человека, но оценочность этих же ФЕ резко меняется, если они используются по отношению к человеку, умственно нормальному, здоровому, но совершающему необдуманные поступки, ведущему себя неразумно: Ты чё, маленько не совсем? (Кем. Крап. Салт.). Фраза сопровождается выразительным движением пальца у виска и резко осудительной интонацией. Ну прямо умом недовольный, чё делает. Думать надо (Кем. Крап. Крап.). Чё болташь, не с полна ума ли чё ли? Ведь девчёнки всё пишут (Кем. Крап. Берёз.).

Большая часть диалектных фразеологизмов характеризует психически нормального, здорового человека, но неумного, что проявляется в поведении, отношении к делу, к людям: *чурка с глазами, Алёша Питерский, Ванька Ветров, морозом пришибленный, у царя баню сжечь, из-за угла напуганный, с ума сдвинуться.* Фразеологизмы *у царя баню сжечь (сожечь), Ванька Ветров* характеризуют не просто глупого человека, но и непутёвого, не дающего себе труда задуматься о своих поступках. Фразеологизмы *морозом пришибленный, из-за угла напуганный* используются при оценке человека, умственно недалёкого и, кроме того, человека несмелого и неказистого на вид. Недостатки в умственных способностях, человеческом интеллекте отождествляются с необразованностью: *тюха-пантюха* — невежда, глупый, тёмный, необразованный человек. Большие интеллектуальные возможности — с образованностью: *с глазами* — очень умный, образованный, умеющий всё увидеть, понять.

ФЕ анализируемой группы объединяются в две подгруппы, противопоставленные по значению как антонимичные: одна подгруппа представлена фразеологизмами, характеризующими положительно умного человека, другая фразеологизмами, характеризующими отрицательно глупого, неумного человека: *в полном уму* — *не с полна ума, маленько не совсем, умом недовольный; войти в разум*—*из рассудка выбыть,*

с ума сдвинуться, мозгой тряхнуться; ухо с глазом — морозом пришибленный, из-за угла напуганный.

Внутри выделенных противоположных по значению подгрупп имеют место фразеологизмы-синонимы, т. е. более близкие по семантике обороты, которые обладают одинаковыми семантико-грамматическими и функциональными свойствами. Материалы позволили выделить несколько синонимичных рядов: умственно ненормальный, недоразвитый, психически нездоровый — *маленько не совсем, не с полна ума, умом недовольный;* глупый человек, дурак — *Алёша Питерский, Ванька Ветров, чурка с глазами, тюха-пантюха;* лишиться нормальных умственных способностей — *умом помешаться, с ума сдвинуться, без ума сделаться, мозгой тряхнуться;* умный — *со всем умом, в полном уму, с глазами, ухо с глазом.*

Исследование ФЕ внутри тематической группы, выявление общего и различного в значении близких по семантике ФЕ, определение связей и противопоставлений фразеологизмов, сопоставление их семантических структур позволяет глубже проникнуть в сущность этих языковых единиц, более точно описать их значение, внести определённые коррективы в словарные дефиниции, составленные ранее.

Описание значения ФЕ в областном словаре близко к толкованию единиц в двуязычном толковом словаре, так как для большинства фразеологизмов оно носит «переводческий» характер.

Представляется возможным использовать следующие виды истолкования значения ДФЕ:

1) описательные конструкции (словосочетания, предложения), в которых логически определяется значение ФЕ: *из рассудка выбыть*—потерять от старости способность здраво рассуждать, мыслить, *со всем умом* — в здравом рассудке, способный нормально оценивать явления действительности, здраво рассуждать;

2) синонимичные общеязыковые лексемы. При этом чаще всего значение ФЕ раскрывается не единичной лексемой, а рядом лексем в их совокупности: *тюха-пантюха*—1) невежда, глупый, тёмный, необразованный человек, 2) простофиля, недотёпа; *ухо с глазом* — умный, находчивый, расторопный, ловкий.

Значительную долю фразеологического значения составляют коннотации, поэтому формула толкования фразеологического значения только с помощью стилистически нейтраль-

ных слов не всегда может представить реальную семантику ФЕ. Следовательно, в составе фразеологической дефиниции могут быть использованы эмоционально-экспрессивные слова: *Алёша Питерский* — глупый, хвастливый человек, хвастун, бахвал, *Ванька Ветров* — глупый, ветреный человек, придурок;

3) комментарий ситуаций, характеристик, эмоций. Этот вид дефиниции даёт общее представление о значении фразеологизма и не является семантическим описанием его: *у царя баню сжечь (сожечь)* — о человеке, который глупее, дурнее других, быть дураком. Данный способ истолкования ФЕ не характерен для анализируемой группы, но может быть широко использован при описании значения других ДФЕ, напр.: *накованный глаз* — по суеверным представлениям, взгляд человека, приносящий несчастье, причиняющий вред, *ни счастья, ни талану* — о человеке,которому не везёт в жизни, *вставай пришёл* — так говорят, когда будят ребёнка, *анчутка тебя возьми* — восклицание, выражающее раздражение, досаду, употребляющееся часто в значении бранного слова.

Среди лексических дефиниций в областном словаре широко используется подбор к толкуемому слову общеязыкового (литературного) синонима. Для фразеологизмов данный путь истолкования представляется нецелесообразным, так как бóльшая часть соотносимых ДФЕ не тождественна литературным; в соотносимых парах (рядах) обнаруживаются семантические , эмоционально-экспрессивные различия, различия в стилистической тональности ФЕ и др.

В данной статье затронуты только отдельные вопросы, связанные с описанием ФЕ в областном толковом словаре дифференциального типа. Предстоит определить содержание каждого компонента фразеостатьи: 1) что должна представлять собой грамматическая характеристика ФЕ? Достаточно ли отразить категориально-грамматическое значение формулой толкования ее значения (глагольный фразеологизм описать глагольным словосочетанием или предложением) и контекстной сочетаемостью? 2) семантическая характеристика. Это только описание значения фразеологизма или еще и указание его синонимов, приведение антонимов, подбор соотносимых ФЕ литературного языка и других говоров, указание экспрессивно-стилистических свойств ФЕ? 3) ареальная характеристика должна ограничиться указанием локальных помет распространения ФЕ в пределах региона, отражаемого

словарем, или следует показать распространение ФЕ (ее вариантов) на территории русского языка вообще?

Представляется, что в фразеостатье должна найти отражение наиболее полная информация по всем параметрам: грамматическому, семантическому, ареальному и историко-временному.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Берёз. — д. Берёзовка
Крап. — пос. Крапивино
Кем. Крап. — Кемеровская обл., Крапивинский р-н
Салт. — с. Салтымаково

Л. А. ЗАХАРОВА

О ДОПОЛНЕНИИ К «СЛОВАРЮ РУССКОГО ЯЗЫКА XI—XVII вв.» (часть 1)

Всякое лексикографическое предприятие, работа над которым длится многие годы, неизбежно... дополняется в процессе издания[1]. Таковым является «Словарь русского языка XI—XVII вв.», включающий в себя богатейший лексический материал. Однако с момента выхода в свет первого выпуска этого словаря (1975 г.) прошло около 10 лет, а с момента составления словаря (1963 г.) — более 20 лет. За это время историческая лексикография и лексикология пополнилась рядом работ, источником которых явились письменные памятники старорусского периода различных регионов страны. Одним из таких источников являются письменные памятники XVII в., написанные на территории старого водного пути, по которому продвигались русские первопроходцы в глубь Сибири, в старых городах-острогах Томском, Кетском, Нарымском. Большая их часть в настоящее время находится в ЦГАДА в Москве, в Сибирском приказе, часть опубликована в различных изданиях. Часть документов не опубликована и хранится в рукописном виде в научной библиотеке Томского университета, например, рукописная приходная книга Томска 1631—1632 гг., рукописные таможенные книги Томска 1624 и 1627 гг. и др. В основном это челобитные служилых людей, пашенных крестьян, ясачных, отписки томских, нарымских и кетских воевод в Москву, различные записи. Все они хорошо отражают живую разговорную речь и являются важным источником для изучения, реконструкции различных тематических групп лексики Томской старины XVII в. Из опубликованных материалов нами использовались «Акты историче-

[1] Богатова Г. А., Чернышева М. И. Об организации дополнений к «Словарю русского языка XI—XVII вв.» — В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. М., 1984, с. 112.

ские», «Дополнения к Актам историческим», «История Сибири» Г. Ф. Миллера, «Русско-китайские отношения в XVII в.», различные сборники документов, опубликованных в качестве материалов для истории Сибири, например, И. Кузнецова-Красноярского. «Томский сын боярский Федор Протопопов», «Роспись Ивана Петлина», опубликованная Покровским, материалы П. Головачева «Томск в XVII в.», Н. Н. Степанова «Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII в.», сборник князя Хилкова, исследования современных ученых, например, работа З. Я. Бояршиновой «Население Томского уезда в первой половине XVII в.» и др. При составлении регионального исторического словаря Томской старины нами были отмечены материалы, которые могут в дальнейшем войти в дополнение к «Словарю русского языка XI—XVII вв.». Эти материалы имеют разный характер. Приведем примеры на букву К.

1. В дополнение к «Словарю русского языка XI—XVII вв.» могут быть включены новые слова, ранее не зафиксированные: а) слова, характеризующие отношения русских с другими народами, например, с монголами, киргизами, китайцами, тунгусами и др.: *килары* 'название одного из родов тунгусов?' — А по той де реке по Ульи и живут те тунгусы четыре роды: килары, долганы, горбыканы, бояшенцы (Степанов, с. 446); *кандык* 'название растения «собачий зуб»'. Заимств. из тюркского. — ... По третей годъ хлъбной недородъ... и многие ѣдят траву боршь и кандыкъ корен копают и едят (ЦГАДА, ф. 214, ст. 53, л. 684); *кандыш* 'краткое прилагательное от кандык'. — ... И многие едят траву борщ и кандышь корень копают и едят (Бояршинова, с. 132); *конютай?* — А хотели государь твоих государевых служивых людей довести к Алтыну царю к мугальскому конютаю да в китайское государство киргизские князи Номча и Кочебай (Русско-китайские отношения. М., 1969, т. 1, с. 39; 1609 г.); *контайша* 'титул в феодальной Монголии'. — Присылал онъ Голданъ контайша... к Москвѣ посланца своего Себейдина Хаджу (Хилков, л. 99, 1680 г.): *контайча* 'то же, что контайша'. — ...Онъ ...мугалской князь Саинъ контайча нам... присылал юрты и кормъ и питье (Хилков, л. 84; 1660 г.); *контайчи* 'то же, что контайча'. — И онъ ... контайчи выслушавъ противъ наказной памяти на посолствѣ мнѣ Стенкѣ с товарыщи говорил... (Хилков, л. 84; 1660 г.); *крылашень* 'церковнослужитель вообще, живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество'? — ...Да со царем же де у посольства был Тай-

бын — мурза и по их де вере кутуктины крылашеня все были (Русско-китайские отношения в XVII в., т. 1, с. 47); *кутугирцы* 'название народности'. — Река Маймакан пала в Маю с праву сторону а на ней живут тунгусы многие оленные люди макагирцы и долгирцы и гулгирцы и чолкогирцы и кутугирцы (Степанов, с. 440—441; 1639 г.);

б) слова, характеризующие жизнь и быт сибирских служилых людей: *капканщик* 'охотник, занимающийся капканным промыслом'.—...Посылал де столникъ и воевода по их заполным рѢчкам на промыслъ капканщиков... и капканами бобры и выдры по их рѢчкам и по промыслом выбивают; ... а говорят де им капканщики что де они ловят на воевод пополам (ЦГАДА, ф. 214, ст. 1703, л. 27; 1638 г.); *костовка* 'гибкая пластина, вшиваемая в разные виды одежды' — ... 40 рукавицъ... съ костовками два рубли 26 алтынъ 4 деньги (Головачев, с. 146; 1640 г.); *кокоревщина* 'смута, недоброе дело'. — И изменник тот хто гдрвых людей побивает и из наряду стреляет и заводит другую кокоревщину (ЦГАДА, ф. 214, ст. 127, л. 236; 1643 г.); *коломень* 'соседство'. Ср. с Далем: околоток, околица, соседство; окрестность? Ср. с Фасмером: окрестность?—...Река Тюкчи устьем пала в Ламу... а против тое реки устья стоит на море в коломени остров каменной и на том острову птицы водитца многое множество (Степанов, с. 441; 1639 г.);

в) фразеологические обороты и устойчивые словосочетания: *кричать во все люди* 'кричать громко, изо всех сил'. — ... Десятник ... да казаки... кричали на площеди во все люди и извещали ему Юрью... (ЦГАДА, ф. 241, ст. 127, л. 39; 1643 г.); *дать казнь* 'казнить'—Голданъ контайша воровство людей своих... розыщетъ и за ихъ воровство казнь дастъ жестокую (Хилков, л. 99; 1680 г.); *колмаки черные* 'западные монголы'. — ...А с ними людей черных колмаков тысяча человек (Миллер, т. 2, л. 238; 1616—1617 гг.); *большая корова* 'дойная корова' — ...пригнали съ ялани ж в город из гсдрва ж хлЂва 22 коровы болших да 13 подтелков... (ЦГАДА, ф. 214), ст. 182, л. 167; 1627 г.); *колмаки белые* 'телеуты'. — Пришли тЂ томские служилые люди... из бЂлых колмаков (ЦГАДА, ф. 214, кн. 292, л. 10; 1646 г.); *крутое место* 'гора'.— ...а у острогу будетъ с одну сторону гора крутое мЂсто а с трех сторонъ мЂста ровны (ЦГАДА, ф. 214, ст. 136, л. 83; 1645 г.).

2. При наличии слова в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» в дополнение могут войти лексико-семантические варианты этого слова: *киргизы* 'территория, занимаемая кир-

гизами'. — Того же дни пришли из киргизъ служилые люди (ЦГАДА, ф. 214, ст. 251, л. 68 об.; 1649. г.); ...товарыщъ в киргизах розболелся... (ЦГАДА, ф. 214, ст. 74, л. 449; 1632 г.); *князек* 'вождь небольшого племени, народа, владетель незначительной области'. — Посылалъ онъ Петръ красноярскихъ служилыхъ людей войною до брацкого князка Иланка (Дополнения к Актам историческим, т. 3, с. 106; 1647 г.); *князец* 'то же, что князек'. — ... Приходил с государевым ясаком верхние волости князек Намак (Миллер, т. 2, л. 226; 1613 гг.); ...И они де однолично на весне пошлют в Томской город челобитчиков и о крепком утвержденье и о шертованье тово ж князьца Кочебая с товарыщи (Миллер, т. 2, л. 237; 1630 г.); *крепь* 'охрана?': ...о томъ о всемъ отписать и в Тобольску держать за добрыми приставы в великой крепи и з береженьем чтоб тѣ люди никуды не ушли (ЦГАДА, ф. 214, ст. 127, л. 52, 1643 г.); *кузнецы* 'кузнецкие татары'. — Сентября 8 отпущен в кузнецы устюжанин торговый человѣк Игнашка Афонасьев... того ж дни отпущен в Кузнецкий острог лалетина торгового человѣка Дмитрия Муромскаго Лавошный сидѣлец Ивашко Григорьев сын Кузнецов (Головачев, с. 153; 1662 г.); *купленый* 'подкупленный'. — А тот же Иван Скобелцын всех казачьих купленых людей научал (ЦГАДА, ф. 214, ст. 127, л. 234; 1643 г.).

3. При наличии слова в «Словаре...» в дополнение могут войти различные варианты этого слова: *колмак* 'калмык'.— Да тот же колмак Чот нам холопем твоим на съезжем дворе сказал (ЦГАДА, ф. 214, кн. 252, л. 16; 1646 г.); *колмацкий* 'калмыкский'. — ... И в колмацкую сторону на промыслы не ходити (ЦГАДА, ф. 214, ст. 127, л. 226; 1643 г.) *колобард* 'колоберд', 'искаженное от алебарда'. — А воеводы пойдут ко храму или куды гулять а перед ними идет человѣк з двадцать с протозаны и с колобарды (Петлин, с. 291; 1618 г.); *клептать* 'клепать'. — Что онъ у того Никитки тридцать алтынъ денегъ не займовалъ тѣмъ де онъ его клептетъ (Кузнецов-Красноярский); *кыргизы* 'киргизская земля'.—...Что писано в сем списке подлинно и как сын боярской Казый Карякин и служивые люди пришли ис Томсково города в кыргизы (ЦГАДА, ф. 214, ст. 74, л. 402; 1632 г.); *кыргизский* 'киргизский'. — Кыргисково улуса (ЦГАДА, ф. 214, ст. 74, л. 441; 1632 г.); *кыргызкой* 'то же что кыргизский'.—Яз лаба с атаманом Дмитрием Копыловым кыргызким людем об государеве деле говорили (Миллер, т. 2, л. 427; 1635 г.); *кумгал* 'кумган, металлический кувшин для умывания' (Русско-ки-

тайские отношения в XVII в., с. 567, т. 1); *караульна* 'караульня'. — ...В съѢзжую избу князь Микита зерщиков и бражников приводити не велѢл а велѢл их приводити в караулну и к себѢ на двор (ЦГАДА, ф. 214, ст. 181, л. 174; 1627 г.); *кидываться* 'многокр. к кидаться'. — И он Федка и всѢ на него Офонася не кидывались (ЦГАДА, ф. 214, ст. 370, л. 34; 1650 г.); *киндюшный* 'сшитый из киндяка — одноцветной бумажной ткани'. — Шапки киндюшные (Головачев, с. 147; 1640 г.); *киргизитин* 'киргиз'. — На выѢзжемъ киргизитинѢ... ясаку два соболя съ пупки и с хвосты (Ясачные книги, с. 46; 1712 г.); *киргишенин* 'киргиз'.—А тот азям дан государева жалованья киргишенину Енеку которой приходил от киргизских и от улусных людей в Томской город (Расходные книги г. Томска, л. 218); *копьиный* 'копейный', 'полученный от копья'. — Милосердный государь дари изъ своей царской казны воинской сбруи пансырей... чтобы мы напрасною глядючею смертью отъ стрѢлныхъ и отъ копьиныхъ ранъ не померли (Головачев, с. 157; 1635 г.); *крупчатый* в словосочетании *крупчатая мука*. — ...Десятнику Мите Копылову гдрва жалованя 7 рублев 25 алтын а хлѢба 6 чет с осминою муки чет крупчет (ЦГАДА, ф. 214, ст. 31, ч. 1, л. 93; 1632 г.); *кумачея* 'кумач' (Головачев, с. 147; 1640 г.).

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что вовлечение в научный оборот новых материалов, в частности сибирских, может служить источником пополнения «Словаря русского языка XI—XVII вв.»[2].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бояршинова. — Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. — Труды Томск. ун-та, 1949, т. 12.

Головачев. — Головачев П. Томск в XVII в.

Кузнецов-Красноярский. — Кузнецов-Красноярский П. Томский сын боярский Федор Протопопов: (Материалы для истории Сибири). Томск, 1891.

Миллер. — Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1937, т. 1; 1941, т. 2.

Петлин. — Роспись Ивана Петлина, опубликованная Покровским. — Известия ОРЯС, 1914, т. 18, кн. 4.

Расходные книги — Расходная книга г. Томска 1630—1631 гг., хранящаяся в библиотеке Томского университета.

---

[2] Статья написана по материалам картотеки, Словаря среднеобский деловой письменности, хранящейся на кафедре русского языка Томского университета.

Русско-китайские отношения. — Русско-китайские отношения в XVII в.: Сб. документов. М., 1969, т. 1.

Степанов. — Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII в. — Известия Всесоюзного географического общества. М., 1958, т. 90, вып. 5.

Хилков. — Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, ф. 214.

М. А. РОМАНОВА

ВАРИАНТЫ ЗВОНКИХ ГУБНЫХ СПИРАНТОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Русские говоры Тюменской области (окающие и акающие старожильческие говоры, акающие говоры южнорусского типа), как и говоры европейской части страны[1], «представляют значительное многообразие употребления и артикуляции губных фрикативных согласных (губных спирантов)»[2]. Исследование данного звена консонантизма необходимо как «для истории данной группы звуков, так и для понимания развития системы согласных фонем современного русского языка в целом»[3]. Особенно важно изучение особенностей употребления и качества губных спирантов в русских говорах, находящихся в контакте с иноязычной средой.

В данной статье дается описание особенностей произношения звонких губных спирантов [В] и [В'] в старожильческих говорах Северного Зауралья (на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов). Материалом для исследования послужили записи, произведенные нами в 11 диалектологических экспедициях 1968—1978 гг. Изучение говоров велось путем непосредственного наблюдения диалектной речи в 48 населенных пунктах. Наблюдалась речь людей разных возрастов. Наиболее детально изучалась речь лиц старшего поколения, носителей традиционного слоя говоров.

Заселение данной территории русскими началось в конце XVI — начале XVII вв. Первоначальное население было выходцами в основном из северной и северо-восточной части Европейской России — из ряда уездов Вологодской, Вятской,

---

[1] См.: Русская диалектология/Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 75—79.

[2] Орлова В. Г. Губные спиранты в русском языке. — Труды Института русского языка. М.; Л., 1950, т. 2, с. 167.

[3] Там же.

Пермской и других губерний. Незначительное количество населения составляли носители среднерусских и южнорусских говоров [4].

В XVII и последующих веках русские говоры Северного Зауралья складывались и развивались в соседстве с угорскими диалектами [5], что не могло не оставить следов в системе консонантизма данных говоров.

Фонемы [В] и [В'] в старожильческих говорах Северного Зауралья могут реализоваться в звуках: губно-зубной согласный [В] или [В'] и губно-губной согласный (в транскрипции[Ў]). Кроме того, мы встречаем и случаи полной утраты согласного; следует полагать, что утрачивается не губно-зубной вариант [В], а губно-губной вариант [Ў] как звук с ослабленной артикуляцией.

В большинстве случаев согласные [В], [В'] и [Ў] (или нуль звука) выступают в совершенно тождественных положениях в речи одних и тех же лиц.

Например, в середине слова перед гласными И(Ы): пондрАвилса — не ндрАитца (Г. Слх. Шр.), жывЫх — жыЫх (Ш.), головЫ — голоўЫ—голоЫ (Окт. Ш.), ШАховы — ШАхоы (Слх.); перед У: ревУт—реўУт—реУт (Х-М), боковУ—бокоўУ—бокоУ (Срг.), на астраву на астраУ (Г. Кш.), ф хлевУ — ф хлеУшке (Г. Слх); перед Е: заревЕть — зареўЕть (Акс.), ревЕл — реЕл. (РеЕл—йэмУ не пошОл.—Бт.); перед О: готОво — готОўо — готОо (Л. З. Сел. Сух.), у у йэвО — у йэўО — у йэО (Б. З. Н. Нр. М. А; Сел. Плн. Ш.), дЁшово—дЁшоо (Б. Х-М), столОвой—столОой (Лм., Ш.), невозмОжно — неозмОжно (Н. Нр. Ш.); перед А: лОва—лОа (Г., Кш.), ВОва—ВОўа—Воа (Акс.), ШАхова—Шахоўа—ШАхоа. ДЕвечьчя фамИль ШАхоа былА (М.), сЫзнова—сЫзноўа—сЫзноа (Х-М) и под.

В начале слова перед гласными И: вИдиш—Идиш (Ц. Чмб.), вИш—Иш. (Иш, кАк нАз залевАло. — Ц.); Иш кАг барАхтатца (Ел.); перед Е: веть—ўеть—эть Эть .упЕть не дОбыл нечЁ (Плн.); Эть нАдо бОле двИгатца (Акс.); пе-

[4] См.: Романова М. А. Варианты фонемы [Л] в русских говорах Северного Зауралья. — В сб.: Проблемы сибирской диалектологии. Ч. 1. Красноярск, 1979, с. 40.

[5] См.: Романова М. А. Состав согласных фонем в русских говорах Северного Зауралья. — В сб.: Вопросы истории и диалектологии русского языка. Куйбышев, 1975, вып. 5, с. 3.

ред О: вот-от. От рЫбы-то налОвиш (Б.), вОзле—Озле. Озле стАйку (Окт), возмЁт—озмЁт (Б. Ш.), воспИтыват—оспИтыват (Б. Н. Нр. Л. М. А. Сух.) и под.

В положении перед согласными может выступать и [Ф]. В начале слова: взойдЁт—зойдЁт (Х-М), вздохнУ—здохнУл (Л. Слх.), вдрук—друк. Друк стАло темнО (Б.), внизу—низУ (Ст.), вьнезАпно—незАпно. УвизлИ незАпно. (Плн.), вьнимАньня — нимАньня (Кшн. М. М. А. Слх. Сух.), внУчька—нУчька (Б. М. Плн. Срг. Слх.), вмЕсте—мЕсте. Съ йИхным отрЯдом мЕсте шОл. (Х-М); мЕсте рыбАчили (Бз. Зв. Кш. П.), врЕме—рЕме (Б. М. Плн. Ш. Ч.); фстАвит—ставлЯйут. ИгрИме ставлЯйуд зУбы. (Б. Н. Нр.), фчерА—черАсь (Ч.), черА. УйЭхал черА (М. А.) и церА (М.), фсЯкайа—сЯкайа (М. А. Слх.) и сЯка. СЯка рИба йЭсь (Б. Н. Нр.), фсЁ—сЁ. Сё рЕме (Б. М. Ш.); сЁ знАт (Н. Нр. Слх. Шр.) и под.

В середине слова: вОфсе—Офсе (Зв. Кр. М. А.) и вОўсе—Оўсе (М. А.), ревновАл—реўновАл (Н. Нр.)—реновАл (Ел.), ревматИзьма—ррематИзьму. РематИзьму схватИл в водЕ (Н. Нр.), возвратИл (Б.) и озратИл (Л.).

В конце слова: корОў. КорОў выкУривайут (П.).

Переход [В] в [Ў] в конце слова и перед согласными наблюдается в ряде говоров севернорусского наречия[6]. А. А. Шахматов говоры с [Ў] указывает в Яренском, Тотемском, Сольвычегодском, Кадниковском, Вельском, Великоустюжском уездах. Вологодской губернии, в Слободском и Орловском уездах Вятской губернии[7]. Произношение [Ў] на месте [В] перед согласными и в конце слов А. И. Соболевский отмечает как главную черту говоров Белозерского края (Кадниковский и Тотемский уезды)[8].

---

[6] См.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Говоры Верхнего Поветлужья: Фонетика и диалектические группы. Нижний Новгород, 1931, с. 21; Дурново Н. Н. Краткий очерк русской диалектологии. Харьков, 1914, с. 24; Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 1, с. 30; Орлова В. Г. О говоре с. Пермас Никольского района Вологодской области. М.; Л., 1949, т. 1, с. 51.

[7] См.: Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915, вып. 2, с. 289—290.

[8] См.: Соболевский А. И. Заметка о вятском говоре. — РФВ, Варшава, 1906, т. 5, кн. 1—2, с. 86.

А. М. Селищев, отмечая неслоговое [Ў] вместо губно-зубного [В] в конце слова в отдельных говорах Сибири, считает, что этот звук «находится в родственной связи с таким же образованием в тех или иных говорах на северо-востоке Европейской России»[9].

Как видно из приведенного материала, в наших говорах позиционно не обусловленный вариант [Ў] в положении между гласными и в начале слова отмечен в целом ряде словоформ (голоуЫ, бокоуУ, готОуо, осноуАли и под.); в положении же перед согласными и в конце слова [Ў] наблюдается лишь в речи отдельных носителей архаического слоя говоров.

Звук [Ў] в позиции между гласными А. А. Шахматов фиксирует в Слободском уезде Вятской губернии (поуоро́т'ит) и в Казанском уезде (ёуо́, сёуо́дня)[10]. Произношение типа Р'ИУУТ (ревут) А. И. Иванова отмечает в старожильческом говоре северо-западной части Енисейского района Красноярского края[11].

Широко распространена в севернорусских и сибирских говорах редукция согласного до нуля звука. Выпадение [В] [Ў] обычно наблюдается в начале и в середине слова, особенно в соседстве с лабиализованными гласными[12], а также перед согласными З и С[13]. Данное явление широко распространено также в русских говорах Сибири и Урала[14].

---

[9] Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, вып. 1, с. 171.

[10] См.: Шахматов А. А. Указ. соч., с. 294.

[11] См.: Иванова А. И. Консонантизм старожильческого говора северо-западной части Енисейского района Красноярского края. — Учен. зап./Енисейск. пед. ин-т. Вып. 3. Сер. ист.-филол. Енисейск, 1959, с. 145.

[12] См.: Кузнецов П. С. Указ. соч., с. 30; Мораховская О. Н. Говор д. Уляхино Курловского района Владимировской области. — Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957, т. 17, с. 195; Носова З. И. Консонантизм говоров Братского района. — Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, вып. 1, с. 160; Шахматов А. А. Указ. соч., с. 294.

[13] См.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Указ. соч., с. 22; Лисенкова Д. Т. Консонантизм в говоре с. Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР. Сыктывкар, 1964, с. 12; Михеева М. С. Система согласных звуков в говоре с. Серегово Железнодорожного района Коми АССР. — Учен. зап./Коми пед. ин-т. Сыктывкар, 1960, вып. 8, с. 23—26.

[14] См.: Алёхина В. В. Говор северо-восточной части Емельяновского района Красноярского края. — Учен. зап./Красноярск. пед. ин-т, т. 13. Сер. ист.-филол. Красноярск, 1958, вып. 2, с. 14; Селищев А. М.

Большинство исследователей эту характерную черту для многих севернорусских говоров объясняют ослаблением артикуляции употребляющегося в прошлом [У] неслогового в начале слова в сочетаниях, трудных для произношения[15].

Есть основания полагать, что в прошлом в русских говорах Северного Зауралья дифференциация двух вариантов фонемы [В] была фонетически обусловлена: [Ў] — перед лабиализованными гласными [У] и [О] (в этом положении происходила регрессивная аккомодация), а перед нелабиализованными — [В]. Из имеющихся у нас примеров [Ў] или нуль звука чаще всего произносится в словоформах перед лабиализованными гласными. Перед остальными гласными в большинстве случаев звучит [В].

О. Брок, фиксируя произношение типа РОЗГОWОР, ВДОWУ в говорах юго-западной части Тотемского уезда, замечает: «Склонность к развитию W стоит в связи с известной лабиализацией, переданной от следующей гласной»[16]. Главным же моментом при изменении [В] автор считает ослабление артикуляции звука[17].

В изучаемых говорах фонетически не обусловленный вариант [Ў], а также нуль звука в ряде примеров выступает и перед гласным А (ВОва—Воўа—Воа, основАли—осноўАли, корОва—корОўа—корОа и под.). Случаи изменения [В] > > [Ў] или выпадения [Ў] перед А в наших говорах, видимо, можно объяснить вообще сильным воздействием «двух гласных на интервокальный спирант»[18]. Этому способствовало также наличие предшествующего лабиализованного звука (сЫзнова—сЫзноўа—сЫзноа, увАл—уўАл—уАл, ПолновАт—ПолноўАт—ПолноАт и под.).

Указ. соч., с. 39—40; Сенькевич В. А. Заметки о говоре Парабельского района Тюменской области. — Учен. зап./Томск. ун-т, № 19. Языкознание. Томск, 1954, с. 73; Турбин Г. А. Губные спиранты в старожильческих говорах Южного Урала. — В сб.: Вопросы истории и диалектологии руского языка. Челябинск, 1974, вып. 6, с. 7.

[15] См.: Иванова А. И. Указ. соч., с. 145; Мораховская О. Н. Указ. соч., с. 14; Светлова В. Н. Фонетические особенности говоров Исетского района Тюменской области. — Учен. зап./Тюменск. пед. ин-т. Тюмень, 1963, т. 21, вып. 3, с. 54—55.

[16] Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. — Сб. ОРЯС АН. СПб., 1907, т. 83, № 4, с. 73.

[17] См.: Там же, с. 74.

[18] Орлова В. Г. Указ. соч., с. 181.

Вторым условием разграничения [В] и [Ў] была, очевидно, твердость—мягкость согласного: в [Ў] переходил звук [В], а изменению мягкого [В'] мешала дополнительная йотовая артикуляция. Из имеющихся у нас примеров только в одном [Ў] звучит вместо мягкого [В'] (ўеть), лишь в 11 случаях мягкий звук [В'] сокращается до нуля звука (заИдовал, стАили, постАили, прАильно, зАись, прАила, напрАили, отпрАили, застАила, не ндрАитца, пондрАилась).

Что касается дифференциации обоих вариантов фонем перед согласными, то можно отметить, что в большинстве из имеющихся примеров в нуль звука превращался [В], который был элементом приставки ВЗ- (зглен̆Ул, зрОслы и под.), а под влиянием таких слов звук [В] исчез и тогда, когда был приставкой перед корнем, начинающимся со звука [С] (ставАй), и даже тогда, когда входил в состав корня (сё—всё, сЯку—всякую).

Для большинства русских говоров Северного Зауралья (по нижнему течению Иртыша и Оби) из двух вариантов фонемы [В] ([В] и [Ў]) первичным, вероятно, является [Ў]. Это подтверждается, в первую очередь, тем, что здесь возможно произношение типа столОх, голОхки, которое исторически явилось результатом оглушения губно-губного В(W) [19].

А. М. Селищев замечает, что на билабиальный характер звука В(W) в ряде сибирских говоров указывает утрата [В] между гласными [20]. «Выделение звука, соответствующего звуку u другого говоров между гласными, — подчеркивает А. А. Шахматов, — объясняется легче всего при предположении, что выпало именно u» [21]. Встречающийся в памятниках пропуск [В] перед гласным У он объясняет тем, что «и держалось перед u упорнее, например, чем перед А или Ы» [22].

В. Г. Орлова подчеркивает, что в период перехода того или иного говора к употреблению губно-зубного спиранта «случаи выпадения интервокального W становятся возможными лишь в позициях, где билабиальность поддержана соседством с лабиализованным гласным, усиливающим активность обеих губ при образовании предшествующего спи-

---

[19] См.: Русская диалектология..., с. 78.
[20] См.: Селищев А. М. Указ. соч., с. 40.
[21] Шахматов А. А. Указ. соч., с. 294.
[22] Там же.

ранта»[23]. В случаях типа гОлоу, нА оз (на воз) П. С. Кузнецов видит «сравнительно недавнее в рассматриваемых говорах билабиальное произношение W»[24]. Большинство исследователей сибирских говоров в сосуществовании [В]—[Ў]—нуль звука новым явлением считают вариант губно-зубной [В][25].

В говорах, которым в прошлом было свойственно губно-губное образование [В][Ў], исследователи обычно фиксируют также спорадическую замену мягкого [В'] звуком йот[26].

В русских говорах Северного Зауралья в положении перед И и Е иногда слышится короткий звук [В'], близкий на слух к [Й]. В ряде случаев отмечено даже [Й]: готОйились (Х-М), лойИли (Б.) чиайЭк — «человек» (Б. Ш.), чиайЭка (М.-А.), на трайЭ (М. А. Ш.). Ср. отдельные случаи [Й] < [В'] перед другими гласными: лОйат (Б. Бз. Ш.), постАйат (Р., Сел., Ш.), налОйат (Б.), зойОт (Ст.), жыйОт (Сел. Сух. Х-М). Заметим, что А. А. Шахматов в произношении СЪjОЛ (свёл) усматривает выпадение [Ў] (u̯)[27].

Возможно, на сохранении и устойчивости фонетически не обусловленного варианта [Ў] в положении перед гласными в исследуемых говорах сказалось иноязычное влияние. В хантыйском и мансийском языках [В] имеет губно-губную артикуляцию (щель образуется при сближении верхней и нижней губ)[28]. Выше отмечалось, что в русских говорах Северного Зауралья широко распространено явление утраты начального звука [В] и в середине слова в сочетаниях ВЗ (ВС), ВМ, ВН, ВР и др. (зойдЁт, ставлЯйут, мЕсте, нУчка, рЕме, реновАл, рематИзьму, возратИл и озратИл и под.).

---

[23] Орлова В. Г. Указ. соч., с. 131.

[24] Кузнецов П. С. Указ. соч., с. 30.

[25] См.: Бобряков Н. А. Говоры Киренского района Иркутской области от Киренска до Чечуйска (фонетико-морфологический очерк): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1961, с. 7; Иванова А. И. Указ. соч., с. 146; Носова З. И. Указ. соч., с. 163; Светлова В. Н. Указ. соч., с. 54—55.

[26] См.: Бобряков Н. А. Указ. соч., с. 6; Носова З. И. Указ. соч., с. 162—163.

[27] См.: Шахматов А. А. Указ. соч., с. 294.

[28] См.: Кастрен А. Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем. Тобольск, 1902, с. 12; Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобский диалект). Ханты-Мансийск, 1942, с. 24; Русская Ю. Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961, с. 6; Терёшкин Н. И. Методические указания к букварю на языке ваховских ханты. Л., 1960, с. 11.

Здесь также могли сказаться некоторые особенности хантыйского языка, которому не свойственно стечение согласных в начале слова (и слога вообще)[29]. Ни с одним из согласных в хантыйском языке звук [В] не сочетается, даже в середине слова[30]. Поэтому при заимствовании русских слов ханты часто теряют начальный согласный перед следующим согласным: трук(вдруг), нисУ(внизу) (Акс. М. А.).

Таким образом, звук [Ў] в исследуемых русских говорах, вероятно, принесен из говоров метрополии (этот звук известен многим говорам северо-востока), а удержался в результате влияния языка аборигенов, в данном случае хантов. Особенно в этом убеждают случаи утраты [В] и [В'] в положении после согласного перед гласным. Напр.: своИм—соИм (М.), квошОнка—кошОнка (Ст.), квас—кас (кАс вЫшэл вЕшь—М. Слх.), двЕсти—дЕсти (П. Ч.).

В заключение сделаем следующие выводы:

1. В архаическом слое русских говоров Северного Зауралья звонкие губные спиранты выступают в позиционно не обусловленных вариантах [В]—[Ў]—нуль звука и [В']—[Ў]—нуль звука—[Й] (корОва—корОўа—корОа, вЕть—ўЭть—йЭть, пондрАвилса—ндрАитца).

2. В русских говорах Северного Зауралья губно-губное произношение [В] (или [Ў] неслогового) могло быть вынесено первыми насельниками этого края с северо-востока Европейской России, но его закрепление и дальнейшее развитие проходило под воздействием угорских диалектов.

3. О существовании в прошлом в архаической системе данных говоров [В] губно-губного образования свидетельствуют, по-видимому, такие диалектные явления, как наличие вариантов [В]—[Ў] (в интервокальном положении и в начале слова перед гласными), [В]—нуль звука (выпадение спирантов [В], [В'] в позиции перед лабиализованными гласными, перед согласными и после согласных в начале и середине слова) и [В']—[Й] (чаще перед гласными И и Е).

---

[29] См.: Животиков П. К. Указ. соч., с. 26, 27; Кастрен А. Указ. соч., с. 24; Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык.— В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. Л., 1937, с. 202.

[30] Кастрен Л. Указ. соч., с. 25.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Акс. — Аксарка, Приуральского района
Б. — Березово, Березовского »
Бз. — Базьяны, Ханты-Мансийского »
Бт. — Батово, » »
Г. — Горки, Шурышкарского »
Ел. — Елизарово, Ханты-Мансийского »
З. — Зенково, » »
Зв. — Заводные, » »
Кш. — Кушеват, Шурышкарского »
Кшн. — Кушникова, Сургутского »
Кр. — Карымкары, Октябрьского »
Л. — г. Лабытнанги
Лм. — Лямина, Сургутского района
М. — Мужи (центр Шурышкарского с/с)
М. А. — Малый Атлым, Октябрьского района
Н. Нр. — Нижние Нарыкары, » »
Окт. — Октябрьский, » »
П. — Перегребное, » »
Плн. — Полноват, Березовского »
Р. — Репалово, Ханты-Мансийского »
Сел. — Селиярово, » »
Слх. — Салехард (центр Ямало-Ненецкого автономного округа)
Срг. — Сургут (центр Сургутского района)
Ст. — Сытомино, Сургутского района
Сух. — Сухорукова, Ханты-Мансийского »
Х-М — Ханты-Мансийск (центр Ханты-Мансийского автономного округа)
Ц. — Цингалы, Ханты-Мансийского района
Ч. — Чемаши, Октябрьского »
Чмб. — Чембакчино, Ханты-Мансийского »
Ш. — Шеркалы, Октябрьского »
Шр. — Шурышкары, Шурышкарского »

Г. А. САДРЕТДИНОВА

ВОКАЛИЗМ СРЕДНЕОБСКОГО ДИАЛЕКТА

(фонологическое описание)

Исследование фонетической системы современных говоров, в том числе и говоров позднего заселения, представляет несомненный научный интерес в плане изучения структуры национального языка как единого целого.

Вокализм среднеобского диалекта до сих пор не был предметом специального исследования, хотя кафедра русского языка Томского университета располагает богатым для изучения фонетического уровня говоров материалом в виде рукописных и магнитофонных записей диалектной речи, сделанных в ходе ежегодных, начиная с 1946 г., диалектологических экспедиций в старожильческие села Томской области, в виде ответов на вопросы «Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка» (М.; Л., 1947) [1].

Предпринимаемое в данной статье фонологическое описание вокализма среднеобского диалекта ставит своей целью изучение гласных фонем среднеобского диалекта как системы систем, рассмотрение общих и различительных ее звеньев, при равном внимании как к элементам общерусским, так и к собственно-диалектным; выявление типов диалектных вока-

---

[1] При написании статьи использовались сведения о среднеобском вокализме, содержащиеся в работах, посвященных старожильческим говорам средней части бассейна р. Оби (См.: Черемисин П. Г. Современные русские говоры по нижнему течению р. Яи (Томская область) и их история: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1949; Сенкевич В. А. Говор Парабельского района Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1950; Палагина В. В. Современный говор старожильческого населения западной части Томского района Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1951; Браславец К. М. Фонетика старожильческих русских говоров по старому водному пути с Иртыша по Енисей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1959; Блинова О. И. Фонетические особенности с. Вершинина Томской области. — Вопросы русского языка и его говоров, Томск, 1976).

лических различий среднеобского диалекта по степени фонематичности, по соотношению общерусских и собственно-диалектных членов соответственных явлений, образующих диалектные различия, что позволяет сделать некоторые выводы о месте вокалических систем среднеобского диалекта в системе национального языка.

Вокализм среднеобских говоров характеризуется значительным единством. Это единство обнаруживается 1) в составе дифференциальных признаков (ДП) гласных фонем; 2) в инвентаре фонем; 3) в составе сильных и слабых позиций различения фонем; 4) в фонетической реализации фонем как под ударением, так и в некоторых безударных позициях.

Гласные под ударением

Фонологическая система среднеобского диалекта характеризуется пятифонемным составом гласных: $И^5$, $У^5$, $Е^5$, $О^5$, $А^5$. Она организована на основе использования двух типов ДП: 1) лабиализованность — нелабиализованность, 2) три степени подъема.

Характеристика гласных фонем с точки зрения их ДП:

фонема $И^5$—ДП нелабиализованность (см. оппозицию И—У), верхний подъем (см. оппозицию И—Е);

фонема $У^5$—ДП лабиализованность (см. оппозицию У—И), верхний подъем (см. оппозицию У—О);

фонема $Е^5$—ДП нелабиализованность (см. оппозицию Е—О), средний подъем (см. оппозицию Е—И);

фонема $О^5$—ДП лабиализованность (см. оппозицию О—Е), средний подъем (см. оппозицию О—У);

фонема $А^5$—ДП нижний подъем (см. оппозицию А—Е).

Различение гласных по ряду фонологически не существенно. Ряд гласных позиционно обусловлен. Это позиции: 1) после паузы, не перед мягкими согласными (a, at), 2) после твердого не перед мягкими согласными (ta, tat), 3) после мягкого согласного перед твердым (t'at), 4) после паузы перед мягкими согласными (at'), 5) после твердого согласного перед мягким согласным (tat'), 6) между мягкими согласными (t'at').

Примеры фонетической реализации гласных фонем под ударением.

Фонема $А^5$: а; там, та; д'а́тл'и; а́с'инъ; пла́т'т'и; д'ӓ́т'к'и; зъкр'ич'ел'и, ап'ет'.

Фонема О⁵: он; лом, во; в'óрс; óл'ка; дóн'ик; п'öс'ні; зв'ездъч'ка.

Фонема Е⁵: этот; аттэда, мытыфэ; м'ерк'и; эт'и; в ымтыэс'ь; п'е̂л'и; с'и̂в'ер, йи̂с'.

Фонема И⁵: и, иглы; ты; н'итк'и; ил'ьн'ка; были; скалат'и̂л'и.

Фонема У⁵: угъл; сутк'и; л'уты, ул'и, гут'а.

Таким образом, в среднеобских говорах, как и в литературном языке, все 6 позиций ударного слога — сигнификативно сильные позиции, так как в них представлено максимальное число единиц, возможных в исследуемых говорах.

Схема 8

Фонетическая реализация гласных фонем среднеобских говоров под ударением

Позиция	А⁵	О⁵	Е⁵	И⁵	У⁵
1. a, at	а	о	э	и	у
2. ta, tat	а	о	э	ы	у
3. t'at	а	ȯ	е	и	у̇
4. at'	ȧ	ȯ	э	и	у̇
5. tat'	ȧ	ȯ	э	ы	у̇
6. t'at'	ä	ö	ê	и̂	ӱ

Фонема Е в позиции после твердых согласных представлена в незначительном числе собственно-диалектных слов (аттэл', аттэда), в некоторых заимствованных словах (ш'инэл') и в аббревиатурах, однако это не противоречит определению позиции после твердых согласных как сильной, ибо в ней выступают все возможные по условиям дистрибуции гласные фонемы. В реализации фонемы Е в говорах Среднего Приобья и литературном языке различий нет, за исключением лексикализованной реализации фонемы Е, восходящей к [Е] древнерусского языка, в звуке И в словоформах с'ив'ьр, ис'.

Как видно из схемы фонетической реализации гласных фонем под ударением, фонема А в среднеобских говорах реализуется в тех же звуках, в каких она реализуется в литературном языке. Отмечаемый повсеместно в данном регионе лексико-фонетический вариант слова опять—опеть, а

также сужение сферы употребления фонемы А за счет более широкого употребления суффикса -Е- в инфинитивной основе глаголов: закр'ич'ет', кр'ич'ел, стуч'ел, вижэл'и (в нарымских и причулымских говорах) свидетельствует о существовании в прошлом в исследуемых говорах иной системы ударенного вокализма, где позиция t'at' была слабой для оппозиции фонем А—Е по ДП нижний подъем — средний подъем. Еще в конце 40 — начале 50-х гг. «в говорах Парабельского района имела место особенность—переход А в Е между мягкими согласными — правда как малоустойчивая черта»[2]. В настоящее время это явление даже в традиционном слое говора отмечается как лексикализованное (ап'ет') или морфологизованное (стуч'ел'и, стуч'ел). Сфера употребления Е в старожильческих говорах Среднего Приобья расширена также за счет И в окончаниях неличных местоимений, порядковых числительных: одн'е, твойех; в инфинитивных суффиксах: гавар'ет', уч'ел'ис', абр'ет', растап'еца, пъсал'ел'и, и в корнях слов: нал'еф, бат'енач'к'и, л'ев'ьн', кварт'ера, мун'д'ер, ал'ум'ен'ива. Особенно устойчиво такое произношение в притомских и нарымских говорах.

Для среднеобских говоров характерно произношение в ряде словоформ О в соответствии с А литературного языка: вышог'иват', пасод'ут, заплот'ит, правол'уца, атломываца, покас', тошут, намозывът', намотывът'. Круг этих слов особенно широк в говорах Томского и Кривошеинского районов.

Итак, современное состояние ударенного вокализма среднеобских говоров характеризуется не только единством, но и общностью определяющих систему говоров звеньев с литературным языком. Диалектные различия касаются фонемного состава отдельных словоформ, то есть не имеют непосредственного отношения к фонетической системе говоров как таковой.

Гласные первого предударного слога

а. После твердых согласных. В этой позиции в среднеобских говорах представлены три слабые фонемы $\frac{И^3—У^3}{А^3}$, которые противопоставлены по двум ДП (степень подъема, лабиализованность — нелабиализованность) и имеют такой набор ДП: фонема $И^3$ — верхний подъем (см.

---

[2] Сенкевич В. А. Указ. соч., с. 246.

оппозицию И—А по ДП верхний — неверхний подъем), нелабиализованность (см. оппозицию И—У по ДП нелабиализованность — лабиализованность); фонема $У^3$—верхний подъем (см. оппозицию У—А по ДП верхний—неверхний подъем); лабиализованность (см. оппозицию У—И по ДП лабиализованность—нелабиализованность; фонема $А^3$—неверхний подъем). Слабая фонема $А^3$ — эквивалентна двум сильным фонемам—$О^5$, $А^5$—неверхнего подъема: нос—насы, сам—сама; слабая фонема $И^3$—эквивалент сильной фонемы $И^5$: дым—дымар'; слабая фонема $У^3$—эквивалент сильной фонемы $У^5$: лук—луга. Среднеобские говоры характеризуются недиссимилятивным аканьем, следовательно, безударные гласные Ы, У, А реализуют три слабые фонемы $И^3$, $У^3$, $А^3$, которые противопоставлены друг другу в словоформах с любым ударным гласным: казак, драва, рука, рыбак; травой, дамой, рукой, рыб'ошка. Диалектные различия в этом звене фонетической системы говоров обнаруживаются в фонемном составе отдельных словоформ. Так, в слове бывать и производных от него на месте Ы в среднеобских говорах произносится У: дабуват', буват', абуват'ъл'ск'и. Лабиализация Ы в позиции между губными в данных словах отмечается, как правило, у представителей старшего поколения. Нарымские и прикетские говоры отличаются некоторым ослаблением оппозиции У—И: здесь наблюдаются, с одной стороны, случаи лабиализации Ы после губных (прамушл'ат', падмуваца) как результат межслоговой ассимиляции (мужики, музуканшык), а с другой — произношение Ы на месте У (пыш'н'ина). Такое произношение характеризует речь традиционного слоя говоров и регулярно только в словах пыш'н'ина и прамушл'ат'.

б. После мягких согласных. Современные среднеобские говоры характеризуются неразличением гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных. В прикетских, причулымских говорах в анализируемой позиции выступают две единицы, две слабые фонемы верхнего подъема $И^2$—$У^2$, характеризующиеся ДП нелабиализованность ($И^2$) и ДП лабиализованность ($У^2$). $У^2$ выступает как эквивалент сильной формы $У^5$: л'уба—л'убан'а; $И^2$—эквивалент четырех сильных фонем $И^5$, $Е^5$, $О^5$, $А^5$: с'ин'и—с'ин'аф'к'и, д'еф'к'и—д'ивах'и, бр'овнъ—бр'ивна, пан'ат'—пан'ила.

В притомских, приобских, нарымских говорах предударный вокализм после мягких согласных представлен двумя

типами. Это, с одной стороны, иканье (как в прикетских и причулымских), характеризующее речь носителей передового слоя этих говоров, и еканье, отмечаемое у представителей старшего поколения, носителей традиционного слоя говоров. Количество единиц, различаемых в этой позиции в разных системах, неодинаково. При иканье, как отмечалось, функционируют две слабые фонемы $И^2$—$У^2$, при еканье различаются три слабые фонемы $\frac{И^3—У^3}{Е^3}$. $И^3$—ДП верхний подъём, нелабиализованность, $У^3$—ДП верхний подъем, лабиализованность, $Е^3$—ДП неверхний подъем. Слабая фонема $Е^3$ — эквивалент 3 сильных фонем $Е^5$, $О^5$, $А^5$: р'ат—р'едоф, в'одръм—в'едро, в'едра, р'еч'ка—р'ека.

Еканье — явление разрушающееся. На путях перехода от еканья к иканью в говорах наблюдается неразличение Е и И, произношение Е на месте фонематического И: вено, понела, велок, з'ема, к'ено, п'есмо и т. п. Как отмечает О. И. Блинова, «реализация Е в И находит значительное отражение в орфографии у школьников (ветал дым, удевлён, полетрук, партезаны) и у малограмотных колхозников (веновность, напелись, седят, прегнал)»[3].

в. После шипящих и Ц. Позиция после шипящих в среднеобских говорах — позиция неоднородная, ибо качество Ж и Ш в разных группах говоров среднеобского диалекта неодинаково.

В приобских, нарымских, части притомских говоров, где шипящие мягкие, позиция первого предударного слога после шипящих не изолированная, не уникальная, реализация гласных здесь совпадает с их реализацией после парных мягких согласных: в этой позиции функционируют три слабые фонемы $\frac{И^3—У^3}{Е^3}$. Нелабиализованный гласный среднего подъема переднего ряда реализует слабую фонему $Е^3$, являющуюся эквивалентом трех сильных фонем $Е^5$, $О^5$, $А^5$: жар—ад ж'еры, жонка—ж'ена, ш'ес'—ш'ес'т'орк'и. Под влиянием литературного языка обнаруживается тенденция к реализации слабой фонемы неверхнего подъема в звуке средне-верхнего подъема $И^е$.

В причулымских и прикетских говорах позиция после шипящих и Ц—своеобразна, отлична от позиции после парных твердых согласных. Здесь функционируют не три, а две сла-

---

[3] Блинова О. И. Указ. соч., с. 46.

бые фонемы: $И^2$ (ДП нелабиализованность), $У^2$(ДП лабиализованность). Слабая фонема $У^2$—заместитель сильной фонемы $У^5$: жул'ик—жул'йо, $И^2$—четырех сильных фонем $И^5$, $Е^5$, $О^5$, $А^5$: жоны—жыны, жарко—в жыр'е, шес' — к шыст'и; пацан—пацыном, цед'ит—цыд'илк'и.

Современное состояние среднеобских говоров характеризуется тенденцией к унификации реализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге: позиция после шипящих перестает быть исключительной, то есть после них, как и после парных твердых согласных, выступает слабая фонема $А^3$, функционально эквивалентная сильным $А^5$, $О^5$, таким образом; наряду с Ы в словоформах—жара, жених, жалеть наблюдается произношение А: лашад'ах, жары, жал'ет', жан'их.

Гласные не первого предударного и заударного слогов

а. После твердых согласных. Отмеченная позиция во всех исследуемых говорах слабая: Здесь выступают три слабые фонемы, $\frac{И^3—У^3}{А^3\,(ъ)}$, но качество звука, в котором реализуется слабая фонема неверхнего подъема, в разных группах говоров среднеобского диалекта неодинаково. Прикетские говоры характеризуются качественной редукцией гласных не в первом предударном и заударном слогах, слабая фонема неверхнего подъема реализуется в звуке среднего ряда, средне-верхнего подъема $Ъ^ы$: н$Ъ^ы$ бируцъ, м$ъ^ы$лады, базар$ъ^ы$ф, д'икт$ъ^ы$р$ъ^ы$ф[4]. В других группах среднеобских говоров степень редукции гласных «одинакова или почти одинакова для второго и первого предударных слогов»[5], то есть слабая фонема неверхнего подъема, функционально эквивалентная двум сильным фонемам $О^5$, $А^5$, в анализируемой позиции реализуется в звуке А: паб'ижала, карамо, пакупаш', пам'ешала, нада, самахотка. В прикетских говорах в позиции после губных и заднеязычных во втором предударном слоге произносится звук, близкий к У, таким образом, происходит нейтрализация противопоставления О и У.

б. После мягких согласных. В анализируемой позиции отмечается разнообразие подсистем, свойственных

---

[4] Браславец К. М. Фонетика старожильческих русских говоров... Автореф. дис. ... канд. филол. наук, с. 6—8.

[5] Сенкевич В. А. Указ. соч., с. 231, 241.

разным группам среднеобских говоров или разным слоям одного говора.

Передовой слой среднеобских говоров представлен системой, состоящей из трех слабых фонем $\frac{И^3—У^3}{ъ}$, где слабая фонема неверхнего подъема — функциональный эквивалент трех сильных фонем $Е^5$, $О^5$, $А^5$: выт'аг'иват'—выт'ьну, п'ьр'иб'ешка—выб'ьгу, н'ос—вын'ьсу.

В прикетских говорах наряду с этой в традиционном слое говоров функционирует система из двух слабых фонем $И^2—У^2$, где $И^2$ — заместитель четырех фонем $И^5$, $А^5$, $О^5$, $Е^5$. Как отмечает К. М. Браславец, во втором предударном слоге в прикетских говорах наблюдается «значительная редукция гласных сочетания -ере-: п'ир'дала, фс'е, п'ир'в'ил'ис', п'ир'с'ил'енка, п'ир'пац'ела, окна пр'илопал'ис', пр'имойт'и пасуду»[6]. Традиционный слой нарымских и притомских говоров характеризуется наличием системы из двух слабых фонем $\frac{У^2}{Е^2}$, где слабая фонема неверхнего подъема реализуется звуком средне-нижнего подъема, акустически средним между А и Е, являясь эквивалентом четырех сильных фонем: ч'е^{а}тыр'е^{а}, с'е^{а}л', сав'ет, п'е^{а}стр'ины, п'е^{а}так'и, ид'ит'е^{а}, астарожн'е^{а}, байаре^{а}н, в'ен'е^{а}к'и, н'е^{а} в'ер'ил, дв'ес'т'е^{а}, ваз'ил'е^{а}, хват'е^{а}т. Нейтрализация противопоставления Е—И проявляется в письме школьников. Как пишет В. А. Сенкевич, «наибольшее число ошибок у учащихся нарымских школ на правописание безударного И: выберать, удевился, залевать, горезонт, перожок, ресовать, пеонер»[7].

в. В абсолютном начале слова. Вокализм абсолютного начала слова в среднеобских говорах представлен двумя типами. В приобских, причулымских, нарымских говорах функционирует система из трех слабых фонем $\frac{И^3—У^3}{А^3}$, характеризующихся двумя ДП: $И^3$—верхний подъем, нелабиализованность, $У^3$—ДП верхний подъем, лабиализованность, $А^3$—ДП неверхний подъем. Слабая фонема $А^3$ эквивалентна

---

[6] Браславец К. М. Фонетика старожильческих русских говоров... Автореф. дис. ... канд. филол. наук, с. 8.

[7] Сенкевич В. А. Указ. соч., с. 240. Подобные факты отмечает О. И. Блинова в притомских говорах. (См.: Блинова О. И. Указ. соч., с. 46).

двум сильным фонемам $О^5$, $А^5$: отпуск — атпускай, ан'д'ел — ан'д'елоч'ик.

В прикетских и притомских говорах представлена система из двух слабых фонем $И^3$—$У^3$, характеризующихся ДП нелабиализованность — лабиализованность, где слабая фонема $И^3$ — заместитель трех сильных фонем: им'е^а—им'ино, отпуск—итпускал, агръгарадок—играном. Произношение И в абсолютном начале слова—ибашли, идб'ир'ом, ибласок, итлам'ил, иф'ицер — в притомских говорах устойчиво сохраняется в речи старшего поколения, а у молодежи отсутствует. В прикетских говорах вариант И после паузы появляется постоянно в речи всех слоев населения, характеризует произношение как старых, так и новых для говора лексем: «ибли­гацыи, игитироват', илименивы, икуратны. В случае утраты начального согласного гласный, оказавшийся начальным, обычно «преобразуется» в «И» — испал'ен'иъ, исударствьны» [8].

Сравнительно-типологическое описание вокализма среднеобского диалекта позволило выявить, с одной стороны, черты, общие системам гласных всех групп среднеобских говоров, с другой — черты, их различающие.

Единство среднеобских говоров на уровне вокализма обнаруживается в чертах, общих с литературным языком:

1) во всех среднеобских говорах функционирует, как и в литературном языке, система из пяти сильных фонем (под ударением), характеризующихся двумя ДП;

2) совпадает во всех среднеобских говорах состав сильных и слабых позиций различения фонем по всем ДП;

3) одинакова во всех говорах среднеобского диалекта и литературном языке реализация гласных первого предударного слога после твердых согласных.

Диалектные различия касаются таких звеньев вокализма, как

1) состав слабых фонем в первом предударном слоге после мягких согласных:

прикетские, причулымские говоры	притомские, приобские, нарымские говоры
$И^2$—$У^2$	$\frac{И^3—У^3}{Е^3}$

[8] Браславец К. М. Фонетика старожильческих русских говоров... Автореф. дис. ... канд. филол. наук, с. 7.

2) состав слабых фонем в первом предударном слоге после шипящих и Ц:

прикетские,
причулымские говоры

$И^2—У^2$

притомские, приобские,
нарымские говоры

$\frac{И^3—У^3}{Е^3}$

3) состав слабых фонем в не первом предударном и заударном слогах:

причулымские,
приобские говоры

$\frac{И^3—У^3}{Ъ}$

прикетские
говоры

$И^2—У^2$

нарымские,
притомские говоры

$\frac{У^2}{Е^2}$

4) состав слабых фонем в абсолютном начале слова:

прикетские,
притомские говоры

$И^2—У^2$

приобские, причулымские,
нарымские говоры

$\frac{И^3—У^3}{А^3}$

5) набор ДП слабой фонемы верхнего подъема $У^2$ в не первом предударном и заударном слогах:

прикетские говоры
ДП $У^2$—лабиализованность (см. оппозицию $У^2—И^2$ по ДП лабиализованность — нелабиализованность)

притомские, причулымские,
приобские, нарымские говоры
ДП $У^2$ — лабиализованность, верхний подъем (см. оппозицию $У^2—Е^2$ по 2 ДП)

6) реализация слабой фонемы неверхнего подъема после твердых согласных во втором предударном слоге:

прикетские
говоры

Ъ

притомские, приобские,
причулымские, нарымские
говоры

А

7) фонемный состав слов ливень, мундир, квартира, ботиночки, алюминиевый:

притомские, нарымские говоры	прикетские, причулымские, приобские говоры
л'ев'ен'	л'ив'ън'
мун'д'ер	мун'д'**ир**
кварт'ера	кварт'**ира**
бат'енач'к'и	бат'**и**нъч'к'и
ал'ум'ен'ивы	ил'ум'**ин**'ьвы

Сопоставление членов соответственных явлений, образующих диалектные различия среднеобских говоров, с соответствующими элементами системы литературного языка показывает, что общность вокалических систем среднеобского диалекта как целого с системой гласных фонем литературного языка проявляется не только в звеньях, единых для среднеобского диалекта, но и в звеньях, составляющих диалектные различия: в пяти случаях из семи (2, 3, 4, 6, 7) один из членов соответственных явлений совпадает с соответствующим звеном литературного языка. Знаменательно то, что как совпадающие, так и не совпадающие звенья вокалических систем среднеобских говоров и литературного языка реализуют общерусскую тенденцию упрощения системы гласных фонем, но в среднеобских говорах, как показывает материал, эта тенденция в ряде моментов проявляется более последовательно, более ярко.

С. П. ПЕТРУНИНА

ОБ ИЗБЫТОЧНОСТИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ХАРАКТЕРЕ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Проблема речевой избыточности не новая в языкознании, еще Л. В. Щерба назвал эту проблему трюизмом своего времени. Однако ее решение различно, зачастую противоречиво и совершенно не исследовано на диалектном материале.

Задачу настоящей статьи мы видим в том, чтобы в целях описания избыточности диалектологического монологического текста[1] показать характер ее проявления в нем.

Традиционно избыточность понимается как антипод экономии. При этом одни лингвисты (А. А. Леонтьева, Т. Н. Никитина, М. И. Откупщикова) исходят из обязательного сравнения «избыточных» структур с «экономными», т. е. с теми же, но без избыточных элементов. В этом случае избыточными считаются все элементы текста, которые не увеличивают в нем количества содержательной информации[2]. Другие авторы (Н. В. Глаголев, М. Я. Блох, А. А. Мальченко) рассматривают избыточность и экономию не в сравнении, а относительно того, что не является ни тем, ни другим. Речь идет об оптимальной модели предложения, под которой понимается «модель повествовательного распространенного предложения, состоящая из субъектного номинатива, глагольного предиката (простой финитной формы или сочетания финитной и инфинитной форм) и добавления, или адъюнкта — дополне-

---

[1] Вслед за Н. А. Лукьяновой и М. И. Черемисиной мы признаем целесообразность различения диалектного текста, понимаемого как произведение диалектоносителя, и диалектологического текста — текста, записанного диалектологом от диалектоносителя. (См.: Лукьянова Н. А., Черемисина М. И. Понятие «язык»; «речь», «текст» в диалектологических исследованиях. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1974, вып. 3, с. 130—140).

[2] Никитина Т. Н., Откупщикова М. И. К вопросу о текстовой избыточности. — Научно-техническая информация. Сер. 2, 1970, № 7, с. 7.

'ния или обстоятельства к предикату»[3]. В этом случае выявляется не структурно-семантическая «ущербность» («неполнота») или, наоборот, переполненность речевого произведения, а соответствие «эксплицитно выраженных компонентов формальному набору элементов модели»[4].

С приведенными мнениями конфронтирует оригинальная точка зрения И. Р. Гальперина, который определяет избыточность как «новую (выделено нами. — С. П.) дополнительную эстетико-познавательную информацию, органически вытекающую из содержания формы»[5]. Такое понимание избыточности является следствием того, что информативность автор определяет как «меру содержания данной единицы в конкретной реализации»[6]. Повторенная информация, по И. Р. Гальперину, теряет свою ценность, в итоге перестает быть таковой.

В нашем понимании избыточности точкой отсчета является пропозиция, логическая величина, предложенная Н. Д. Арутюновой и определяемая как семантическая модель предложения, в которой спроецировано объективное содержание объективной действительности[7]. Пропозиция является «кирпичиком» диалектного высказывания, которое, в свою очередь, является текстообразующей единицей («текстемой», по Э. Агриколе)[8] текста диалектной речи.

Формально пропозиция выражается предикативной единицей, включающей разноуровневые единицы: предложение, словосочетание и даже слово, которые обязательно характеризуются определенным «предикативным выражением», что, по словам Л. А. Черняховской, предполагает наличие знаков в идентифицирующей и классифицирующей функциях при наличии ряда параметров: временного (выражающегося в глагольной форме или в темпоральном члене предложения), пространственного (закрепленного за обстоятельством места), параметра оценки степени

---

[3] Глаголев Н. В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967, с. 10.

[4] Там же, с. 10.

[5] Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974, с. 119.

[6] Там же, с. 8.

[7] См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

[8] Цит. по: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982, с. 5.

реальности существования «предмета» относительно экстралингвистической ситуации[9].

Указанные параметры могут быть имплицированы фоновым знанием[10] диалектоносителя или предыдущим контекстом.

1) Всё парное (сделатся) 2) Это снег-то снесёт (э-э-э) 3) Земля-то она кошенина 4) только видать// 5) А буранище/ 6) унесёт всё же/ 7) и дорогу потеряешь и/ 8) блудили даже зимами люди//[11].

3)—4) рассматриваются нами как две самостоятельные пропозиции, объединенные интерференцией двух структур: Земля-то она — кошенина. Кошенину(-а) только видать;

5) мы также считаем отдельной пропозицией: А буранище *очень сильный.*

Отсутствующий предикат структуры компенсируется в речи 1) восклицательной интонацией незаконченности; 2) морфемной структурой слова: наличием экспрессивного суффикса -ИЩ-; 3) фоновым знанием диалектоносителя; 4) правосторонним контекстом: «унести», «потерять дорогу», «заблудиться» можно только в сильный буран.

Диалектное высказывание может быть монопропозитивным и полипропозитивным[12]. И монопропозитивное, и полипропозитивное высказывания являются «равновесными» в случае совпадения количества предикативных единиц с количеством пропозиций, в противном случае — асимметричными.

Асимметрию формы и содержания монопропозитивности мы считаем проявлением избыточности диалектологического текста. Под избыточностью нами понимается двойное (в не-

---

[9] Черняховская Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы. — Вопросы языкознания, 1983, № 6, с. 120.

[10] Фоновые знания (в другой терминологии, пресуппозиция, частноапперцепционная база, коинтенция) — это «знания, из которых исходит автор при порождении текста и которые он не выражает в тексте вербально». (См.: Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста: Учебное пособие. Л., 1982, с. 46).

[11] Цифрами обозначены отдельные пропозиции. Магнитофонные записи диалектных текстов, сделанные автором в райцентре Молчаново, пос. Сулзат, Суйга, д. Соколовка, Молчановского р-на, Томской обл., даны в орфографическом виде с сохранением некоторых особенностей диалектного произношения. Мы придерживались правил для передачи устных текстов, предложенных авторами сб.: Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978, с. 26.

[12] См.: Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980, с. 6.

которых случаях бóльшее) выражение одной пропозиции. Асимметрия полипропозитивности приводит к другому полюсу языкового дуализма — экономии.

Диалектная избыточность имеет ряд способов своего выражения, к которым относятся, на наш взгляд, повтор, употребление пояснительно-уточняющих конструкций, бессоюзных соединений глаголов, представляющих одну предикацию (так называемые «двойные глаголы»).

Есть ли какие-нибудь закономерности в организации способов избыточности текста диалектной речи?

На данный вопрос мы отвечаем положительно и попытаемся доказать тот факт, что эти закономерности изоморфны закономерностям организации простого осложненного предложения. Вопрос об изоморфизме явлений различных языковых уровней и разных единиц одного (в нашем случае синтаксического) уровня привлекает внимание многих исследователей.

Так, В. А. Белошапкова видит изоморфизм между сочинением и подчинением на уровне сложного предложения и на уровне словоформ в простом предложении. «За традиционными понятиями сочинения /подчинения, определенными не вполне удовлетворительно, стоит нечто весьма существенное: интуитивное установление изоморфизма между связями частей в сложном предложении и связями между формами слов в словосочетании и простом предложении»[13].

Глубинную аналогию она усматривает также в связи подлежащего и сказуемого со связью, наблюдаемой в непредикативном сочетании, образованном именительно-винительным падежом числительного, изменяющегося по родам, и родительным падежом существительного: два друга — две подруги, полтора часа — полторы недели[14].

А. Ф. Прияткина процессом «синтаксического переразложения» называет процесс внедрения собственно синтаксического показателя в исходную структуру, когда он становится элементом единой синтаксической схемы. Речь идет об употреблении союза КАК с именительным падежом. «В случае «тонкая **как нитка** цепочка», «тонкую **как нитка** цепочку» падежная форма имени («нитка») вне союза не включается в последовательную связь словоформ: без союза она здесь

---

[13] Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977, с. 176—177.

[14] См.: Белошапкова В. А. Заметки о синтаксической связи между подлежащим и сказуемым. — В сб.: Вопросы русского языкознания. М., 1979, вып. 2, с. 10—15.

невозможна»[15]. М. И. Черемисина и А. Е. Орлов выдвигают гипотезу об изоморфизме функтивов с разными типами фразеологических единиц. Ими выделяются функтивы-сращения (идиомы), союзные единства и союзные сочетания[16]. М. И. Откупщикова проводит мысль об изоморфизме лексической парадигматики с текстовой. Подобно отношениям между словами, тексты могут быть синонимичными (текст — его пересказ), антонимичными (тексты острой полемики), омонимичными (зашифрованный текст), многозначными (текст — его неадекватный пересказ)[17]. Г. Г. Инфантова наблюдает изоморфизм способов экономии в русской разговорной речи. К ним она относит опрощение, включение, замещение, переразложение сегментных средств речевой цепи[18], т. е. коррелирует высказывание и слово.

Итак, «отказываться от идеи изоморфизма в разумных пределах смысла нет, ибо эта идея может служить хорошим ориентиром в исследовании»[19].

Изоморфизм между организацией способов текстовой избыточности и организацией простого осложненного предложения вытекает из признания того факта, что оба синтаксических феномена являются структурами экстенсионального плана[20], т. е. такими структурами, строение которых определяется не внутренним развитием, как у интенсиональных структур, а расширением, развертыванием. Исходя из этого, мы приписываем избыточности свойство развертывать структуру диалектологического текста и в дальнейшем считаем целесообразным употребление термина «развернутость».

Подобно тому как в простом осложненном предложении, «с формальной стороны, осложнение можно свести к двум классическим типам грамматических отношений: 1) расширение по координации (однородность, пояснение-уточнение, а также другие виды параллелизмов), 2) расширение по субординации (деепричастные, обособленные согласуемые и

---

[15] Пряткина А. Ф. Формальные средства двух синтаксических уровней. — В сб.: Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. Иркутск, 1980, с. 9.

[16] См.: Орлов А. Е., Черемисина М. И. Контактные сочетания союзов и частиц в русском языке (к постановке проблемы). — В сб.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с. 208—224.

[17] См.: Откупщикова М. И. Указ. соч., с. 46.

[18] См.: Инфантова Г. Г. Указ. соч., с. 42.

[19] Там же, с. 11.

[20] См.: Юрик О. И. Интонация парцеллированных структур как части сверхфразового единства в английском языке. М., 1977, с. 10—12.

управляемые обороты и др.)»[21], развернутость диалектологического текста организуется в плане координационном (или горизонтальном) и в плане субординационном (или вертикальном).

Развернутость по горизонтали в диалектологических текстах представлена следующими способами выражения:

1. Повторами: *Постелешь/ постелешь* ее (кочму) на пол.../; Простой размол/ это *из пшаницы* (э-э) *из пшаницы/* там с отрубями//; *Коровушку держала* тогда ещё в силе была дак/ *Корову/* овечек *держала/* В обчем своё хозяйство//; *И сю зиму в чирках ходили.* Собачку задавишь/ да собачьи носочки сошьёшь/ да в чирочки в эти втолкаешь/ *Так и ходили всю зиму в чирках//.*

2. Использованием пояснительно-уточнительных конструкций: *Мама много переделала/ И была и молотобойцем/ Работала/ это вот в кузнице/ в это/ ну вот чё-нибудь куют//; Эти вот шитовы* (щитовые. — *С. П.*) *дома/* Вот они поставлены/ *стены со шитов/ потолок со шитов/ и пол со шитов/* Они холодные//; *Таки были четэээ/ галоши были эти/ Вот сейчас их надевают на пимы//; У ей там родился пацан/ старшего брата вот она.../* В шубейке и везла//.

3. Употреблением монопропозитивных конструкций с двойными глаголами. Их сочетание обозначает сопутствующие или тесно связанные одно с другим действия. Указанное значение передается экспрессивным повтором (а) компонентов глагольной пары, названным так потому, что один из членов глагольного сочетания указывает на интенсивность проявления признака, содержит сему 'очень' в своем значении; «тавтологическим», по Н. Ю. Шведовой, повтором (б), который омонимичен пояснительно-уточнительной конструкции. Появление паузы в глагольном сращении и особого «объяснительного произношения»[22] превращает «двойные глаголы» в пояснение; конкретизирующим повтором (в), когда глагольные компоненты сочетания являются номинациями с конкретным значением. Они называют некоторое действие, именуемое абстрактным, обобщенным обра-

---

[21] Пряткина А. Ф. К определению понятия «осложненное предложение»: (о специфике связей и отношений в осложненном предложении). — В сб.: Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1981, с. 190.

[22] Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 7-е изд., 1956, с. 420.

зом. Отдельные пары глагольного единства являются относительными противоположностями некоей сущности, расчлененно представляющими ее: а) Все потом *смеялись ухахатывались*//; Мнучок (внук. — *С. П.*) двойку со школы принес/ *плачет заливается;* б) ...сейчас *проваляешься пролежишь* дома и/ всё//; Нонче опять/ наверно/ ремонт будет// У нас один год делали/ вот так вот *обрезали сделали*/ этот/ пол//; Я своё/ *« Обрежу подстригу»* (косы. — *С. П.*)//; Он (муж. — *С. П.*) *ругатся матерится*//; Давно *стоит* он (пос. Сулзат. — *С. П.*) *образовался*//; в) А домой придёшь вон/ каку-нибудь холшевину сошьют юбку да вот и /*бегаешь ходишь*//; Каво там *читать писать*/ хозяйство такое/ да дети мал-мала меньше//; А татары были Самойловы/ купцы/ *продавали покупали* всё//.

К развернутости по вертикали мы относим монопропозитивные конструкции с двойными глаголами, значение которых определяется как 'положение при свершении действия+действие'. Как правило, первый компонент такого сочетания является лексически ограниченным и представлен глаголами движения, пребывания в состоянии. Напр.: Косой как-то ногу-то подвернула/ *Идёт оступается*/ Мама родная//; Старый отец-то/ Куда *идёт согнётся*/ больно смотреть//; Чуть заря/ а *сидишь согнёшься*/ куделю эту прядёшь//.

Смысловые отношения, устанавливаемые между глаголами этой группы, близки к обстоятельственно-определительным образа действия[23], поэтому мы включаем данные конструкции в парадигматический (трансформационный) ряд со словосочетаниями по схеме 'глагол+деепричастие'.

Особую группу составляют двойные глагольные сочетания, обстоятельственно-определительное отношение которых имеет своей разновидностью целевое значение. Напр.: Сразу *пошла записала* себя в сельсовете/ на ремонт//; А нитки не будет еслиф/ он *пойдет купит*//.

Приведенные глагольные сочетания образуют парадигматический ряд с инфинитивной конструкцией с союзом ЧТОБЫ, оформляющим вторичную союзную связь. «Союз ЧТОБЫ накладывается на подчинительную связь субъектного инфинитива с глаголом движения, оформляя целевые отношения»[24].

---

[23] См.: Русская грамматика. М., 1980, т. 2, с. 18.

[24] Приятки на А. Ф. Союзные связи в простом предложении. Владивосток, 1978, с. 29.

С другой стороны, наличие в описываемых «двойных глаголах» лексически ограниченного глагола движения говорит об их близости сочетанию с субъектным инфинитивом. Ср.: пошла записать, пойдёт купить.

Исследуя характер проявления избыточности (развернутости) в текстах диалектной речи, нетрудно заметить, что «избыточные» элементы в речи не так уж излишни. Они несут определенную функциональную нагрузку.

С точки зрения говорящего, избыточность выполняет а) препаративную функцию: А нитки *покупали*/ э-э/ *покупали* у татар//; б) экспрессивно-эмоциональную функцию: Все потом *смеялись ухахатывались*. И *колотил поколачивал* меня крепенько; в) функцию субъективной модальной оценки: А когда вам это/ *отдых*/ э-э-э/ *отпуск-то* есть? Жили мы тады *в Колоберигe*/ нет/ в этой/ *в Сулзате* уже жили//.

С точки зрения слушающего, мы определяем следующие функции избыточности: а) метаязыковую. В нашей деревне был *съезжий праздник*/ Это из другой деревни приезжали/ Это вот кто знакомые или родня//; б) функцию уточнения, конкретизации. У нас *отец хороший*/ Он никогда-никогда нас не ругал/ Не бил нас никогда... Такой уж рыбы не стало сейчас /*повытащили* всю/ *повыбили* лесом//.

Функциональная нагруженность избыточных элементов также оправдывает употребление термина «развернутость» вместо традиционного «избыточность», предложенного В. Д. Девкиным [25].

Таким образом, «избыточность» диалектологического текста, понимаемая как двойное обозначение одной пропозиции, в силу своей функциональной нагруженности и способности развертывать структуру текста, именуется нами «развернутостью». Рассмотренные способы развернутости позволяют сделать вывод о том, что они реализуются в диалектологическом тексте не спорадически, окказионально, а представляют строго организованную систему, изоморфную системе простого осложненного предложения.

---

[25] Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979, с. 79.

Т. И. СТЕКСОВА

О ТИПАХ СООТНОШЕНИЯ В ДИАЛЕКТЕ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДРУГИМИ

В последние годы интерес к семантике синтаксических единиц особенно возрос, и наиболее актуальной становится проблема соотношения означающих и означаемых средств. Не всякий смысл, передаваемый в речи, имеет языковое выражение. Наряду с предложениями (назовем их симметричными), в которых содержание тождественно отражается в выражении, существуют конструкции, в которых не выражены формально, на поверхностном уровне, какие-то смысловые элементы, присутствующие в структуре понимания. Такие построения, в которых единицы плана выражения и единицы плана содержания не находят точного соответствия, Т. А. Колосова называет предложениями асимметричной структуры [1]. По мнению В. Г. Гака, асимметрия языкового знака «представляет собой не результат «несовершенного устройства» языка, но неизбежное и необходимое явление, без которого натуральный человеческий язык не мог бы нормально функционировать и развиваться» [2]. «Нет такого значения, которое не выражалось бы в языке рядом параллельных форм, функционирующих во всех подсистемах языка» [3].

Итак, одно и то же значение может быть представлено различными структурами: симметричными и асимметричными. Следует оговориться, что термин «асимметричная структура» используется в статье в приложении к иному языковому материалу, чем у Т. А. Колосовой, а именно при анализе простых предложений. Под асимметричными структурами пони-

---

[1] См.: Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980. 164 с.

[2] Гак В. Г. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака. — Тр. Самарканд. ун-та. Нов. сер., вып. 277. Вопросы фразеологии, 1975, т. 7, с. 7.

[3] Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, с. 4.

маем такие конструкции, семантика которых неполностью отражается на синтаксическом уровне.

В статье ставится задача описать типы соотношений безличных предложений с другими. Материалом для исследования послужили диалектные записи, сделанные во время экспедиций в Колпашевский район Томской области. Анализ диалектного материала показал принципиальную возможность соотношений глагольных безличных предложений с безличными предложениями иной структуры, с личными действительными и страдательными конструкциями, неопределенно-личными и номинативными предложениями. Эта парадигма соотношений не всегда реализуется полностью. Следует оговориться, что понимается под парадигмой соотношений. Понятие парадигмы в лингвистической литературе было соотнесено с большим количеством языковых фактов и поэтому наполнилось новым лингвистическим содержанием. В. А. Белошапкова и Т. В. Шмелева указывают, что «различие изменительных и образовательных парадигм возможно и целесообразно и по отношению к предложению»[4]. Как справедливо отмечал М. Я. Блох, «различные внутрисистемные связи и зависимости единиц находят выражение в том, что каждая языковая единица включается одновременно во множество рядов соотнесенности по разным формальным и функциональным свойствам»[5]. По мнению В. Г. Адмони, «парадигматическими отношениями являются и отношения между разными типами предложений, различающимися — формально и по содержанию — по одному какому-либо грамматическому признаку или по группе тесно сопряженных и взаимодополняющих признаков»[6].

Таким образом, парадигма соотношений — это система конструкций (предложений), различных по грамматическому типу, но передающих одинаковый смысл и поэтому способных к взаимозамене. Причем, как отмечает В. Г. Адмони, «грамматико-синонимическое восполнение грамматических форм в парадигматической системе отнюдь не является признаком нерационального, «избыточного» построения этой системы, а имеет большое положительное значение как средство создания большей гибкости и «маневренности» в деле организа-

---

[4] Белошапкова В. А., Шмелева Т. В. Деривационная парадигма предложения. — Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология, 1981, № 2, с. 44.

[5] Блох М. Я. Вопросы изучения грамматического строя языка. М., 1975, с. 25.

[6] Адмони В. Г. Основы теории грамматики, М.; Л., 1964, с. 13.

ции речи, а также создает дополнительную способность выражения различных оттенков грамматических значений»[7].

Наиболее полную реализацию парадигмы формально-семантической соотнесенности дают субъектные безличные предложения. Рассмотрим наиболее показательный тип предложений: Тогда многих поубивало. — Немцы убили. — А у меня на Сталинграде муж был убит. — Убили в 42-м, вначале, сразу.

Общую семантику этих предложений выражает глагол физического действия деструктивной направленности на объект. С безличным предложением соотносятся личные предложения, действительные и страдательные, неопределенно-личные, «синонимические» конструкции. (Использование кавычек будет оговорено особо). В этой группе соотносимых предложений и на сигнификативном, и на денотативном уровнях — одинаковая структура SVO — наличие субъекта действия и само физическое действие деструктивной направленности на объект.

На синтаксическом уровне может происходить совпадение или несовпадение семантической структуры со способом ее выражения. В этой группе в безличных предложениях личные переходные глаголы выступают в функции безличных. Причем прямое дополнение или есть в предложении, или оказывается опущенным: Тогда многих поубивало.—Контузило, ранило! — Мужа в январе под Ленинградом ранило. — А Иванова убило и т. д. С основным типом безличных предложений Г. Св. соотносится тип безличных предложений Г. Св. Ств.: А их просто контузило, просто оглушило вот этим звуком, волной. — У винтовки замок вырвало пулей же. — Бомбой убило.

Примеры демонстрируют, при помощи чего субъект действия, который не выражен на синтаксическом уровне, совершил свое действие, т. е. появляется существительное в творительном падеже (орудийное).

Итак, в данной группе предложений субъект — одушевленный, активный, целенаправленный, сознательный. Поэтому и стало возможным появление личных страдательных конструкций и неопределенно-личных. Однако в приведенной парадигме соотношений не отражен тип номинативных предложений. Представляется возможным говорить о принципиальном отсутствии номинативных конструкций в данной группе соотносимых предложений в связи со спецификой субъекта. Сам субъект исключает значение бытийности. Предложения

---

[7] Там же, с. 17.

типа: Убийство! Смерть! являются либо сказуемыми неполного двусоставного предложения, либо именительным темы.

Носители говора дополняют также эту парадигму соотношений предложениями, которые условно назовем «синонимическими» конструкциями: С первого же бою он погиб. — У меня муж умер, убили на этой войне.

Если на денотативном уровне все предыдущие примеры этой группы представляли одну и ту же картину, то в приведенных примерах наблюдается нечто иное. Так, в предыдущих примерах был субъект и глагол физического действия деструктивной направленности на объект, а в данных примерах исчезает компонент насильственности, и то, что было раньше объектом действия, занимает позицию субъекта. Эта трансформация отразилась и на языковом уровне. Глаголы *погиб, убит* — не однозначные. Глагол *умер* противопоставляется глаголам *погиб* и убили по отсутствию в семантике компонента насильственности *смерти*. Глаголы *погиб* и *умер* противопоставляются глаголу *убит* по залоговой характеристике. Но в речи все дифференциальные компоненты могут нейтрализоваться, и глаголы, а следовательно, и конструкции, образуемые ими, оказываются синонимичными в речи диалектоносителей.

Значимость типа субъекта подтверждается этой же парадигмой соотносимых предложений другой тематики: А тут сглажено. — Теткой было сглажено. — Видно, одна татарка сглазила. — Сглазили ее. Здесь так же, как и в предыдущей группе предложений, семантическим субъектом является одушевленное лицо, которое активно и целенаправленно действует, достигая определенного результата. Наличие на денотативном уровне субъекта действия и самого действия поразному выражается на грамматическом уровне: безличными конструкциями и личными.

Рассмотрим подробнее соотношение следующих предложений: 1. Тёткой было сглажено. 2. Видно, одна татарка сглазила. 3. Сильно изурочена она была.

Первое и второе предложения имеют разную грамматическую структуру (безличную и личную), но на денотативном уровне они представлены одинаково: есть субъект действия (тётка, татарка) и само действие. Именно это и дает право говорить о их формально-семантической соотнесенности.

Третье же предложение, которое диалектоносители включают в один ряд с предыдущими, по существу, не равноценно двум первым. Это личное страдательное предложение яв-

ляется как бы результатом по отношению к двум первым, т. е. на денотативном уровне нет производителя действия, а есть лишь носитель состояния, который, в нашем понимании, не является субъектом. И поэтому неправомерным представляется говорить о формально-семантической соотнесенности этого предложения с предыдущими, они «синонимичны» лишь в речи диалектоносителей.

Рассмотрен один из примеров наиболее полной реализации парадигмы соотношений. Но в некоторых случаях полная реализация парадигмы принципиально не возможна. Возможности реализации парадигмы соотносимых предложений зависят не только от характера субъекта, но и от лексической семантики глагола. Существует большая группа безличных предложений, которые в силу особенностей формирующего их глагола не могут иметь соотносимых вариантов.

1. Тем и другим доставалось. — А в войну-то и досталось. День и ночь работали, много нам досталось. Чижолое, очень чижолое было время; досталось.

2. Мне приходилось легко.—Да всяко приходилось жить.— Вишь, как пришлось нам встретиться! — Муж столярничал, плотничал, а все равно, как и все, все делал, все приходилось. — Пришлось нам выбивать его (немца) оттудова. — Трясина, и приходилось ее измерять. — Позже пришлось перейти на другую работу, попроще.

3. Мне там очень понравилось. Нам уж теперь без коровы не глянется.

Обращает внимание на себя тот факт, что в подобных предложениях используются возвратные глаголы, причем они без -ся или не употребляются, или приобретают иное значение.

В предложениях данной группы на денотативном уровне нет производителя действия, а есть лишь носитель состояния и его состояние. На сигнификативном уровне носитель состояния представлен семантическим объектом, который на грамматическом уровне выражен именем в дательном падеже (иногда оно может быть опущено). Ср.: Не дай, господи, никому, чтобы такая судьба досталась. — Мне от отца досталось. — В войну-то мне досталось. В личном предложении ...*такая судьба досталась* подлежащее *судьба* по существу выражает семантический объект. Субъекта — производителя действия — нет уже на денотативном уровне.

В безличном предложении *В войну-то мне досталось* до-

полнение *мне* также отражает семантический объект, а отсутствие субъекта заложено на денотативном уровне.

А вот в безличном предложении *Мне от отца досталось* дополнение от отца называет субъект, производителя действия. Именно отец (субъект на денотативном уровне) произвел какое-то действие, а носитель состояния *я,* выраженный дательным падежом *мне,* является лишь объектом действия.

Глагол *пришлось* — безличный, имеет два значения: 1) выпасть на долю, 2) оказаться нужным, необходимым. Оба эти значения предполагают существование семантического объекта: выпасть на долю — кому? оказаться нужным — кому?

Нам много пришлось вынести. — В войну (нам) всем пришлось побыть. Анализируемые предложения можно заменить предложениями, сконструированными нами: А в войну-то мне досталось. — *А в войну-то мне было трудно. Мне там понравилось. — *Мне там очень хорошо. Мне приходилось легко. — *Мне было легко.

Причем во всех этих трансформациях для выражения состояния используются слова категории состояния. Но диалектоносители употребляют в своей речи предложения с возвратными глаголами, которые несут в себе, кроме семы состояния, дополнительную информацию: независимость состояния от человека, неспособность человека изменить это состояние.

В силу существенности этой дополнительной информации предложения подобного типа не имеют соотносимых личных, неопределенно-личных и других вариантов.

Особо выделяется группа предложений с глаголом *получилось/ получалось,* которые всегда функционируют в составе сложного предложения: А надо сначала танки, а тут наоборот получалось. — Так получилось, что век одна доживаю. — Получилось, одни бабы работают. — Так получилось, что рожать-то боле не рожала.

Предложения этой группы являются примером асимметричной структуры, где план выражения не равен плану содержания. Специфика употребления глагола *получалось* заключается в неспособности или нежелании раскрыть ту денотативную ситуацию, которая «прикрыта» этим словом. Глагол создает иллюзию независимости, самопроизвольности происходящего, хотя на самом деле все «случившееся» имеет свои причины: Так получилось, что век одна доживаю. — Детей нет, муж умер, век одна доживаю. Глагол *получи-*

лось — знак, сигнализирующий, что за ним скрывается какая-то ситуация.

Таким образом, безличные предложения с глаголом получилось имеют семантический соотносимый вариант — целую фразу, где есть и субъект, и предикат, но формально эти предложения не соотносятся.

Итак, анализ языкового материала позволяет говорить о возможности применения понятия асимметричных структур и к анализу предложений в плане формально-семантической соотнесенности.

Субъектные безличные предложения имеют соотносимые личные варианты; бессубъектные безличные предложения соотносятся лишь с безличными же, но иного типа. Безличные предложения, функционирующие только в составе сложного, имеют асимметричную структуру и поэтому соотносятся с целой фразой.

Л. П. ГРУНИНА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СИНТАКСИЧЕСКИМ ОСВОЕНИЕМ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

Современная деревня обогатилась новой техникой, новыми предметами быта, новыми понятиями, вместе с которыми в говор вошли новые слова. Пришедшие из литературного языка, они претерпевают как фонетические, так и морфолого-грамматические изменения, приспосабливаясь к внутренним законам диалектной системы. Особую группу в данном объеме лексики составляют индоевропейские заимствования, пришедшие в говор через посредство литературного языка. В лингвистической литературе такие единицы получили название «вторичных заимствований» [1].

При усвоении вторичных заимствований наряду с фонетической и грамматической адаптацией (эти явления более прозрачны) идет семантико-синтаксическое освоение данного пласта лексики, обнаруживающееся гораздо труднее. Вопросы фонетической и морфолого-семантической адаптации, рассматриваемые на примере как литературного языка, так и диалектов, довольно полно изучены лингвистами [2]. Почти

[1] Гордеева О. И., Ольгович С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск, 1981, с. 5.

[2] См.: Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты. М., 1978; Биржакова Е. З., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972; Мартинек В. Ю. Семантическое освоение английских заимствований в процессе их функционирования в современном русском литературном языке. — Вопросы изучения русского языка. Днепропетровск, 1971; Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е гг. XIX в. М.; Л., 1965; Ольгович С. И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби: Автореф. ... канд. филол. наук. 1964; Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах. — Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1958; Коготкова Т. С. Семантические заметки: К проблеме освоения литературной

нет работ, рассматривающих семантико-синтаксический план заимствованных единиц лексики [3].

Настоящая статья посвящена анализу функционирования некоторых наиболее распространенных вторичных заимствований на уровне простого предложения в говорах Крапивинского района Кемеровской области.

Поскольку данный аспект изучения иноязычных элементов специально не рассматривался, необходимо определить, прежде всего, что подразумевать под синтаксической функцией слова. Так как значение лексической единицы представляет сочетание денотативного и сигнификативного компонентов, то в предложении происходит непосредственная их реализация. Поэтому в зависимости от коммуникативной цели слово проявляет то денотативные, то сигнификативные свои возможности. Таким образом, говоря о синтаксической функции слова, прежде всего необходимо учитывать, какие компоненты значения и как они реализуются в предложении.

Вторичные заимствования попадают в распоряжение диалектной системы главным образом в синтагматических связях [4], чаще всего представленных неполно. В дальнейшем они постепенно накапливают и семантические, и синтаксические характеристики, анализ которых позволяет судить как о семантической структуре, так и специфике функционирования данной лексики в современном говоре.

Характер синтаксической ассимиляции иноязычных элементов определяется тесным взаимодействием лексики и синтаксиса. На эти вопросы лингвисты обратили внимание сравнительно недавно в связи с изучением семантики предложения. Обращаясь к содержательной стороне предложения, все исследователи отмечают, что лексическое наполнение — объективно свойственный предложению аспект [5], играющий важную роль как при анализе значения предложения и его ком-

---

лексики в современных говорах. — В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977; Симина Г. Я. Заимствованная лексика в семантической системе диалекта. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972; Федоров А. И. Освоение заимствований в севернорусских говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1969, Л., 1971.

[3] См.: Гордеева О. И., Ольгович С. И., Охолина Н. М., Палагина В. В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск, 1981.

[4] См.: Гордеева О. И. и др. Указ. раб., с. 49.

[5] См.: Арват Н. Н. Об аспекте лексического наполнения структурной схемы предложения. — Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Л., 1975; Ярцева В. Н. Взаимоотношение грам-

муникативной цели [6], так и при анализе структур с разным типовым значением [7]. Почти так же нет работ, посвященных синтаксической характеристике отдельных слов или групп диалектной лексики, хотя на материале литературного языка эта проблема начинает успешно решаться [8].

Изучение заимствованных элементов в синтаксическом аспекте, а точнее, их функции в организации предложения, позволит более полно и точно определить семантическое содержание иноязычных слов и степень освоенности в диалектной системе. «Коммуникативный подход к значению предполагает, что семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении» [9]. Включаясь в высказывание, слово либо представляет (называет) предмет, явление, класс предметов, либо сообщает о предмете необходимое. «Если считать, что в предложении регулярно реализуются две основные коммуникативные функции — идентификация предметов, о которых идет речь, и предикация, вводящая сообщаемое, то можно ожидать, что значение слов приспосабливается к выполнению одного из этих двух заданий» [10]. Таким образом, выделяется две основные функции у слова в предложении: идентифицирующая и неидентифицирующая, или предикативная [11]. Для предикатов основной является способность обозначать, характеризовать предмет, указывать на его свойства, тогда как идентифицирующие слова реализуют в предложении свою денотативную способность, вызывая представления о предмете или классе предметов. Если глаголы и прилагательные выступают в предложении главным образом в характеризующей функции, то существительные являются «бифункциональными» знаками, способными

матики и лексики в системе языка. — Исследования по общей теории грамматики. М., 1968; Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.

[6] См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

[7] См.: Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 6; Ярцева В. Н. Указ. раб.; Арват Н. Н. Указ. раб.

[8] См.: Падучева Е. В. Значение и синтаксические функции слова «это». — Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1981; Василевская Л. И. Синтаксические возможности имени собственного. I. — Лингвистика и поэтика. М., 1979; Синтаксические возможности имени собственного. II. — Проблемы структурной лингвистики 1978. М., 1979.

[9] Арутюнова Н. Д. Указ. раб., с. 326.

[10] Там же.

[11] См.: Там же, гл. 6.

играть как идентифицирующую, так и предикатную роль. Так как среди вторичных заимствований 80% составляют имена существительные (в основном конкретные), в настоящей статье рассматриваются только существительные. Наиболее распространенными из них являются слова: кино, концерт, магазин, пальто, район, телевизор, телеграмма, телефон, радио, фамилия, фронт, электричество. Данные реалии прочно вошли в жизнь деревни, а отсюда — в словарный запас диалектоносителей. Быстрее проходят ассимиляцию (отсюда имеют большее ареальное распространение) не новые слова, в которых проявляется «денотативная ориентация на актуальный в жизни каждого диалектоносителя момент, связанный с конкретным жизненным опытом»[12].

Анализ функционирования заимствованных существительных на уровне простого предложения показывает, что в большинстве случаев они выступают в функции идентификации (т. е. называния): ТЕЛЕВИЗИР не смотрим — АНТЕННУ у меня сын забрал; ТЕЛЕВИЗИР есть, да глаза не видют.— ТЕЛЕВИЗОР смотрим; АТЕЛЬЕ приезжала, ремонтировала ТЕЛЕВИЗЕРЫ; Годов уже двадцать, как ТЕЛЕВИЗЕРЫ пошли, только у нас ТЕЛЕВИЗЕРА нет, не смотрим мы его; Дочь в Новосибирске лампочки для ТЕЛЕВИЗОРОВ делает; КИНА всякие по ТЕЛЕВИЗЕРУ смотрим. —В клубе плясали, КИНА смотрели. — КИНА кажут (в клубе), делают собранья, заседанья; ТЕЛЕГРАММУ от сына давеча получила; В Новосибирске весь наш АШЕЛОН остановили — и в баню нас; ЭЛЕКТРИЦТВА здесь не было. АЛЕКТРИЧЕСТВО только недавно провели, а раньше плохо было; От я вам ПОТОГРАФИИ покажу, ой люблю ПОТОГРАФИИ смотреть; Парнишка приходил, тож с таким вот МАТАФОНЧИКОМ; Чичас чо, пятьдесят копеек будь, пошёл в ГАМАЗИН, да две—три булки возьми.

Во всех приведенных примерах существительные выступают в своей первичной синтаксической функции — называют предмет, тем самым вызывая у собеседника определенные представления. Идентичный с литературным языком содержательный план, который сохраняется у этих слов и в диалектной речи, дает почти одинаковую синтагматику: телевизор — смотреть /не смотреть, любить /не любить, ремонтировать /не ремонтировать, есть/нет; кино—показывать, смотреть, любить; магазин — пошёл в /пришёл из, купил в /про-

[12] Коготкова Т. С. Указ. раб., с. 200.

давали в, открыли/закрыли и т. п. Однако данные примеры показывают, что сочетаемость в диалекте несколько «сужена» по сравнению с литературным языком, а иногда имеет свою специфику. Так, например, когда существительное «кино», выступая в своей основной синтаксической функции, является в предложении обстоятельством места, она сочетается с глаголом «ходить» и предлогом «на»: На КИНО ни разу не ходила. — Вчера ходили на КИНО. Отсутствие конкретной реалии — кинотеатра — влечет ограниченное употребление данной лексемы (только в значении «фильм»), в данном случае можно говорить, что «содержательная характеристика одного и того же слова оказывается различной ... у носителей литературной нормы и диалекта» [13].

Таким образом, конкретные существительные употребляются в исследуемом говоре в основном в идентифицирующей функции, хотя у некоторых из них при функционировании проявляется сигнификативный компонент значения: ТЕЛЕВИЗИР, то, другое, клуб рядом; Когда ТЕЛЕВИЗИР, когда ещё чо. (Приводились ответы на вопрос: «Чем вы занимаетесь в свободное время по вечерам?).

Семантико-функциональное своеобразие процессов освоения заимствованного слова диалектной системой «всегда состоит в приближении этого нового для говора слова к предмету в его использовании в данных, привычных... конкретных условиях» [14].

У некоторых существительных этой группы наряду с основной функцией — называть — развивается предикатная: Вон БУГАЛТЕРИЯ идёт (выглянув в окно); Отдел КАДРОВ приходила, бумагу принесла. В приведенных примерах, кроме называния, существительные заключают и характеризующую функцию. Такое метонимическое употребление заимствований является не следствием появления у этих единиц нового значения, «а подчинение их общей метонимической модели» [15], довольно распространенной в разговорной речи. Для таких моделей характерным является то, что существительные в них «бифункциональны».

Особо следует остановиться на группе существительных, обозначающих профессии, а также называющих людей по их

---

[13] Ольшанский И. Г. Взаимодействие семантики слова и предложения. — ВЯ, 1983, № 3.

[14] Коготкова Т. С. Указ. раб., с. 201.

[15] Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 221.

религиозным убеждениям и свойствам. В значении таких существительных на первый план выдвигается характеризующий компонент, который, в зависимости от места существительного в предложении, то проявляется в полной мере, то сводится к нулю: Дочь у меня АГРОНОМ. — Сын АНЖИНЕРОМ стал; Племянница ЮРИСПРОКУРОРОМ работает, в милици; Соседка моя БАХТИСТКА; АКУШЕРКА приходила, деколон для руки принесла; КВАТИРАНТКА када жила — в огороде помогала.

Итак, анализ функционирования некоторых наиболее распространенных существительных на уровне простого предложения показывает, что большинство из них активно употребляются в идентифицирующем значении, которое в говоре прослеживается более четко, особенно на первом этапе освоения. Употребление же в характеризующей функции свидетельствует об определенной степени абстракции. В семантико-синтаксическом отношении заимствованные слова по-разному осваиваются, поэтому изучение данного аспекта позволит более полно и точно описать семантический объем иноязычной лексики и степень освоенности ее современным говором.

М. А. БОЛГОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ РЯД ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГОВОРАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Изъяснительными полипредикативными конструкциями мы называем конструкции со смысловым ядром — изъясняемым словом (чаще — сильноуправляемым глаголом), создающим незамещенную субъектно-объектную позицию (являющуюся обязательной составляющей подобного рода конструкций), которая и восполняется второй частью конструкции.

Целью нашей статьи является построение функционального ряда изъяснительных полипредикативных конструкций в говорах Томской области, которые в сфере диалектного синтаксиса не были раньше предметом специального изучения.

Под функциональным рядом мы понимаем ряд синтаксических конструкций, выполняющих тождественные функции в выражении смысловых отношений и способных к взаимозаменяемости. «Под отношением взаимозаменяемости синтаксических конструкций понимается предопределенная общностью их грамматической семантики способность быть употребленными в идентичных функциях. Такую способность к взаимозамещению, опирающуюся на идентичность функций, можно назвать функционально-смысловой соотносительностью. Конструкции, находящиеся в отношениях функционально-смысловой соотносительности, образуют синтаксический ряд»[1]. Для нас «функциональный ряд» и «синтаксический ряд» — термины-дублеты.

Объектом исследования данной статьи являются изъяснительные полипредикативные конструкции в диалекте.

Среди работ, так или иначе рассматривающих интересующий нас тип конструкций (наряду с другими конструк-

---

[1] Шведова Н. Ю. О понятии синтаксического ряда. — В кн.: Историко-филологические исследования: Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада/Под ред. М. Б. Храпченко. М., 1967, с. 209.

циями), следует отметить работы В. В. Палагиной, В. И. Собинниковой, Е. М. Пантелеевой, Л. В. Шатуновой, Л. А. Зелепукиной, Л. М. Лосевой[2]. Авторы в своих исследованиях, в основном, лишь отмечают наличие в говорах разных типов изъяснительных конструкций (союзные и бессоюзные), не находя различий или выделяя незначительные различия в построении изъяснительных конструкций в говорах и в кодифицированном литературном языке.

Материалом для исследования послужили записи диалектной речи, произведенные в Белом Яре, Верхнекетского района, Томской области; источником — картотека говоров Томской области кафедры русского языка Томского университета.

Первыми в функциональном ряду стоят изъяснительные бессоюзные сложные предложения как наиболее частотные из изъяснительных конструкций в диалекте.

В большинстве работ по диалектному синтаксису мы находим вывод о том, что в построении бессоюзных сложных предложений говоры имеют много общего с разговорной литературной речью. Этот вывод позволяет нам обратиться к положению Е. Н. Ширяева о характере смысловых отношений между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении и берется нами за исходное.

1. Изъяснительные бессоюзные сложные предложения с прямыми смысловыми отношениями. Е. Н. Ширяев прямые смысловые отношения определяет так: «... изъяснительными высказываниями с прямыми отношениями считаем такие, в которых вторая предикативная конструкция непосредственно связана с опорным сло-

---

[2] См.: Палагина В. В. Синтаксические особенности говора западной части Томского района. — Учен. зап./Том. ун-т: Языкознание. Томск, 1954, т. 19, с. 3—30; Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). Воронеж, 1958. 173 с.; Пантелеева Е. М. О синтаксических особенностях говоров Томской и Кемеровской областей. — Учен. зап./Том. ун-т. Томск, 1971, № 74, с. 66—74; Шатунова Л. В. Синтаксис сложного предложения «камчатского наречия». — Учен. зап./Хабаровск. пед. ин-т. Южно-Сахалинск, 1968, т. 14, с. 421—461; Зелепукина Л. А. Синтаксические особенности северно-русских говоров Сосновоборского района Пензенской области. — В кн.: Вопросы русской диалектологии: Тр. V—VII конф. кафедр рус. языка пед. ин-тов Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1965, с. 102—120; Лосева Л. М. Синтаксические особенности русских народных говоров: Учебн. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. Черновцы, 1961. 63.

15. Заказ 4620.

вом (глаголом и пр.) первой предикативной конструкции на основе валентных свойств опорного слова»[3].

Эта группа, в свою очередь, включает две подгруппы: изъяснительные бессоюзные сложные предложения с дифференцированными отношениями и изъяснительные бессоюзные сложные предложения с недифференцированными отношениями.

Конструкции с дифференцированными смысловыми отношениями—«Дифференцированными смысловыми отношениями называем такие, которые или эксплицируются союзами, или такие имплицитные смысловые отношения, которые в точности соответствуют союзным»[4]. Я помню /у нас хорошая шуба была//; Написал /остается служить на сверхсрочную//; Ну помню /там дерюжечкой накроешься//; Отец говорил /лежанка не говорили//;

Вот мне кажется /болезней больше из-за этого берутся//. Конструкции этого типа расцениваются нами как изъяснительные бессоюзные сложные предложения, несмотря на то, что опорным словом выступает безличный глагол, а саму конструкцию, составляющую, по нашему мнению, первую часть, обычно квалифицируют как вводную. Наше мнение, видимо, подтверждается следующим: а) глагол «казаться» требует объекта восприятия, б) налицо зависимость второй части, это доказывается возможностью подстановки союза «что».

Конструкции с недифференцированными смысловыми отношениями — «Недифференцированные — это такие смысловые отношения, которые включают значения нескольких союзов или союзных слов»[5]. Деда или другой скажет /где-то в тайге был или что-то де-то напугался//; Я как-то в картине смотрел перво такое радио-то поставили /там вся деревня прибежала// («смотрел» здесь в значении «видел». — *М. Б.*); И помню /в деревне /хлеб весной сеяли/ посевную справили/ мы заваривали бражку//. В этих конструкциях можно выделить недифференцированный смысловой комплекс: изъяснительные отношения — временные отношения — отношения образа действия.

---

[3] Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981, с. 254.

[4] Там же, с 235.

[5] Там же, с. 235.

2. Изъяснительные бессоюзные сложные предложения с опосредованными смысловыми отношениями. «При опосредованных отношениях в первой предикативной конструкции нет слова с валентностью, требующей другой предикативной конструкции, но это слово может быть введено с помощью союза «И» к имеющимся словам»[6].

а. С помощью союза «И» может быть введено слово «видеть» в первую предикативную конструкцию, к которому непосредственно присоединяется вторая часть. Наутро поехала /приезжаю /полная сеть язей/ да большие все//; Вот так посмотришь и дети в рот заглядывают// а есть и хорошо живут//.

б. С помощью союза «И» в первую предикативную конструкцию могут быть введены слова «говорить», «сказать». Они-то своей валентностью и предопределяют наличие второй части. А она плачет /Возьмите же/ возьмите//; Мастер покажет/ это первый сорт/ это второй//; Меня сразу отправили /езжай и все//; Одна прямо в ноги кланяется /Моя корова лучше /вся деревня знает//.

3. Конструкции с прямой речью как изъяснительные бессоюзные сложные предложения. Общие признаки этих конструкций такие: в первой части — изъясняемое слово, создающее незамещенную синтаксическую позицию (это слова автора), и во второй части — замещение этой позиции (прямая речь).

а) При препозиции слов автора изъяснительные отношения очевидны. Отец говорит /Оставьте ребятишкам кусок хлеба//; Мать говорит /Шурка/ стреляй /утки сели//; Ну да скажут /Аж волосы поднялись шедром//; Хозяйки все с разных сторон /Мою посмотри//. В первой части этой конструкции отмечается эллипсис изъясняемого слова, назван лишь субъект речи. Опущенный глагол легко восстанавливается: далее следует речь, принадлежащая названному субъекту.

б. Конструкции с интерпозицией слов автора: А раньше /я говорю/ змея укусит /это уже было страсть божья//; Няньку /говорит /надо нанять/ а теперь домработницей называют//. Слова автора, когда они занимают интерпозицию, близки по своей роли к вводным словам (предложениям).

На основе выделенных структурных особенностей изъяснительных конструкций в функциональный ряд мы включаем

---

[6] Там же, с 254.

изъяснительные сложноподчиненные предложения. Смысловым ядром изъяснительных сложных предложений, как бессоюзных, так и союзных, является изъясняемое слово, созданная незамещенная позиция при котором в сложноподчиненных предложениях замещается придаточной частью.

Нами выделены следующие типы изъяснительных сложноподчиненных предложений.

1. Конструкции с центром подчинения «изъясняемый глагол + союз «что». Центром подчинения мы называем опорное слово первой части и союз (союзное слово), маркирующий смысловые отношения между предикативными конструкциями. В стаде-то чувствуют /что корова новая// с краечку она где-нибудь идет//; Боится/ что его посадят// а что боится /он же не виноват//; Молоко //Ну не сказала бы/ что вкусное молоко//; Вот сам и говорит /распродай все /купи корову/ чтобы не было /что у ребенка нет стакана молока//. Эту конструкцию к изъяснительным можно отнести только с оговорками: во-первых, опорное слово — не изъясняемый глагол; во-вторых, в кодифицированном литературном языке эта конструкция была бы обязательно употреблена с «то» (не было того, что). С другой стороны, глагол «быть», как семантически ущербный глагол, требует информативной компенсации, которую и получает во второй части конструкции: здесь есть указание на субъект (ребенок) и объект (стакан молока). Отсутствие соотносительного слова, надо думать, говорит о его чисто служебной функции.

2. Конструкции с центром подчинения «изъясняемый глагол + союзы (союзные слова) «как», «какой», «когда», «пока», «чтобы». Здесь речь идет об осложнении изъяснительных отношений другими отношениями: временными, целевыми, образа действия. Дополнительную семантику вносит связующий элемент—союз. Я и не знала /как их делать// так вот и попалась с имя//; Портниха рядом живет// жду /когда сошьет мне//; Видишь /какие теперь есть люди//; Она может и думать не думает /чтобы с тобой что-то сделать//; Полягет вся трава// Ждешь /пока у нас она поднимется//.

Изъяснительные конструкции в говорах Томской области представлены достаточно разнообразными структурно-семантическими типами. Изъяснительный функциональный ряд в нашем диалекте может иметь такой вид: изъяснительные бессоюзные сложные предложения — конструкции с прямой речью, квалифицируемые нами как изъяснительные бессоюз-

ные сложные предложения—конструкции, которые в лингвистике квалифицируются как предложения с вводными словами (предложениями), способные, как мы считаем, в некоторых случаях выступать в диалекте как изъяснительные бессоюзные сложные предложения — изъяснительные сложноподчиненные предложения.

Смысловым ядром изъяснительных конструкций в диалекте является изъясняемое слово. В случае его эллипсиса оно легко восстанавливается из контекста или из ситуации.

Обязательной составляющей изъяснительных конструкций в диалекте является незамещенная субъектно-объектная позиция при изъясняемом слове, восполняемая второй частью конструкции.

В сферу изъяснения на определенных основаниях могут быть введены и конструкции, где опорное слово — неизъясняемый глагол.

СОДЕРЖАНИЕ

Словообразование

Лексикология

Лексикография

Фонетика

Синтаксис

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ

ИБ 1661

Редактор **В. А. Малаховская**

Технический редактор **Г. Н. Гридина**

Корректор **Н. Н. Стенина**

Сдано в набор 27.08.85 г. Подписано к печати 28.04.87 г. К303492
Формат 60×84[1]/16. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Печ. л. 14,5; усл. печ. л. 13,48; уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 500 экз. Заказ 4620. Цена 1 р. 70 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства «Красное знамя», 634050, ГСП,
Томск, пр. Фрунзе, 113.

1 р. 70 к.